

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Екатерина Полумискова
Рассказы..... 3

Виктор Кустов
Рассказы..... 73

Игорь Берез
Сеньорита. Глава из романа 139

Александр Мосиенко
В марте 45-го. Рассказ 205

Юлия Науменко
Весна в конверте. Новелла 219

ПОЭЗИЯ

Юлия Каунова
Стихотворения 59

Валентина Нарыжная
Стихотворения 67

Александр Комаров
Стихотворения 119

Елена Иванова
Стихотворения 127

Анатолий Шевякин
Стихотворения 133

Поэтическая мозаика 225

Литературное
Ставрополье
№ 4 (2020)

КРАЕВЕДЕНИЕ

Легенды Ставропольской культуры

Николай Блохин
Кисловодская осень
Секлюцкого 175

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Тамерлан Техов
Детства радуга-дуга 231

Главный редактор
Владимир Бутенко

© Правительство
Ставропольского края

ББК 84(2=411.2)6

УДК 821.161.1

Л64

Редакционная коллегия:

**И. Аксенов, Н. Блохин, Е. Гончарова, А. Куприн,
Е. Полумискова, С. Скрипаль, О. Страшкова,
Т. Третьякова-Суханова**

**Л64 Литературное Ставрополье. Альманах. —
Ставрополь, 2020 г. — № 4**

Адрес редакции:

355006, г. Ставрополь, пр. К. Маркса, 78.

Тел.: (8652) 26-31-50.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Дизайн и верстка: С.А. Крапоткина.

Корректор: И.Е. Еськова.

Сдано в набор 20.10.2020. Подписано в печать 10.11.2020.

Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Гарнитура «Georgia». Усл. печ. л. 10,0. Уч.-изд. л. 8,26.

Заказ № 211. Тираж 979 экз.

Отпечатано в типографии ООО «АЛЕКС ПРИНТ»:

394007, г. Воронеж, Ленинский проспект, д. 94, корпус 5, к. 52.

Тел. 8 (4732) 90-45-17.

ISBN 978-5-6041360-5-8

**«ОТКРЫЛАСЬ
БЕЗДНА ЗВЕЗД
ПОЛНА»
ИЛИ ДОБРО
ПОЖАЛОВАТЬ
В РОССИЮ!**

– Холод? Ерунда. Однажды на охоте я поймал лисицу, которая умудрилась обойти все капканы и гончих. Я уже крепко схватил ее за загривок, но она как-то выкрутилась, выскользнула из своей собственной шкуры и убежала в лес совершенно голая! Свобода, знаете ли, пуще мороза... А я так и остался стоять по колено в снегу в полном недоумении и с вывернутой наизнанку лисьей шубкой, мехом внутрь...

Произнеся эту тираду, молодой поручик весьма привлекательной внешности сопровождал свой рассказ живописными жестами, затем глотнул из глиняной кружки разбавленное вино и зажевал хлебом. Больше ничего съестного на столе не осталось.

– Барон, вы произнесли возмутительную ложь! – отозвался заплетающимся языком его приятель и сослуживец, уронив на пол треуголку.

**ЕКАТЕРИНА
ПОЛУМИСКОВА**

Проза

– Неужели? Но ведь в сущности ложь – это та же правда, только вывернутая наизнанку. мехом внутрь. Вы не находите? Или, скажем несколько иначе. Правда – это та же вывернутая наизнанку ложь. Всё будто сходится.

– Ну разве можно вам после этого верить? Ни одному слову, Карл! – изрядно захмелевший подпоручик чуть не зарыдал и уронил голову в пустую тарелку.

– Видите ли, друг мой, когда я начинаю говорить подлинную правду, мне верят еще меньше... Да-да, черт возьми!

В корчме стоял полумрак, чуть подсвеченный тлеющим светом фонаря. Его пламя вздрагивало от сквозняка под закопченным потолком небольшой проходной комнаты, где совершенно ни о чем беседовали два офицера лейб-гвардии Брауншвейгского кирасирского полка. Несмотря на то, что ужин ими был давно съеден, а вино выпито, покидать заведение они явно не собирались.

Хозяин кабака, грузный латыш с круглым и пунцовым, словно чуть помятым, лицом, сонно зевал в кулак, намекая на поздний час, но гости не обращали на это никакого внимания. Видимо, кого-то ждали. Или чего-то – например, следующего утра.

А дни во второй половине января 1744 года, как назло, тянулись медленно и походили один на другой – трескучим морозом, метелями и скукой. Но выпили они не столь много, чтобы их можно было просто перенести в спальню на второй этаж за щедрую плату после пробуждения. Ибо излишней щедростью, как успел заметить хозяин заведения, его постояльцы не отличались.

Но... Было одно обстоятельство, способное всколыхнуть эту застоявшуюся, затхлую реальность.

– Хорошо, что дорогу от снега расчистили еще накануне. Небеса словно прорвало, сыплет и сыплет. Боюсь, Франц, что моим кирасирам придется вывозить этих путешественниц отсюда в Петербург в наших седлах. И мне наплевать, что на это скажет канцлер.

– Ч-ш-ш... – зашипел собеседник поручика, которого тот назвал Францем, и завертел головой, с трудом приподнятой над поверхностью стола, но затем шепотом продолжал, – говорят, что князь Нарышкин глаз не смыкает третьи сутки, даже приказал выставить тайный патруль на въезде в Ригу. И один из солдат уже отморозил себе уши.

– Уши? Скажи спасибо, что на дворе мороз. А ежели слякоть и непролазная грязь по эти самые уши... Из русского болота ведь выбраться совершенно невозможно. Хотя... Мне удалось однажды. И я вытащил себя сам. За волосы, конечно. Очень не хотелось погрязнуть. С тех пор ношу парик.

Офицеры, решившие этой ночью не спать и развлекавшие друг друга немислимой дребеденью, говорили исключительно по-русски, но с явным немецким акцентом, которого они совершенно не стеснялись, ибо хозяин корчмы одинаково плохо понимал как русскую, так и немецкую речь. И это всех устраивало.

– Я, конечно, не против, Карл. Но моя лошадь на это не подписывалась. Либо я в сверкающей кирасе при полном параде, либо эти дамы.

Франц хихикнул. Видимо, вино помогло разыгаться его пылкому воображению.

– О, да-а-а... У твоего коня обостренное чувство юмора. А если так, то конь рискует быть съеденным волками. Их нынче много в России развелось, –

барон в чине поручика, которого собеседник называл Карлом, искренне засмеялся, одновременно разгоняя смехом и хмель, и подступающий к векам сон.

– В такой мороз государыня наша императрица, Елизавета Петровна, изволила проявить милость к этим особам женского пола, чтобы они ничего себе не отморозили... Тем более уши, – Франц расплылся в улыбке.

– Пожалуй, на этот раз ты прав. Не представляю себе Якобину без ушей.

– Карл, так не честно. В прошлый раз ты говорил про Вию, теперь Якобина...

– Графиня Якобина фон Дунтен – моя невеста!

– Опять за свое! Любишь ты это дело...

– Нет, Франц. Оказывается, при моем родовом имени «монаший дом» – заметь, не «монарший» – больше всего на свете я люблю встречать чужих, как правило царских, невест на въезде в Россию. Ц-с-с-с..

Поручик осекся, оглянулся через плечо и свистящим шепотом продолжал:

– Вот скажи мне, Франц, мы с тобой сейчас на въезде в Россию или на выезде из нее, а? Лет тридцать назад Рига и не подозревала, что она когда-нибудь окажется самой западной оконечностью России, так сказать, ее крайней плотью...

Самому же барону пришла в голову и другая забавная мысль – какое счастье, что рижанам не направили в качестве градоначальника или губернатора Абрама Петровича Ганнибала. Ведь Арап Петра Великого нынче пребывал в должности коменданта Ревеля и занимался вопросами раздела земель со Швецией. Со всем уважением к Петрову любимцу и крестнику, но... для европейского ума и капризного характера высокопоставленных дам

это было бы сложнейшим испытанием – отбивать ему земные поклоны или склоняться в глубоких реверансах на губернаторском приеме. Да здравствует Арап Петра Великого! Какое счастье...

– Это зависит, Карл, от того, встречаем мы или провожаем. Вот к примеру, графиня Рейнбек с дочерью едут в Россию, и мы встречаем их на въезде. А граф Бестужев-Рюмин собственной персоной ежели бы и ехал им навстречу из самого сердца страны...

Подпоручик запнулся на этом месте своих странствующих рассуждений и потянулся к пустому графинчику из-под вина. Но барон перехватил его руку и крепко сжал запястье, да так, что у Франца брызнули слезы, и он почти протрезвел.

– Значит, мы с тобой встречали бы и тех, и других, верно?

– Карл, как я хочу спать... Но, с какой радостью я проводил бы нашего господина канцлера куда-нибудь... Куда-нибудь подальше...

Барон Карл Фридрих Иероним фон Мюнхгаузен (а это был именно он), поручик лейб-гвардии Брауншвейгского кирасирского полка и командир первой элитной роты почетного караула, на это лишь криво усмехнулся и подпер подбородок рукой, скользя мечтательным взглядом по закопченному потолку черчмы.

Он сам вот уже три недели ломал голову над личным поручением императрицы Елизаветы Петровны, не питавшей как известно никаких теплых чувств ко всему опальному семейству Брауншвейгов, в особенности к ближайшему окружению родителей наследника престола Иоанна Антоновича. Но к самому Мюнхгаузену, бывшему пажу, личному адъютанту и любимцу Антона Ульриха – супруга

Анны Леопольдовны, отца свергнутого цесаревича, проявила государыня редкое благоволение, отправив его не в вечную ссылку, а на службу под крыло к генерал-майору фон Брауну. Так, помилуй Бог, откуда ей стало известно, что барон лично знал и даже гостил проездом перед прибытием на службу в Россию несколько лет назад у тех самых знатных особ, которые теперь в жуткий холод по секретному приглашению ее величества преодолели такое расстояние и под именами графинь Рейнбек следуют в русскую столицу?

Ах, Карл, Карл... Не быть тебе ротмистром, застрял-таки в поручиках, и надолго! Меньше надо было болтать за рюмкой водки на приемах у петербургской знати... Так и раздаются в голове гулким эхом будто невзначай брошенные слова государыни – вам и делать-то ничего не нужно, барон, разве что сказать одной очень юной особе, моей гостье – «Добро пожаловать в Россию!»

Да-да, именно он должен адресовать эту фразу малышке-Фикхен. И сопроводить в северную столицу, растворившись в огромной толпе прочих примкнувших сопровождающих. Хотя, все ведь знают, что двор императрицы сейчас находится в Москве. Но ехать придется всё же в Санкт-Петербург. Чтобы гостья проследовала в точности тем маршрутом, который проделала сама Елизавета Петровна, когда решила завоевывать российский трон. Ей даже покажут казармы Преображенского полка и тех самых суровых гренадеров, которые возвели императрицу на престол три года назад. Поймет ли принцесса намек сей тонкий? Быть иль не быть – вопрос поистине королевский, и лишь наследники трона вправе задавать себе таковой...

Шесть лет назад она, восьмилетняя озорная девочка, светловолосая и зеленоглазая, покрасневшись, вбежала в комнату замка в Штеттине на зов своего отца и отпустила по поводу оказавшегося там проездом семнадцатилетнего юноши короткую и дерзкую реплику: «Не такой уж он красавец, этот ваш барон!»

Господи, каким она найдет его теперь? Узнает ли?

Ничего себе поручение! Встречать двух «инкогнито» графинь-герцогинь-принцесс поручено тоже двоим. Князь Нарышкин, любимец императрицы, камергер двора, возможный приемник канцлера, как поговаривали – и он, пятый из восьми детей отставного немецкого полковника-барона фон Мюнхгаузена, в четыре года оставшийся без отца и всю свою нынешнюю карьеру сделавший сам. Бестужев-Рюмин со всей своей придворной сворой и серьезностью влияния при дворе не удостоился такой радости – официально приехать сюда, проклиная российские дороги и холода, для того лишь, чтобы приветствовать на западной границе государства двух путешественниц по неволе. Или по воле... Божьей воле!

* * *

Сон сморил обоих офицеров за столом, когда в предрассветных сумерках с шумом распахнулась дверь, и в кабак на окраине Риги, звякая шпорами, вбежал вестовой с хриплым возгласом: «Едут!»

А еще через полчаса в замерзшее окошко ударили солнечные лучи, впервые за всю неделю. Дальше всё происходило как во сне.

Рота почетного караула во главе с бароном Мюнхгаузеном сорвалась с постоянного двора, где

кирасиры были расквартированы несколько дней назад, и всадники, все как на подбор рослые и статные, сверкая доспехами, словно свита эпического героя Зигфрида, двинулись к дороге, чтобы занять место по обе стороны проезжего тракта.

Редкие прохожие с нескрываемым удивлением и любопытством наблюдали этот захват заснеженного пустыря, который вмиг заполнился служилыми людьми.

Подъехала карета камергера князя Семена Кирилловича Нарышкина, отозванного полгода назад из Лондона (как не пришедшегося там ко двору российского посла и вельможного дипломата), и преградила путь другой, с позволения сказать, колымаге, приближавшейся к городу. Две взмыленные клячи с трудом двигались по расчищенной от снега дороге, и барон, теряясь в догадках, скомандовал: «На караул!» Ведь других путников не было видно.

Поручик спешил и быстро подбежал к остановившейся карете, на ходу откланявшись Нарышкину, который шел, чуть прихрамывая, и придерживал полы своей лисьей шубы.

Вышла небольшая заминка: кому из встречающих и с какой стороны подступить к гостям. И тут вдруг барон решительно шагнул к карете, распахнув левую дверцу настежь. Будь что будет – он склонился почтительно, протянул руку и только потом взглянул в лицо той из дам, которая оказалась напротив.

И не ошибся. Это была молодая графиня Рейнбек, в действительности – принцесса София Фредерика Августа Ангальт-Цербстская собственной персоной. Ее насмешливый взгляд скользнул, как

солнечный зайчик, по лицам встречающих и пронзил барона насквозь, а тонкие, ледяные, словно сосульки, пальцы сжали его протянутую горячую ладонь.

Он подхватил девушку и поставил ее на снег очень аккуратно, словно боялся, что эта маленькая заграничная снегурочка растает, отпусти он хоть на миг ее руку.

– Добро пожаловать в Россию, ваше высочество, – тихо и очень торжественно произнес барон по-русски. Но заметив, что мать с дочерью совершенно не понимают языка страны, которая так гостеприимно распахнула им свое сердце и двери, повторил фразу на немецком.

Он старался не обращать внимание на то, что князь Нарышкин всё еще взвешивал надобность проявлять инициативу и по привычке своей медлил, не желая выказывать излишнее почтение малоизвестной на европейском небосклоне претендентке на руку и сердце голштинского принца, очередного соискателя российского престола, и ее матери, особе как раз весьма знаменитой своими интригами и бесцеремонностью. Бежавший еще при Анне Иоанновне во Францию опальный князь, как разоблаченный тайный поклонник Елизаветы Петровны, он долгое время содействовал развитию интересов России в укреплении связей со страной, принявшей его под свою защиту. Ни Англия, ни Германия на сей момент так и не коснулись «глубин его души».

После слов кирасира дипломат как будто очнулся и тут же сделал знак своему адъютанту, который немедленно предстал перед дамами с собольей шубой в руках. Он протянул подарок государыни

младшей из них, но принцесса от холода и волнения так оцепенела, что поручик выхватил у Нарышкина шубу и ловко набросил ее на плечи принцессы. Иначе шуба оказалась бы в проворных руках Иоганны Ангальт-Цербстской и... прости-прощай царский подарок.

Несколько шагов Фикхен пришлось сделать до кареты, присланной Елизаветой Петровной взамен дорожной колымаги, в которой мать и дочь Рейнбек ехали, не привлекая внимания и рискуя оказаться в какой-нибудь придорожной яме. Юная принцесса всё еще дрожала от холода, а поручик кирасирского полка двигался медленно рядом, не решаясь нарушить молчание и поддерживая ее, а затем галантно подсадил в карету с гербами, на которой приехал князь.

Нарышкин в это время подал руку герцогине Ангальт-Цербстской-старшей, которая самостоятельно успела выбраться из дорожной кареты и, как кошка, вцепилась в локоть российского посланника. Стараясь не замечать каменного выражения лица князя, она обернулась к Мюнхгаузену и громко воскликнула:

– Как же хороши ваши кирасиры!

Князь словно не услышал этих слов, но барон поймал на себе любопытный и внимательный, теперь уже не такой колкий взгляд юной «снегурочки», и склонился перед ней в почтительном поклоне, представившись:

– Барон Карл Фридрих Иероним фон Мюнхгаузен, поручик лейб-гвардии Брауншвейгского кирасирского полка! Всегда к вашим услугам!

– Я рада, барон, что именно соплеменник и бывший соотечественник встречает нас здесь, в пока

еще незнакомой, но великой стране. Медвежьи шкуры в карете и эта шикарная шуба не позволят мне позабыть, где я.

– О, ваше высочество! Я впервые въехал в Петербург на санях, в которые вместо лошади был впряжен огромный волк. Разве такое позабудешь!

Говоря это, барон улыбнулся, но не стал уточнять, что вовсе не волк мчал его на санях по дороге в Петербург. Снежные заносы перекрыли путь к северной столице как раз в то время, когда ему надо было быть там непременно, и он влетел в град Петра, пересекая замерзшую Неву по льду на собачьей упряжке. С тех пор он уважал выдумку и смекалку простого русского люда.

Принцесса усмехнулась и покраснелась, как будто прочитала мысли Мюнхгаузена. Они говорили на немецком, и Нарышкин гневно посмотрел на поручика крепкого телосложения, высокого и красивого офицера-всадника в кирасе, размышляя про себя: «Почему бы не задержаться этой девчужке в Риге еще на пару десятков лет? Ведь трон российский не для таких дурочек!»

Но, стиснув зубы, дипломат усадил мать-герцогиню в карету, расположился рядом с ней, и в сопровождении почетного эскорта всадников под командованием бравого барона все они направились окольной дорогой к уже известному нам постоялому двору, чтобы наскоро перекусить и отправиться в путь немедля. Секретное путешествие двух особ должно было остаться таковым до самого прибытия в Санкт-Петербург.

Хозяин корчмы, где остановился господин Му-хазин (так величал барона-кирасира его же собственный русский слуга Петрушка), был переодет в

праздничный камзол, хотя совершенно не подозревал, кого он собирается угощать знаменитым чудодейственным, а потому очень дорогим «черным бальзамом» и своей необыкновенно вкусной жареной свининой с тушеной капустой и соленьями.

Гостиницы на окраине Риги отличались от прусских постоялых дворов уютом и чистотой, хотя маленькие размеры комнатушек не позволяли иметь представление о расстилавшихся далеко на восток необъятных просторах российской державы.

Нарышкин расплачивался с неохотой, но он даже не мог себе представить, насколько скудными были расходы графинь Рейнбек на пищу и ночлег по пути сюда. Однако аппетит двух дам вселял оптимизм по поводу состояния их здоровья.

Едва переведа дух и наскоро переодевшись, гости государыни направились к городской ратуше и далее к дому губернатора Владимира Петровича Долгорукова. Князь Нарышкин обронил несколько слов о том, что здесь уже собралась вся местная знать и что совсем ненадолго графини могут взглянуть на то, как русские дворяне проводят время.

Юная принцесса была слишком утомлена дорогой и совсем не горела желанием показываться на глаза незнакомым придворным. Обветренная кожа на лице и темные круги под слезящимися воспаленными глазами не добавляли ей привлекательности. А вот матушка ее изнывала от любопытства и чуть ли не на ходу выпрыгнула из кареты.

И всё же, русское общество поразило обеих герцогинь своим шиком и богатством.

Барон сопровождал Фикхен, неотступно следуя за ней в толпе знатных особ и кое-где своим гроз-

ным видом даже заставляя отступать навязчивых кавалеров. Один только не отступился, но, упершись грудью в сверкающую кирасу поручика, поднял на него дерзкий взгляд. На вид юноше было не более семнадцати-восемнадцати лет.

– Граф Сергей Васильевич Салтыков, – сквозь зубы процедил задира-щеголь, но, чуть помедлив, добавил, – младший.

Барон спокойно взглянул сверху вниз на разодетого в бархат, кружева и рюшечки румяного и курносого молодого дворянина с копной курчавых темно-русых волос, собранных на затылке в тугую косичку в отличие от поручика, на европейский манер носившего парик:

– Ах, вот оно что...

При этом, глядя через его голову, он успел мельком рассмотреть среди придворных роскошный парадный мундир командующего армией генерал-аншефа графа Василия Федоровича Салтыкова-старшего. Возвысившись при Анне Иоанновне и будучи ее родным дядей, он стал известен барону лишь в качестве главного тюремщика своего благодетеля и покровителя Антона Ульриха, отца наследного цесаревича Иоанна, которому суждено было родиться под несчастливой звездой.

Кстати, при дворе теперь много болтали о звездах, и Мюнхгаузен не мог взять в толк, какая планета напугала до смерти лейб-медика Лестока, по совместительству тайного астролога государыни, так, что тот настоял срочно упрятать в более надежные казематы и переместить подальше от западной границы всё семейство Брауншвейгов – Анну Леопольдовну, Антона Ульриха и Иоанна Антоновича. Именно сейчас.

Не известно, чем бы закончился инцидент с молодым Салтыковым, но в этот самый момент кто-то осторожно и настойчиво дернул его за рукав.

– Якобина? – Мюнхгаузен был ошеломлен.

Красивая стройная особа в голубом бархатном платье, украшенном белоснежными венецианскими кружевами, дочь городского судьи и высокородного рижского дворянина немецкого происхождения, блистала при дворе губернатора Риги, князя Долгорукова, вызывая неприкрытую зависть прочих девиц на выданье с куда более скромной внешностью. Барон даже несколько раз за эти полгода отстаивал на дуэли право ухаживать за молодой графиней фон Дунтен, сопровождал ее на прогулках, и в городе заговорили о скорой свадьбе. Но сегодня впервые он позабыл напрочь о самом существовании Якобины.

– Так вот в чем дело, сударь, – прошептала девица одними губами, сохраняя на них очаровательнейшую из своих улыбок. Хотя серые глаза ее приобрили оттенок стали и метали стрелы.

– Не сердитесь, Якобина, я же при исполнении, – так же мило улыбаясь, парировал он. – Разве вы не видите, какой щедрый прием затеяли в честь этих двух особ, прибывших по личному приглашению императрицы. Они путешествуют тайно, и я не могу рассказать вам всего того, что связывает меня с этой семьей...

– Ах, так, – воскликнула Якобина и закусила губу. – А я поверила вам, Карл! И мой отец поверил и даже полюбил вас, как сына...

– А вы, душа моя, разве не полюбили меня? Я ведь надеялся – выполню личную просьбу государыни, и мы обвенчаемся здесь, весной. Не вы ли

обещали мне свою руку и сердце взамен всего того, что требует моя государева служба.

Слишком часто в этом январе он слышал в свой адрес упреки в недоверии. Его обвиняли во лжи и друг, и любимая, и даже слуга Петрушка – когда барон в ответ на простой вопрос, отчего вы, ваша милость, решили коня любимого перековать именем кобылы, неудачно пошутил – а пусть не спотыкается.

Барон говорил очень тихо, но так убежденно, перемежая правду с очередной чушью, что уже не мог остановиться. Ведь он поклялся говорить обо всем на свете с кем угодно, только не о цели приезда графинь Рейнбек и не о том, что был лично знаком с померанскими принцессами еще со времени своей ранней молодости. Боже мой, что сейчас может случиться, если Якобина устроит ему сцену! При одном только взгляде на графиню фон Дунтен его охватывал внезапный жар, словно обрушившийся из ниоткуда тропический морской шторм, рискуя накрыть с головой и опрокинуть, как потерявший управление парусник. А он мог любоваться прекрасной Якобиной вечно! Принцесса Фикхен – чудное, капризное и упрямое создание, почти совсем еще дитя, но она никогда не будет в его власти, никогда...

Выручил опять же случай.

Графиня Рейнбек-старшая окликнула поручика:

– Господин барон, мы с дочерью просим не покидать нас и рассказать одну из ваших необыкновенных историй.

– А как же я, Карл? – сквозь слезы пролепетала Якобина.

– Мне пора, любовь моя, – пылко пробормотал барон и поцеловал пальцы Якобины, прижав их к

своим горячим губам. Он был серьезен, как никогда. – Я вернусь из Петербурга, выполню свой долг, и уже ничто не сможет нас разлучить. Клянусь...

* * *

Тем не менее, как и обмолвился камергер двора князь Нарышкин, путешествовать до северной столицы графиням-герцогиням-принцессам предстояло вовсе не в карете, а на огромных императорских снях, запряженных восьмеркой породистых жеребцов, в сопровождении придворных вельмож, кирасир и драгун из отборных лейб-гвардейских полков. Но графини не желали отпускать от себя ни на шаг веселого и обходительного барона, тем более, его безобидные шутки и остроумие заметно подняли настроение гостей императрицы, наряду с шикарными подарками и почетным приемом.

Имея поручение императрицы и официальный приказ генерала Брауна сопровождать гостей до Петербурга вместе с целым поездом вельмож и гвардейцев, барон надеялся без особых хлопот и объяснений в составе свиты оказаться там, где он менее всего должен был быть замечен. Ибо за неделю до описываемых событий секретным приказом Елизаветы Петровны опальное семейство Брауншвейгов спешно вывезли из крепости Дюнамюнде, находившейся в предместьях Риги ниже по течению Даугавы, по направлению к Северной Столице. В указе императрицы предписывалось генералу-аншефу Салтыкову Василию Федоровичу вывезти всё семейство тайно, ночью, не заезжая в Ригу, через озера на псковскую дорогу. Но след их странным образом потерялся.

И вся эта шумиха вокруг графинь Рейнбек не позволила бывшему пажу и личному адъютанту Антона Ульриха, коим являлся барон, теперь же убедиться в безопасности свергнутого три года назад претендента на российский трон. А вдруг они все уже мертвы, и государыня не простит ему, барону, такого фиаско?

Однажды предложив свою шпагу российской империи, он столько раз старался отодвинуться от политических интриг и заслужить репутацию честного офицера, но, раз за разом, всё глубже втягивался в это болото. Ведь идею спасения от смерти своего благодетеля и супруга принцессы Анны Леопольдовны с их малолетним сыном Иоанном высказывала не единожды сама Елизавета Петровна, намекая, однако, на то, что на всё воля Божья, и что пока она правит Россией, жизни Брауншвейгов ничто не угрожает. Жизнь в обмен на вечное заточение и полное неведение для наследника, кто он такой – это поистине царская милость.

Отсутствие прямого собственного наследника у самой Елизаветы вынудило ее на крайние меры. Ибо удерживать и Брауншвейгов, и Голштинских отпрысков у себя под боком, но никогда не позволять им править страной, было как раз в духе Её Величества, даже вопреки ее собственной воле. До сих пор взор императрицы затуманивался слезами от воспоминаний о своем возлюбленном женихе, смерть которого от оспы, свирепствовавшей в Петербурге, не позволила им соединить свои судьбы и царственные фамилии. Нынче же преждевременная смерть кого-либо из названных принцев и принцесс развязала бы войну с Европой и грозила бы потерей позиций на востоке. Но врагам

России не терпелось под видом покушения или несчастного случая извести Иоанна Антоновича, а всю ответственность и негативные последствия возложить на подозрительность, несговорчивость и кровожадность Петровой дочери, которую так ярко поддержали во время дворцового переворота 1741 года многочисленные дворяне средней руки.

Как же повезло Мюнхгаузену, что он не находился в ту роковую ночь при своем патроне, а выполнял одно из его многочисленных поручений! Его бы непременно лишили всех чинов, а после ужасных, совершенно бессмысленных пыток и допросов сослали бы в Сибирь на рудники. Но этого, к счастью, не случилось. Наоборот, императрица милостиво позволила ему служить в Риге, теперь вот – встречать своих гостей, сопровождать их и приглядывать как бы со стороны за телохранителями и тюремщиками опального семейства Антона Ульриха.

А ведь это – великое доверие к немцу-барону, которого за такую милость одновременно возненавидели и соплеменники, лишившиеся монаршего покровительства, и исконно русские высокие вельможи.

И вот теперь, три года спустя, представился ему, двадцатичетырехлетнему, еще неженатому, но опытному в делах войны и светских отношениях немецкому дворянину, происходившему из нижне-саксонского древнего рода с нелепой и длинной фамилией, переводившейся как «монашій дом», шанс один на миллион – начать всё с начала и заслужить расположение самого роскошного и могущественного из монарших домов мира. И он его использует. Но не ценой гибели своих прежних покровителей. В делах чести и совести барон оказался весьма щепе-

тилен. Он один из немногих понял и принял Россию сердцем, как ему показалось, и нынче настала пора послушать свое сердце. А оно подсказывало ему действовать.

Подавляя волну неприязни к молодому Салтыкову, накатившую было к самому горлу барона, он вдруг окликнул его:

– Господин граф, так я представлю вас графиням Рейнбек, личным гостьям государыни Елизаветы Петровны?

Взгляд дерзкого юноши потеплел, исполнившись почти собачьей благодарности и уверенности в собственной неотразимости, а щеки полыхнули румянцем, когда он целовал руку принцессы Фикхен.

Наблюдая эту трогательную картину знакомства, барон поймал тень любопытства и восхищения в глазах недавней «ледяной снегурочки» и, улучив момент, шепнул ей на ухо по-немецки:

– Ваше Высочество, полюбите Россию, но еще более – полюбите русских. И они сделают для вас невозможное. Даже полюбят Европу, а в вашем лице – всех нас, иностранцев, преданных вам и России всей душой.

Теперь лишь бы Салтыков-младший не оказался дураком. Как должник барона, он мог бы кое-что разузнать у своего батюшки о местонахождении Брауншвейгов и их дальнейшей судьбе. Хотя, по слухам, батюшка к сыну своему был совершенно безразличен. И окружающие предпочитали не выяснять друг у друга, от которой из его несчастных жен произошел сей молодой человек, носивший тем не менее и фамилию, и даже титул старого графа Василия Федоровича Салтыкова, бывшего

кравчего при Петре I и бывшего градоначальника Санкт-Петербурга при Анне Иоанновне.

Мюнхгаузен вышел на крыльцо, чтобы немного привести в порядок мысли, роившиеся в голове, как снежинки в рождественскую метель. Воздух был резок от мороза, а небо удивительно ясное – впервые за несколько дней. Он запрокинул голову и обомлел – ближе к зениту виднелась яркая звездочка с двумя туманными хвостиками, закрученными наподобие козлиных рожек. Барон зажмурился и мотнул головой, стараясь прогнать невероятное видение. Но звездочка с двумя рожками оставалась на месте и словно подмигивала со своей головокружительной высоты.

– Mein Gott! – прошептал Мюнхгаузен, сотворил крестное знамение и спешно вернулся в полуночный шумный зал, где слышались разговоры, дамский смех и гремела музыка.

На следующий день с раннего утра огромный кортеж, растянувшийся почти на милю, двинулся по направлению к северной столице. Кирасиры барона скакали во главе, окружив плотным кольцом сани герцогинь Ангальт-Цербстских (матери и дочери). Надо заметить, что сани эти представляли собой небольшой царский домик на полозьях, где путешественницам можно было на ходу спать, принимать пищу, беседовать и даже читать и писать. Но впечатления от езды не позволяли им оторвать взгляд от запотевающих небольших окошек, мимо которых проносились то зеленые ели, густо обступившие заснеженную дорогу, то горящие факелы и зажженные смоляные бочонки, яркими огнями обозначавшие путь в ночи. Скакали день и ночь, почти не останавливаясь.

На передке саней позади кучера восседал князь Нарышкин, камергер двора, причем тряска на ухабах не доставляла ему ни малейшего удовольствия, но таковы были правила этикета. Когда же он пересаживался в свою карету, чтобы немного передохнуть, или в гостевые сани, чтобы переговорить с дамами о предстоящем приеме в Санкт-Петербурге, на козлах размещались шталмейстер Болховитинов, дежурный офицер Измайловского полка, и немец Латторф, сопровождавший герцогиню от их самого дома. На запятках императорских чудо-саней находились два офицера Преображенского полка и еще два камер-лакея.

Следом скакал небольшой отряд Лифляндского полка, а замыкал гостевой кортеж комендант верхом на рослой кобыле. Далее следовала в отдельных санях девица Шенк, личная горничная герцогини, с туалетами и провиантом. Затем двигались сани камергера Нарышкина и уже после – экипажи многочисленных сопровождающих из свиты и представителей местного дворянства, сенаторов, магистров и прочих.

Десятки офицеров мчались галопом по обе стороны обоза, обгоняя друг друга и словно соревнуясь в своем умении и сноровке по части верховой езды. Среди них летел на гнедой великолепной лошади молодой граф Салтыков, обходя менее ловких драгун и кирасир, чтобы показаться на глаза юной принцессе Ангальт-Цербстской и поднять на дыбы своего коня перед самым окошком императорских саней. Герцогиня-мать была не в восторге от таких пламенных порывов невесть откуда взявшегося русского поклонника ее дочери и периодически восклицала – боже мой, кто это?

– Это же граф Салтыков, матушка, – лепетала Фикхен, – помните, нам его представил барон Мюнхгаузен на приеме у князя Долгорукова?

– Не помню, девочка моя, и тебе не советую о нем вспоминать. Как и о бароне. Он хоть и соотечественник, но слишком долго живет в России.

Фикхен только вздыхала и опускала парчовую занавеску на окошке царских саней, чтобы через время снова приподнять ее, отыскивая взглядом фигуру ловкого и умелого русского наездника с румяным от мороза лицом и дерзкими синими глазами.

В начале февраля кортеж буквально ворвался в Санкт-Петербург, встреченный пушечным залпом, прогремевшим с Адмиралтейской пристани. А ровно в полдень весь поезд остановился у парадного крыльца перед Зимним Дворцом.

* * *

– Петрушка, где ночевать будем? Сдается мне, что добрая половина России собралась здесь, плюнуть некуда, – бросил на ходу барон, адресуя тираду своему слуге.

Они пробирались сквозь толпу зевак, собравшихся поглазеть на многочисленную свиту во главе с градоначальником Санкт-Петербурга князем Репниным, который вместе с четырьмя статс-дамами присоединился к герцогиням Ангальт-Цербстским на въезде в северную столицу.

– А то как же, ваша милость. Только я не представляю, где же собралась злая половина, – отрывисто пробурчал Петрушка, едва поспевая за долговязым и проворным бароном. – На этой стороне, у Дворца Зимнего, преображенцы да измайловцы гуляют, нам же потише место пришлось отыскать.

Через Неву по льду на Васильевский остров переберемся, а там рукой подать, за Академией, где ученые мужи проживают – немцы, шведы, французы. Да вы и сами припоминаете, бывали ж ведь там, когда Антону Ульриху служили. Ежели что, нас там нынче никто искать не станет. Да и не признают вас в лицо теперь ученые академики. Они в своих интригах так погрязли, так меж собою пересобачились, что обо всем на свете позабыли. А коня вашего я в конюшне при казармах преображенских пристроил. Расплатился серебром, как вы и велели. И мою лошадку мохноногую чай не обидят. День-два отдохнут кони. А уж потом и нам пора в обратный путь.

– Постой, – оборвал его Мюнхгаузен и резко остановился, – мне бы еще с Салтыковым повидаться. Хоть он и пьян с утра в дым, но куда-то собрался. Уж не к батюшке ли своему, за Брауншвейгами присмотреть.

– Идемте, господин Мухазин, как бы за нами не присмотрели вот эти два гренадера, – процедил сквозь зубы Петрушка и ускорил шаг, не оборачиваясь. Но барон краем глаза углядел двоих шустрых малых, которые едва попевали за поручиком и его слугой, боясь потерять из вида. – Дело верное, пока доберемся, смеркаться начнет. А Ваньку, холопа салтыковского, я часа два назад встретил у казарм. Как раз залп прогремел с Адмиралтейской пристани в честь гостей. Да что-то там у них с порохом не заладилось, отсырел что ли. Кorteж уж проехал, а молодцы служилые с господами учеными так переругались, хоть уши затыкай. Говорят, ежели залп вовремя не дадут, то всех этих академиков разжалует градоначальник. Дескать, тащите весь порох,

какой есть, да огня побольше. И тут как рванет. Царица Небесная! И Ванька этот как шархнется – мне под ноги. Узнал, паршивец.

– Ну, говори, что дальше.

– Так вот, я спрашиваю у него, что это за ряженные возле пушек толкаются? А он в ответ – так за все фейерверки и салюты потешные при торжественных моментах ответственны теперь химики-алхимики из Петербургской академии наук. Чтобы зря казенные харчи не проедали. А ты что тут крутишься, спрашиваю, в академики-химики-алхимики решил податься господин твой, граф Салтыков-младший? На что Ванька перекрестился и шепчет, якобы у молодого графа денег даже на ночлег не осталось, и поспешать ему надо в крепость.... Как ее, бишь... Название еще такое, как залп пушечный, страшное...

Петрушка задумался и хлопнул себя по лбу:

– То ли Оранбум, то ли Раненбам...

– Может быть, Ораниенбаум?

– Может и так. А может, не так. Фейерверк в небо с таким шумом рванул и в глазах замелькало, что не расслышал я толком. Виноват, ваша милость...

– Есть тут недалеко местечко райское на берегу залива – Ораниенбаум. Только вряд ли несчастных благодетелей моих туда решили препроводить. А Раненбург – это конура собачья в самом сердце России, ох и гиблое место. Туда еще кое-как добраться можно, а вот оттуда выбраться...

Барон вздохнул. Вот куда решила императрица упрятать опального царевича с родителями его несчастными. Под присмотром Салтыкова-старшего они долго не протянут. Граф по призванию душевному тюремщиком стал, а вот юноша больно

прыток, чтобы усидеть в чашобах на берегах воронежских да ночами на луну по-собачьи выть. За немецкой принцессой в Москву кинется, как только выпросит у отца отступные. А вслух произнес:

– Пошли уже, Петрушка. Смеркается, мороз крепчает. Да помни, что для всех я тут просто господин Мухазин.

Дорожка ледяная была присыпана золой, а на противоположном берегу Невы мерцали огоньки, за которыми простирался пустырь. Поодаль виднелись дома, прижимавшиеся друг к дружке в ряд.

– Один из тех пушкарей, что фейерверк запускали, оказался из ученых людей, сжалился над просьбой моей и согласился за небольшую плату позволить переночевать в его коморке, – продолжал вполголоса Петрушка, надвинув шапку на лоб и запахнув тулуп, так как порывы ветра нещадно обжигали лицо и шею. – Топить, говорит, нечем, есть нечего, дочь малолетняя месяца три назад померла, лечить никто забесплатно не соглашался. А супруга как тень из угла в угол слоняется, места себе не находит. Немка она. Вот и обрадовался он, как узнал, что и вы из немцев родом будете. Хоть отвлечется жена, говорит, от дурных мыслей, с соотечественником словом перебросится.

– Ладно, пошли, Сусанин.

Перебравшись через замерзшую Неву на Васильевский остров пешком, барон в сопровождении Петрушки, который тащил за собой на санках нехитрый скарб, отправились вглубь заросшей кустарником и заснеженной чуть ли не по пояс территории.

Дорог там, как впрочем и по всей России, не обозначалось. Да и мало что изменилось в облике горо-

да Петрова за те три года после воцарения Елизаветы Петровны. Разве что люди поменялись местами – кто взлетел повыше, кто совсем вылетел аж до сибирских далей.

В густеющих сумерках видна была только широкая просека, пролежавшая через всё обозримое пространство. И в снегу протоптанная колея, присыпанная золой, огибала ряд строений, именовавшихся Академией, уводила к северной оконечности острова на побережье и становилась всё более кривой и узкой, петляя между замерзшими канавками, огороженными плетнями и штaketником.

Наконец уперлась тропинка в ворота двухэтажного большого деревянного дома на каменном фундаменте с несколькими входами.

Дом генерала Бона, когда-то бывшего генерал-губернатора Риги, можно было назвать хоромами, ибо помещалось в нем несколько квартир с кухнями, погребами, конюшней, покоями для слуг и гостевыми комнатами, приспособленными для жилья более скромного люда. Вокруг раскинулся сад с огородом, на довольно большой территории которого виднелись четкие ряды саженцев, кустов и небольших деревьев, укрытых соломой и обвязанных тряпицами. Под крышей дома имелся чердак, а в небо поднималось несколько дымившихся труб. В окнах на первом и втором этажах через ставни пробивался слабый свет, из чего следовало, что жилище обитаемо.

Петрушка растерялся, глядя на двери с крыльчками. В которую надо постучать? Потом шагнул к ближайшей и стукнул в притолоку. Почти сразу же двери открылись, а на пороге появился мужчина в меховой безрукавке с колпаком на голове. На ломаном русском он произнес:

– Што фам уходно, коспода?

– Нам бы переночевать, с разрешения господина Ломоносова, – отбарабанил заученную фразу Петрушка.

– Косподин адъюнкт только что фышел на прогулку по причине астрономических наблюдений и будет за полночь. Никаких распоряжений на фаш счет он не дафал.

После такого ответа дверь захлопнулась. Барон присвистнул от удивления, а Петрушка сорвал с головы свой малахай и ударил им со всей дури о деревянную ступеньку крыльца.

И тут барона осенило. Он подошел к двери вплотную и громко постучал еще раз. А слышав шаги за дверью, произнес по-немецки:

– Хозяин этого дома согласился пустить нас на ночлег за плату, и я слышал, что здесь живут мои соотечественники, люди весьма доброго нрава, но стесненные обстоятельствами. Вдали от родных мест разве не должны мы помогать друг другу?

Дверь немедленно распахнулась, и на пороге появился всё тот же мужчина в колпаке с сальной свечой в руке, из-за плеча которого выглядывало осунувшееся женское личико в кружевном чепце.

– Входите, господа, раз так, – отвечала женщина по-немецки. – Муж мой человек добрый и порядочный. Хоть и наговаривают на него всякое.

– Мы ничего ни на кого не наговариваем, – ответил барон, переступая порог квартиры. – Я тоже человек порядочный и благородный, зовите меня господин Мухазин, а это слуга мой, Петрушка. Через день мы уедем отсюда...

Женщина не дослушала и залилась слезами, затем кинулась в объятия Мюнхгаузена, повторяя без остановки «Mein Gott!»

Элиза Цильх после принятия православия и венчания по православному обычаю стала именоваться Елизаветой Андреевной, а родной брат ее Иоганн, не рискнувший оставить сестру на произвол судьбы и отправившийся с ней в далекую Россию, стал для всех Иваном Андреевичем. Жили они все вместе в двух небольших комнатах-коморах, выделенных руководством Академии наук адъютанту Ломоносову после его многочисленных просьб.

По сравнению с шикарным убранством рижских и петербургских дворцов в глаза барону бросилась бедность и убогость обстановки. Убитая горем Элиза после потери второго ребенка (первый малыш умер еще в Марбурге) пребывала в подавленном состоянии духа и бродила по квартире, не зная чем занять себя. Муж только две недели как был освобожден по приказу Сената и с благоволения государыни из-под девятимесячного домашнего ареста в связи со скандальным «делом академиков». На семейном совете было решено за счет мизерного жалования адъютанта, да еще и уменьшенного вдвое в качестве штрафа, покупать дрова, чтобы хоть как-то противостоять холоду. Голоду противостоять решили от случая к случаю.

– Ну, что, хозяйка, сообрази нам что-нибудь удобоваримое на ужин из запасов моего господина! – Петрушка с разрешения Мюнхгаузена достал из вещевого мешка, прикрученного веревками к саням, горбушку хлеба и шмат копченного сала.

Однако супруга ученого оказалось стряпухой, прямо скажем, никакой. Долго отыскивая глубокую сковородку и нож, она, не без помощи Петрухи, вытащила из плетеного лукошка пяток яиц, луковицу и кувшинчик постного масла. Но жарить категорически отказалась.

– Вот вернется супруг с прогулки, тогда и пожарим. А то ведь он голодный ушел на мороз, нехорошо...

Нехорошо – согласились случайные постояльцы. И уселись ждать.

За стенкой орала чьи-то дети, отчего глаза хозяйки быстро наполнились слезами. Но детский плач перекрикивал сиплый, как будто скрипучие ржавые металлические петли на дверях, голос. И барон живо заинтересовался – кто же это по соседству такой шумный? Оказалось, Иоганн Георг Сигизбек, врач и по совместительству – директор ботанического сада и огорода, а также всё его большое семейство – супруга и восемь детей. Рядом в комнатке помещался садовник Академии по фамилии Штурм.

Сигизбек был неуживчив не только с жильцами Бонова дома, но и с большинством передовых ученых в мире. Про конфликт шведского светила Карла Линнея с Сигизбеком знали абсолютно все в Академии, но вымещал свою злобу наш ботаник именно на ближайших своих соседях. И Ломоносову частенько приходилось чуть ли не кулаками утихомиривать громко бранившегося, но недалекого по части науки горе-садовода.

Просидев с час в ожидании хозяина квартиры и изнывая от голода, барон вскочил на ноги и сам решил отправиться на поиски адъютанта, тем более, тот после освобождения из-под ареста гулял после семи часов вечера одним и тем же маршрутом с подзорной трубой под мышкой, уходя подальше от огней и фонарей в пустынную оконечность острова, почти к самому берегу. Он, по словам брата жены, забирался на возвышенность или какой-нибудь необитаемый чердак, чтобы спокойно предаваться наблюдениям за суточным ходом небесных светил.

А нынешний вечер обещал быть ясным, и даже ущербный месяц не мешал ученому вести наблюдения. Ради заработка Ломоносов лихо взялся за научные переводы с немецкого труда «Описание в начале 1744 года явившейся кометы» астронома-академика Готфрида Гейнзиуса, да и сам не хотел отстать в этой области науки. Тем более, Академия сама поручила наблюдения ученому немцу-академику, который примечал комету через «изрядную григорианскую зрительную трубу».

Барон закутался в свой суконный плащ, подбитый мехом и наброшенный поверх камзола, надвинул треуголку на самый лоб, нацепил шпагу и вышел на крыльцо. Мороз крепчал, а окрестности погрузились в такую темень, что шагов через пять трудно было разглядеть линии на собственной ладони. Благо, еще в годы службы у Антона Ульриха ему приходилось бывать здесь раньше, общаясь с немецким руководством Академии и с прочими европейцами, ступившими на российский болотистый берег в неприветливой гавани, не совсем еще обустроенной для встречи крупных флотилий и судов.

Он шел к дальней оконечности острова, и снег скрипел под каблуками его ботфортов, словно здесь никогда не ступала нога человека. Хотя на дорожке виднелись крупные следы от сапог. Стоп! А вот совсем свежие – от пары ног, обутых в валенки. А вот еще. Что это? Получается, за вчерашним арестантом кто-то по ночам внимательно наблюдает, как тот за кометой?

И барон ускорил шаг.

Выйдя к просеке, обозначавшей будущую Большую Перспективу, поручик стал всматриваться в темноту и не без труда разглядел три фигуры, ко-

торые маячили у забора недостроенного дома. Перебегая от дерева к дереву, от ствола к стволу, он смог приблизиться к незнакомцам настолько, что услышал обрывки фраз, произносимых вполголоса на русском языке, и обомлел.

– Вон, гляди, Васька, как пить дать он. Вторую неделю матросы в гавани болтают, что тень Петра стала каждую ночь сюда являться и смотреть в подзорную трубу на небеса. До нас, смертных, нет ему пока дела. Но покуда в небесах таинственный свет горит, не бывать покоя для государя.

– А коли это не царь Петр, а какой антихрист в человечьем обличи, что тогда?

– Да ты сам посмотри туда, куда этот дьявол через трубу смотрит. Вишь, как туману-то напустила звезда с лучом огненным? Как павлин с хвостом по небу ходит, от вечерней зари до самого рассвета.

– Ага. Будто кто деревеньку запалил на горизонте, а дым медно-рудного цвета ветром разносит во все стороны...

– Коли это человек, так его можно поймать и расспросить обо всем. В тайной канцелярии. Или по карманам пошарить и отпустить, коли щедрым окажется и за жизнь свою денежки выложит. Не первый год мы тут иноземных поселенцев да купцов в страхе держим. Откупались пока.

– Что-то боязно мне. Вдруг и правда царь с того света заявился. Удавит ведь рукой своей длинной. И этот, гляди, тоже высок ростом, да в плечах узок. Уже час так стоит с трубой в руке, не шелохнется.

Барон поднял голову, пытаясь увидеть тень Петра. Крыша дома оказалась разобранной, и в большое отверстие выдавался на фоне звездного неба худощавый и долговязый торс с подзорной трубой

в вытянутой руке. Другой рукой фигура упиралась в пояс.

– Mein Gott! – прошептал бравый поручик и почувствовал, что от увиденного язык начал прилипать к небу.

Вдруг силуэт с трубой исчез, потом скрипнула калитка на выходе из пустого дома, и сразу три лихих человека набросились на выходившего из дверей. И тут произошло невероятное.

Тень Петра стала яростно сопротивляться, схватив одного из ночных разбойников за воротник и отвесив ему неслабый удар кулаком прямо в лоб. Нападавший обмяк и отлетел в сторону, угодив в сугроб да так и не сумев из него выбраться. Другого, оказавшегося человеку с трубой (а это был несомненно человек) чуть выше уровня груди, он ударил ногой в живот, а когда тот согнулся пополам, саданул его по шее. Подзорную трубу этот отважный господин не выпускал из левой руки, памятуя о ценности и важности сего предмета. При этом разбойники молчали, словно языки проглотили – от неожиданности или от ужаса, а незнакомец извергал громкие проклятия:

– Ах, канальи, что удумали! Пошли прочь! Никому спуска не давал, и вас не пощажу. Грабить честного человека, русского ученого, да еще при деле находящегося – где такое видано?

Барон отлепился от древесного ствола и ринулся на помощь, ибо слова этого человека не позволяли сомневаться, что перед ним и есть тот самый адъютант Ломоносов, производивший астрономические наблюдения.

В это время один из нападавших выбрался из сугроба и устремился к ученому, норовя выхватить хотя бы подзорную трубу.

Барон крикнул по-немецки:

– Держитесь, господин адъютант!

Но от неловкого движения поскользнулся, рухнул на стоявшего на четвереньках другого разбойника, который никак не мог оправиться от удара в лицо, наполовину залитое кровью, и они покатались клубком по рыхлому снегу. Ломоносов (а это был несомненно он, ибо фамилию свою оправдывал), на удивление быстро разобрался с третьим нападавшим, сопроводив свои гневные тирады пинками под зад. А потом склонился над бароном, который лежал навзничь, глядя в звездное небо.

Там, почти в зените, расплывалась светящаяся вуаль вокруг яркой кометы. И ему показалось, что это от удара головой о лед у него всё плывет перед глазами и мелькают радужные сполохи.

Комету загородил силуэт человека высокого роста, который миролюбиво улыбнулся и произнес загадочную рифмованную фразу:

– Открылась бездна звезд полна, звездам числа нет – бездне дна...

Затем он быстро нагнулся и помог встать барону, легко подняв его двумя крепкими, сильными руками за шерстяной шарф, обвитый вокруг шеи.

– Что это? – только и смог прошептать барон.

– Это? Стихи, вечерние размышления, так сказать. Разговор с самим собой, знаете ли, когда сидишь под арестом...

– Я не о том, господин адъютант, – и поручик поднял очи к небу.

– Ах, вот что... Это комета, всего-навсего. Люди такое болтают – смуту готовы сотворить, поубивать друг друга. Вы же видели сейчас.

Но барону вдруг подумалось совсем о других людях – о Брауншвейгах. Уж не из-за этой ли звезды хвостатой выдворяют их из крепости да снова в крепость? Куда хвост повернется, туда и волокут, чуть ли не среди ночи подняв. Да и графинь Рейнбек какими-то петлями в Россию ввезли – то в Москву бы надо ко двору, то вдруг уже не надо, везите в Петербург. Странно это всё.

А Ломоносов продолжал:

– Что ее бояться, комету-то? Хоть и сияет она, как Сириус-Каникула. Ну и что, как ярче Венеры нынче светит? Вчера Гейнзиус на рассвете сполох конический наблюдал, говорит, свет зодиакальный зажегся факелом. И что с того? Я по полгода в своих Холмогорах небесным сиянием любовался, какого в их Европах и не видали отродясь!

– Холмогоры?

– Да, родился я там и вырос. Поморы мы.

– Идемте домой, а то супруга ваша заждалась, да и мы все уже проголодались. Я – Мухазин, искать вас отправился, а тут эти...

Ломоносов виновато улыбнулся, кивнул и взял под руку своего собеседника, двигаясь в сторону просеки.

– Как же я запамятовал? Ночлег обещал вам, а тут на небо взглянул и всё разом позабыл! А я, в сей бездне углублен, теряюсь, мыслями утомлен...

– Хороший вы человек, добрый и прямодушный, по всему видно. Прошу вас очень об одном одолжении – о ночлеге нашем помалкивать. Лихих людей по всему свету полно, и Петербург им не заказан. И вы под арестом ни за что отсидели, и я бы не желал...

– Вы не подумайте, господин Мухазин, я ведь за науку и за мужей ученых российских вступился, так на меня все помои разом вылили – будто я с немцами в Академии кусок хлеба не поделил! Как можно-с? У меня ведь жена – немка, учился я в Европе, в Германии, перевожу вот труды с немецкого на русский, чтобы из мракобесия Россию поскорее вывести. Чего же еще надобно? А меня как котенка паршивого – носом в дерьмо. Жалование недостойное платят, впроголодь живем, дитя потеряли – за стенкой доктор Сигизбек живет, а совет дать бесплатный отказался, ведь денег у нас не было...

– Слышал я того Сигизбека из-за стенки, как своих малых детей переорать пытался, будто с деревьями в дубовой роще говорил. Видать, каков он садовник, таков и доктор. Но я сам немец. Не хочу ни на кого напраслину городить. За ночлег заплачу хорошо. Только вы далеко так по ночам не ходите – прибьют ведь. Этим разбойникам показалось, что на крыше тень императора Российского Петра явилась. Неизвестно, что другим покажется.

Ломоносов расхохотался:

– Царь Петр бывал у нас в Холмогорах, когда меня еще на свете не было. Родня сказывала. Знал, что северяне – люди смелые, сильные, упрямые, до науки жадные и до правды, а вовсе не до денег.

– Правда – она, как шкура лисья, куда вывернешь мехом, там и мягко.

– Э, нет. Правда – она будто стекло в колбе. Тверда и прозрачна. Хоть на свет посмотри, хоть разбей да сквозь осколки с любой стороны взгляни. Не выворачивается она, господин Мухазин! Однако, хрупкая – бьется, острыми краями в кровь

режет, ежели рискнешь неаккуратно прикоснуться к ней. Крошится, в песок растирается. Но, хоть один осколочек, хоть одна песчинка останется, а уж по ней и понятно, что это стекло, а вовсе не глиняная крынка, к примеру. Вот где наука-химия боком-то выходит.

Барон не нашелся, что ответить ученому. Шли они до Бонова дома и говорили о поэзии, о звездах, о фейерверках и еще бог знает о чем.

Через пару дней на рассвете выехал барон в сопровождении своего слуги из Петербурга в Ригу, когда перед восходом солнца комета распустила невероятный по красоте туманный хвост – из шести огненно-рыжих, как лисий мех, перьев длиной в полнеба.

Петрушка набожно перекрестился, глядя на небесную феерию, а Мюнхгаузен пришпорил коня, размышляя только об одном – не быть живу царю Ивану VI Антоновичу, не править ему Россией – хоть где он теперь окажись. Хоть в Ораниенбауме, хоть в Раненбурге, хоть даже на самом севере российском, в Холмогорах. И да храни, Господь, эту девочку – Фикхен, принцессу Ангальт-Цербстскую!

А хвосты кометы числом шесть, как ручейки кровавые, растекались по небосводу и зажигали восточную сторону горизонта призрачным алым пламенем.

И то лишь есть истинно и верно, что барон летит сейчас во весь опор в противоположном направлении, на запад, где ждет его возлюбленная – красавица Якобина фон Дунтен.

И уже не будет ему другой отныне дороги.

«ПОБЕДИЛА СТАЛЬНАЯ КОННИЦА»

Видавший виды поезд, постукивая колесами, покачиваясь и поскрипывая на ходу, огромным неповоротливым железным ящером полз под палящими лучами южного солнца, то набирая ход, то притормаживая на полустанках, а то и вовсе простаивая в тупиках или в степи на перегонах, чтобы пропустить встречные составы и воинские эшелоны, шедшие в Новороссийск.

По вагонам гуляли сквозняки, но это не спасало от жары. Пассажирам ничего другого не оставалось, как прильнуть к открытым или же просто выбитым окнам в купе и коридорах, наблюдая унылые степные ландшафты со следами прокатившихся здесь не так давно боевых действий. Однако пейзажи с дымящимися пепелищами, зияющими дырами в камышовых крышах хатенок и мазанок на окраинах хуторов, закопченными стенами полуразрушенных часовен и колоколен, никого не удивляли.

Иногда на вершинах холмов, тянувшихся цепью вдоль железнодорожного полотна, появлялись вооруженные всадники, и раздавались одиночные выстрелы. Поросшие бурьяном, не паханные и не засевавшиеся в течение всего военного времени поля, сиротливо раскинувшиеся по обе стороны «железки» и устремившие безнадежные васильковые и ромашковые взоры к суровым небесам, казалось, молили только об одном – чтобы миновала засуха. Но на эти земли так и не была ниспослана какая-либо божья благодать, кроме свинцовых дождей и ливней. Надвигавшаяся засуха и упадок хо-

заяства снова неминуемо грозили дальнейшей бес-
кормицей и голодом.

А к горькому аромату полыни то и дело приме-
шивался едкий запах гари.

Еще не погасло пламя гражданской войны, два
года бушевавшего в стране, еще держался Крым –
оплот Белой Армии, еще свирепствовали разроз-
ненные банды в предгорьях Кавказа. Еще прихо-
дилось отвлекать значительные силы на борьбу
с врангелевским десантом, орудовавшим в конце
июля на Дону и Кубани. Но всё же, родившаяся в
муках новая Россия уже приветствовала установле-
ние Советской власти в Азербайджане и протягива-
ла руку помощи братской республике. Из Москвы в
Баку устремились эмиссары различных ведомств,
представители передовой интеллигенции и новой
культуры.

Шел август 1920 года...

Григорий Романович Колобов, начальник
транспортно-материального отдела ВСНХ (Высше-
го Совета Народного Хозяйства – особого аппарата
диктатуры пролетариата) и особо уполномо-
ченный Народного Комиссариата Путей Сооб-
щения (НКПС), имевший ироничное и довольно красно-
речивое прозвище «Почем соль», еще в 1918 году
примкнувший к поэтам-имажинистам и писавший
стихи под псевдонимом Михаил Молабух, отпра-
вился из Москвы в служебную командировку на
Кавказ в отдельном маленьком белом спецваго-
не Туркестанских Железных Дорог. Волевой и де-
ловой, остроумный и общительный, с «нулевой»
стрижкой, живым, цепким взглядом и правиль-
ными чертами лица, он производил «правиль-
ное» впечатление уверенного в завтрашнем дне

человека. К тому же, носил он форму и фуражку с красной звездочкой на манер красноармейских комиссаров, от которых отличался разве что чрезмерной округлостью розовых щек и холеной упитанностью.

Во всем вагоне ехали всего четыре человека и проводник. Секретарем у «Почем соли» был Василий Гастев, шустрый и разбитной малый, облаченный в полную походную амуницию с какими-то нашивками, имевший при себе наган и полевой бинокль. И уж если «Почем соль» теоретически приравнивал свой железнодорожный чин чуть ли не к командующему армией, то Гастев вполне довольствовался скромным званием «командира полка». Всякий раз, когда он являлся к дежурному станции и, поглаживая рукой кожаную кобуру нагана, требовал прицепить вагон своего «командарма» вне всякой очереди к проходящему составу, у дежурного тряслись поджилки, выступала холодная испарина на лбу, фигура непроизвольно вытягивалась, а чеканные слова вылетали сами собой:

– Так точно-с, отправим не медля, с первым отходящим...

С таким находчивым адъютантом поездка протекала почти без задержек.

Одновременно Гастев являлся администратором лекций двух других попутчиков, известных поэтов-имажинистов Сергея Есенина и Анатолия Мариенгофа, которые по приглашению Колобова охотно согласились составить ему компанию в кавказской «экспедиции» и ехали в этом же вагоне в двухместном мягком купе. Выступали они и в Ростове, и в Таганроге, и в Новочеркасске.

Но когда одна из местных газет вдруг сообщила неправдоподобнейшую историю имажинизма, «рокамболические» биографии поэтов и, под конец, желчно посплетничала о некоем «таинственном отдельном белом вагоне, в котором разъезжают молодые люди, и о боевом администраторе, украшенном ромбами и красной звездой», лекции имажинистов на ростовской земле запретили. Напуганный скандалом Колобов-«Почем соль» немедленно распорядился отбыть «с первым отходящим». А поскольку «первый отходящий» отходил в юго-восточном направлении, белый спецвагон спешно подцепили на Тихорецкой к голове экспресса «Москва – Кисловодск». И вся компания продолжила путь на Минеральные Воды, чтобы прийти в себя на знаменитом курорте и взять курс на Баку.

На редких полустанках, когда поезд делал минутные остановки, измученные зноем и духотой пассажиры, как орехи из прохудившегося мешка, рассыпались по перрону, опустошая прилавки с огурцами и яблоками на стихийных станционных базарчиках. Затем с шумными возгласами они прыгали на ходу в медленно движущиеся вагоны и, придерживаясь за поручни одной рукой, другой энергично махали всем, мимо кого проносился набирающий ход экспресс – ковылявшим по платформе раненым красноармейцам, возвращавшимся домой, бабам, заговорившимся у колодца, казачатам, сцепившимся с беспризорниками, цыганам, кочевавшим на подводах по пыльной проселочной дороге...

После очередного такого набега на один из забытых богом полустанков два молодых человека достали из холщевго мешочка каждый по яблоку и

высунули головы из окна своего купе. Один из приятелей, круглолицый и курносый, с ямочками на щеках, озорными синими глазами, длинными ресницами и густой копной кудрявых золотисто-соломенных волос, не скрывая удовольствия от сочного, кисло-сладкого плода, засмотрелся на худенькую, маленькую девушку с загорелым лицом и длинной русой косой, идущую вдоль железнодорожного полотна с белой козочкой на коротком поводке. Одета она была просто: в холщовую юбку, ситцевую блузочку – и шла по тропинке босиком.

– Держи, красавица, и помни обо мне, – крикнул он и бросил ей яблоко, которое девушка ловко поймала, надкусила и половинкой тут же угостила козу. А кудрявого парня вознаградила открытой улыбкой.

Второй молодой человек с непропорционально вытянутым лицом, надменным взглядом больших глаз и прилизанными темными волосами, являл собой полную противоположность своему спутнику. Он молча доел яблоко и швырнул огрызок в бездомного пса, дремавшего возле шлагбаума у железнодорожного переезда. Тот вскочил, оцетинился и залился лаем на проходивший мимо поезд.

– Эх, Толя, этот пес хоть и беспризорный, а всё ж сочувствующий новой власти элемент, и душа у него имеется. Просто так обижать живое существо никому не позволено.

– Это я так, проверить, жив бродяга или сдох?

Оба приятеля, Есенин и Мариенгоф, примирительно рассмеялись и почти по пояс высунулись из окна. Они в данный момент ничего другого так не желали, как поскорее вычеркнуть из памяти неприятный инцидент со скандальной статьей.

Им доводилось спать под одним одеялом, писать одновременно за одним письменным столом, посвящая друг другу стихи. Казалось, сама эпоха теперь как никогда благоприятствовала тому, что творили и вытворяли эти «двое неразлучных», даже их попыткам «вывернуть мир наизнанку», опрокидывая здравый смысл и смешивая сами понятия добра и зла. Оба поэта, не так давно опознавшие друг друга во Вселенском Хаосе по голосам и сблизившиеся в поэзии на почве имажинизма, восприняли происходящее в стране как воплощение основного принципа – смесь «чистого» с «нечистым», высокого с низким, уродливого с совершенным, порой вызывая у читателя «шок во имя постижения Слова и Духа с целью зарождения нового Образа, квинтэссенции поэтической мысли».

Кстати сказать, Мариенгоф, занимавший в данный момент пост литературного секретаря издательства Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК), был знаком с Колобовым еще со школьной скамьи – это был его товарищ по Пензенской гимназии, а Вася Гастев являлся однокашником Мариенгофа по Нижегородскому дворянскому институту.

Рельсы убегали к горизонту по каменистой насыпи, а вокруг простиралась равнина с выгоревшей травой. В низинах, возле редко встречающихся обмелевших речушек и ручейков, еще возвышались зеленые островки сорных злаков и тростника.

В купе заглянул Гастев, хрустя сочным яблоком и вытирая катившийся со лба пот. Он был мрачен и молча слушал некоторое время, как Есенин читал Мариенгофу вслух отрывок из флорберовской «Мадам Бовари», а когда тот перевернул страницу,

вставил короткую, но совершенно невероятную фразу:

– Ну что, имажинисты, допрыгались? «Почем соль» помирать из-за вас собрался.

Прятели уставились на адъютанта, разинув рты.

– Да-да. Переоделся в чистые исподники и рубашку, лег в нашем купе, замкнулся и не пускает никого, даже меня. Говорит, видеть никого не хочу, подвели меня под монастырь, позору натерпелся. А теперь один выход из этого дерьма – отправиться на тот свет.

Мариенгоф и Есенин разом, оттолкнув Гастева, ринулись в соседнее купе. Дверь действительно была заперта. Тогда они оба принялись что есть силы барабанить и кричать наперебой:

– Гришка, открой, не дури!

– Грех ведь это!

Никто не отзывался, а дверь не поддавалась. Тогда Гастев ногой выбил замок, и все трое замерли, наблюдая занимательную картину. «Почем соль» лежал совершенно спокойно, скрестив руки на груди, и сосредоточенно смотрел в пространство перед собой просветленным взглядом, словно Царствие Небесное уже приоткрыло для него свои Врата.

Все трое облегченно вздохнули, а Есенин присел рядом с Колобовым и стал трясти его за руку, причитая:

– Гриш, а, Гриш! Ну, хочешь, мы поклянемся сейчас же, что никаких лекций никогда и нигде читать не будем?

«Почем соль» одним глазом взглянул на Есенина, а затем опять уставился в одну точку.

– Гриш, ты только не молчи, скажи хоть слово, – не унимался Есенин.

Минут через пять «Почем соль» повернул голову к соратникам по имажинизму и слабым, но торжественным голосом произнес:

– Не знаю, как вы, а я уже натерпелся. С меня хватит. Я теперь перед выбором стою – либо имажинизм, либо Царствие Небесное.

Про свой высокий чиновничий пост на сей раз он ни словом не обмолвился. Гастев тоже помалкивал.

– Да будь он неладен, этот имажинизм, – воскликнул Есенин, – сами его создали, сами и распустим. Толя, скажи ему?

– Ну, не тебе об этом судить, – холодно процедил Мариенгоф, – я как руководитель кружка имажинистов могу принять отставку товарища Колобова, и даже твою, Сережа, но отменять имажинизм?..

– Да нет, не надо отменять, – с жаром пробормотал Есенин, – но давай хоть пообещаем, что пока будет длиться командировка Колобова, пока мы едем в этом вагоне, никаких программных выступлений у нас с тобой не будет!

Мариенгоф на сей раз промолчал, но пронзил Есенина тяжелым, как копье, взглядом, и пожал плечами.

Между тем, «Почем соль» переводил свой блуждающий взор то на одного, то на другого, то на третьего.

Есенин был крайне взволнован, глаза его округлились, а щеки горели. Он словно испытывал чувство стыда за то, что подвел товарища самым фактом своей причастности к имажинизму и к этой поездке, не совсем понимая, чем так смертельно напуган Колобов.

По тонким и чувственным губам Мариенгофа скользила ироничная, снисходительная полуулыбка. Казалось, что он понимал всё, и даже больше.

А Гастев просто жевал яблоко с таким аппетитом, что Колобов не выдержал и сглотнул слюну, затем сел и потянулся за яблоком, лежавшим на его столике. Наконец он жадно впился в сочную мякоть плода, смакуя и причмокивая пересохшими губами. В купе воцарилось молчание. В итоге, еще через несколько минут, обращаясь к своему «адъютанту», как ни в чем ни бывало, Колобов заинтересовался:

– Вася, а почему нынче яблоки?

Друзья многозначительно переглянулись, и все вместе вышли из купе.

Кстати сказать, на риторический вопрос, только что заданный Колобовым, в принципе не существовало однозначного ответа. В условиях полного расстройствa финансовой системы, в эпоху жесткой продразверстки и «военного коммунизма», в России были в ходу все существовавшие до и после Октябрьской революции денежные знаки и купюры – от царских золотых червонцев и думских «керенок» до «мотыльков», «моржовок» и прочих «совзнаков». Но на провинциальных стихийных рынках имел смысл только натуральный обмен. Поэтому авоську яблок можно было обменять, например, на фунт изюма или табака, а бутылками самогона можно было измерить стоимость практически всех товаров – и хлеба, и сахара, и пары сапог...

Поезд снова замедлил ход и наконец остановился. Мариенгоф нервно поджал губы и недовольно обратился к проходившему проводнику:

– Почему опять стоим? Сколько можно тянуться по этим пустырям?

– Эшелон воинский пропускаем. Хотите кипятку?

– Вот только кипятка нам сейчас и не хватает, а то замерзнем без него, – взорвался Есенин и решительно шагнул обратно в свое купе, вывернув на столик из холщового мешочка оставшиеся яблоки, принесенные адъютантом «Почем соли» с базарчика на предыдущей станции. Ведь в это жаркое и голодное время не было другого способа «заморить червячка», а свои продпайки лучше было прибегать на всякий случай.

Проводник пожал плечами и пошел дальше по вагонам, расталкивая локтями недовольных оставшейся пассажиров, высыпавших из купе.

Мариенгоф с недовольно-надменным видом прохаживался по узкому коридорчику белого вагона. Его порядком напрягало это затянувшееся турне по южным провинциям России, где поэзию имажинистов решительным образом не принимали, не понимали и понимать не хотели. Потомок разорившегося дворянского рода, оригинальный и экстравагантный, неординарный и решительный, он не намерен был отступать от принципов имажинизма и воспринял только что данный Есениным обет молчания как предательство. Впрочем, и в намерение «Почем соли» свести счеты с жизнью он также не верил, но подчинился обстоятельствам.

Курсируя между купе Колобова и своим, он рассеянно поглядывал на расположенную между ними узкую дверь с надписью «Служебное помещение. Вход посторонним строго воспрещен». Эта казенная надпись вдруг резанула по глазам. Он остано-

вился и что есть силы дернул за ручку. Дверь не поддавалась. Гастев выглянул из соседнего купе и удивленно уставился на Мариенгофа:

– Что же вы, Анатолий Борисович, читать не умеете?

– Умею. Но я что-то не понял, кто здесь посторонний?

Тогда Гастев дружелюбно взял Мариенгофа под руку, отвел от запретной двери на середину коридора и как можно вежливее пояснил:

– Это подсобка, так сказать, кладовая. И там всякий казенный хлам на случай непредвиденных обстоятельств.

Мариенгоф опять не поверил и снова вынужден был подчиниться, вернувшись в купе. По крайней мере, он был совершенно уверен, почему скандал с лекциями по имажинизму напугал и расстроил Колобова больше, нежели самих имажинистов. Если бы ростовские милиционеры читали газеты и в тот же день любопытствовали, а что собственно находится в белом спецвагоне, кроме четырех пассажиров, объясняться пришлось бы по законам военного времени. От этих мыслей холодок пробежал по спине. Ведь прозвище «Почем соль» дал Колобову именно сам Мариенгоф после одной из таких совместных поездок.

Однажды на Украине разбитной ординарец Колобова по его же просьбе купил по дешевке с десяток кур. И вдруг оказалось, что нет ни грамма соли. Настроение от удачной сделки тут же испортилось: без соли куры не могли сохраниться до возвращения в Москву, так что их пришлось бы срочно съесть, конечно, без соли. Чтобы исправить оплошность, Гастев, как говорящий попугай, интересо-

вался на каждой остановке поезда, есть ли соль. А так как соль стоила невероятно дорого и была в дефиците, то приходилось самому Грише Колобову на всех станциях высовываться из окна своего спецвагона и спрашивать всех подряд: «Почем соль? Почем соль?» В конце концов, его так и прозвали: «Почем соль».

Мариенгоф, конечно же, понимал, что отправляясь в командировку в Азербайджан, «Почем соль» имел массу «неслужебных» поручений. Министерства и ведомства голодавшей России должны были срочно переходить от войны к мирной торговле с соседними странами, обеспечивать продовольственным пайком членов собственного правительства и иностранные посольства в Москве. В Азербайджане можно было разжиться табаком, чаем, кишмишем, черной икрой в обмен на водку и сахар. А лес, машины, паровозы в обмен на бакинскую нефть, мазут, керосин – это уже для официальных каналов двух республик...

Между тем в овражке напротив их остановившегося вагона паслись две стреноженные кобылы, а чуть поодаль кружился рыжий полугодовалый жеребенок. Это существо сразу же привлекло к себе внимание живостью и непосредственностью, с которой он отбивался от назойливых насекомых, мотая из стороны в сторону головой и яростно обмахивая хвостиком свой круп, не слишком упитанный по нынешним голодным временам.

Есенин жевал яблоко и не отрываясь смотрел на жеребенка, созерцание которого совершенно успокоило его. После того, как в этот голодный год столица шокировала горожан трупами животных, оказавшимися не такими выносливыми, как люди,

милый сельский пейзаж с пасущимися лошадьми вселял определенную надежду в сердце «последнего поэта деревни».

Вскоре, дав несколько гудков, мимо промчался армейский состав на Новороссийск. Из вагонов доносилась песня «Смело мы в бой пойдем за власть Советов» под нестройный аккомпанемент солдатской гармошки. Затем уже их поезд дал ответный гудок и медленно тронулся дальше.

Вдруг произошло невероятное. Жеребенок, возмущенный шумной встречей двух эшелонов, нарушивших покой родимой степи, взбрыкнул задними ножками, изогнул дугой шею и ринулся наперерез набирающему ход локомотиву. Есенин вскочил с места и прильнул к окну, выкрикивая:

– Стой, дуралей! Куда тебя несет?

Жеребенок тем временем поравнялся с их вагоном и во весь опор понесся наравне с поездом, высоко вскидывая ноги и подняв голову. Пасущиеся кобылы, почуяв неладное, жалобно заржали и подались было на выручку, но пути мешали им двигаться. Сделав несколько неуклюжих прыжков вслед удаляющемуся составу, лошади вынуждены были смириться со своим положением. А жеребенок летел птицей, словно сам степной дух вселился в него и поднял на невидимых крыльях над жухлой травой.

Воображение поэта мгновенно нарисовало образ ожившего мифического Пегаса, летящего по скифским просторам и не побоявшегося бросить вызов стальной машине века. Перед мысленным взором Есенина пронеслись картины древнего мира, когда за коня давали полцарства и человеческие жизни. Он был уверен, что именно кони «научили» его

в раннем детстве поэтически чувствовать образ и слово, когда чуть было не «выпили луну» на водопое и когда он стал первым коноводом в деревне. А еще, когда родные дядья по пьяни учили его скакать на лошади без седла трех с половиной лет от роду. Образ жеребенка всегда был для него священным.

Из соседних вагонов послышался свист и подбадривающее улюлюканье:

– Наш конь! И масть у него подходящая – красная!

– Давай-давай, поднажми!

– Только не рухни! Где ему с поездом тягаться?

Мариенгоф, глядя на мчащегося во весь опор жеребенка, таинственно улыбнулся и процитировал вслух собственные строки, так любимые Есениным:

Какая узда и какие вожжи!..

Только вольность болью сердце навьючила,

Только рытвинами и бездорожьем.

Удаль? – Удаль. – Да еще забубенная,

Да еще соколиная, а не воронья!

Бубенцы, колокольчики, бубенчите ж, червонные!

Эй вы, дьяволы!.. Кони! Кони! –

Есенин разволновался и несколько раз ударил по раме открытого окна, да так сильно, что чуть не повредил себе руку:

– Остановите его! Слышишь, Толя, останови!

– Жеребенка? Это же дитя степей! Разве что пристрелить, чтоб замертво не упал от такой бешеной скачки? – произнес Мариенгоф.

Есенин при всем созвучии их поэтических голосов знал, что «великолепный» Мариенгоф всегда

смотрел на революцию как на Вселенскую Мясорубку, потрясающую мир своим кровавым разливом и разворотом, и даже не прочь был «запустить горящего отца в улицы для иллюминаций». Имажинисты так и прозвали его – Мясорубка.

Есенин зло уставился на приятеля и крикнул:

– Дурак! Поезд останови!

– Зачем? Если дернуть стоп-кран, так этот белый вагон разлетится в щепки, и мы с тобой в Баку пешком по шпалам пойдем. Ты этого хочешь?

Есенин помрачнел и глухо произнес, обхватив голову руками:

– Ты прав, этот поезд не остановить, как и нашу новую жизнь. Кто в поезд не сел, тот опоздал. И догнать – не догонишь. Остается разве что рухнуть на скаку под аплодисменты. Бедная, бедная моя Русь... И сил у тебя нет, а ты бежишь, время свое обогнать стремишься! Зачем? Куда?

Всё нутро его как будто перевернулось в эти мгновения. Он вдруг остро почувствовал свое надприродное, определенное свыше, родство со всем живущим на земле и с этим маленьким жеребенком, и ощутил сердечную боль за живое существо, окрылявшее своим безумным порывом и бешеной скачкой поэтическую душу.

Мариенгоф решительно поднялся и вышел из купе.

В коридоре у окна прохладился Гастев.

Тогда Мариенгоф подошел к нему и в самое ухо прошипел:

– Беги к начальнику поезда и вели остановить поезд, а то Есенин из-за жеребенка так разволновался, что сейчас дернет стоп-кран. Все с полок полетят, да и то, что плохо лежит, тоже...

Мариенгоф многозначительно кивнул в сторону запертого служебного помещения. Гастев не дослушал его и опрометью кинулся из вагона, по привычке хватаясь за кобуру нагана.

«Крестный отец» имажинизма криво улыбнулся ему вслед и на миг представил, как после рывка стоп-крана с верхних полок таинственной подсобки, разбиваясь друг о друга вдребезги, летят осколки пузатых бутылок с виски, водкой и коньяком, и вонзаясь в стоящие внизу мешки с мукой и сахаром, смешиваются в невероятный коктейль, реализуя основной принцип имажинизма и приближая «конец света» для всех четверых...

А жеребенок из последних сил мчался за поездом, уже начиная отставать. Тогда Есенин высунулся из окна и во всё горло закричал:

– Стой, назад! Наза-а-ад!

Но жеребенку это как будто придало сил, и он снова рванулся за поездом. Неизвестно, сколько бы это могло продолжаться, вероятно, уже недолго, но экспресс вдруг стал замедлять свой ход, что несказанно обрадовало не только Есенина, но и всех, кто наблюдал эту драматичную скачку.

В это время вернулся Мариенгоф и как бы незначай обмолвился:

– Знаешь, что проводник сказал? Тут совсем рядом знакомый ему обходчик путей живет. Вася Гастев договорится, чтобы жеребенка тот у себя попридержал. Вот глупый, и что ему этот поезд дался?

– Спасибо тебе, друг! – Есенин, не скрывая влажных от волнения глаз, пожал Мариенгофу руку и снова устался в окно, выискивая глазами бегущую тень.

Вскоре поезд остановился, и рыжий жеребенок кубарем покатился к ногам выскочившего навстречу обходчика, но, тяжело дыша, всё же поднялся снова на дрожащие ноги. Из вагонов полетели на землю яблоки, сухари и даже оклуночек с пшеном, что было непомерной роскошью в голодное время. А кто-то крикнул:

– Дед, присмотри за этим скакуном, не дай ему сдохнуть. Сам сдохни, а ему не дай! Наш конь, революционный!

Поезд снова тронулся.

На столе в купе Есенина и Мариенгофа чудесным образом, но не без стараний Колобова и Гастева, появилась бутылочка водки, малосольные огурцы и вяленый лещ, после чего настроение у всех заметно улучшилось, а пошатнувшееся было доверие друг к другу почти восстановилось.

Мариенгоф оттаял и вдохновенно читал написанные весной, посвященные Есенину стихи:

*На каторгу пусть приведет нас дружба,
Закованная в цепи песни.*

*О день серебряный,
Наполнив века жбан,
За край переплесни.*

.....

*И будет два пути для поколений:
Как табуны пройдут покорно строфы
По золотым следам Мариенгофа
И там, где, оседлав, как жеребенка, месяц,
Со свистом проскакал Есенин.*

Есенин долго находился под впечатлением и до самых Минеральных Вод, уже порядком захмелев, философствовал по поводу железной конницы революции:

– Ты только представь себе, Толя, что со всем нашим крестьянством делается. Новая жизнь манит к себе силой своей и мощью, а на деле что выходит? Крестьянин, как тот жеребенок, за революцией вслед бежит, да не угонится. Загонит сам себя. Не по его это силам, не по его разумению. А все будут его к скачке этой сумасшедшей подталкивать и загонят насмерть... Потом отпевать придется. Торжественно, с почестями, по-христиански. Слышишь, по крестьянству уже во всех церквях сорокоуст заказали! Но я уж лучше сам... Может, у кого жалость проснется? Или совесть... Нет, не проснется. У железного зверя ведь нет ни совести, ни жалости... А может, так и надо, чтоб ни совести, ни жалости? Одни челюсти железные да копыта. Не догнать, не перегнать, не победить. И нас с тобой не надо, ни имажинистов, никого... На то есть Всадники Апокалипсиса. Они дело свое сделают...

Мариенгоф почти не пил, но и не прерывал Есенина. И только тогда, когда за окнами стали вырисовываться очертания горы Змейки, а чуть поодаль обозначились отроги Бештау и покрытая дымкой вершина Машука, он торжественно провозгласил, что наконец сбудется их давняя мечта, и они посетят лермонтовские места в Пятигорске. Ему ли было не знать, что вопреки расхожему мнению, кроме поэзии Некрасова и Кольцова, Есенин несомненно тяготел и к белому парусу бунтующей лермонтовской лирики.

Есенин встрепенулся, созерцая лысую макушку Машука – Северокавказского Парнаса, словно вытопанную богатырскими Пегасами таких корифеев русской поэзии, как Пушкин и Лермонтов.

Но всё же не смог выйти из купе, пока на подвернувшемся клочке бумаги не записал томившие его строки:

*Видели ли вы,
Как бежит по степям,
В туманах озерных кроясь,
Железной ноздрей храпя,
На лапах чугунных поездов?
А за ним
По большой траве,
Как на празднике отчаянных гонок,
Тонкие ноги закидывая к голове,
Скачет красногривый жеребенок?
Милый, милый, смешной дуралей,
Ну куда он, куда он гонится?
Неужель он не знает, что живых коней
Победила стальная конница?*

Поразмыслив еще немного, он вывел в уголке листа посвящение «А. Мариенгофу», а затем решил и на название будущей поэмы «Сорокоуст», понимая, что только ему суждено «как псаломщику, петь над родимой страной аллилуйя».

P.S.

В Пятигорске 9 августа 1920 года имажинисты посетили Домик Лермонтова и место его дуэли. В прогоне от Минеральных Вод до Баку была написана одна из лучших в те времена поэм Сергея Есенина «Сорокоуст». На обратном пути в Пятигорске приятели узнали, что в Москве, согласно какому-то распоряжению, прикрыты и книжная лавка, и «Стойло Пегаса» – пристанище имажинистов, а также при-

остановлен выпуск тиража книг, об издании которых договаривались еще перед отъездом на Кавказ. Мариенгоф слег от лихорадки, и Есенин вернулся в Москву один, с красноармейским эшелоном.

И уже не будет ему другой отныне дороги.

«ПОД ЗОНТОМ ОСИЯННЫХ НЕБЕС...»

Поздняя Пасха

Ночью гром гремел, злилась
 молния,
Разрывая свод на мгновение.
Ночью дождь рыдал, только
 помню я,
Занимало слух песнопение.
Православное: «...Во святых
 дивен...»,
Непреложное: «...Смертью
 смерть поправ...»
Ночью встала я и пошла
 наверх,
Выбрав тесный путь до семи
 утра.
Сверху видела поле без краев:
То не гром гремел – бились
 воины.
То не молния, то сверкала
 кровь,
То не дождь рыдал – были
 помины.
И над всем, над всем
 песнопение.
И над всем, над всем, Смертью
 смерть поправ,
Православное Воскресение,
Колокольный звон и Дорога
 в Храм.

**ЮЛИЯ
КАУНОВА**

Поэзия

Спустя века я вижу это

*Преподобный Василий, живший в восьмом веке,
за почитание икон был заточен в темницу.*

Земля в темнице под ногой влажна, черна,
необорима.
Сырые стены высоко оконце держат. Белым дымом
Проходят смиренные снега, бескровные дожди
полошут.
И вижу я спустя века Василий Преподобный прощя
К мирской относится вражде: постом, молитвою
и бдением,
Он отдаляет каждый день полмира
от грехопаденья.
«За почитание икон...» ни ласки, ни любви
не встретит.
Безгрешен он – понять легко, но через несколько
столетий!
Сквозь свет молитвы Богу шлет он безответные
приветы,
А дождь бескровный льет и льет. Спустя века
я вижу это.

Родинка

На вечерней зорьке конь целует воду,
Преломляясь гривой в ласковых кругах.
Мошкаррой усыпан невесомый воздух,
Пышут разнотравьем сизые стога.
На безверье с верой в торжество без Бога
Жили здесь родные. Нет их, только вверх,

Прямо и широко лысая дорога
Пролегла к могилам двух различных вер.
Высшего порядка нерушимо кредо –
Мир Отцом единым сотворен в веках.
Как же не заметил мой безбожный предок
Похорон по вере в разных уголках?
Женщиной по крови красно-белой масти,
Отчий дом без окон вижу и реву.
Ведь и я осколок той безбожной власти.
...Жаль, что в Бога верю меньше, чем живу.

Грушевый лес

Памяти крестной

Под зонтом осиянных небес
Спящий хутор, как маленький лес,
То окошко мелькнет светлячком,
То дворняжка завоет волчком.
Здесь никто не считает гроши,
И никто никуда не спешит:
Пять домов, семь фруктовых садов
Да старушки уже без дедов.
Встанем утром, пойдем к роднику:
Вкусно пахнет – хозяйки пекут.
За почтение и за любовь
Все сады нам подпишут с тобой.
Расставание тронет до слез.
Мы уедем за тысячу верст.
...Под зонтом осиянных небес
Вместо хутора грушевый лес.

Плазма

Внедряясь в сознание, море горячее
Внахлест насаждает следы биофауны,
Там плещется чудо большое и зрячее,
С задатками гения, с мимикой дауна.
Оно не пускает нас к берегу прошлого,
Лишает возможности быть настоящими.
Снежинками сыплется звездное крошево
На чудо всемирное века неспящего.
Оно, оплывая нас кругом на сжатие,
Само понимает, что зрелище – то еще!
И мы, с нереальной мечтой – изъять его,
Про хлеб забываем под оком чудовища.

Май 2019 г.

Красно пропадая на миру,
Сквозь огонь я видеть не могла
Сколько слабых протянулось рук,
Сколько сильных – поглотила мгла.
Грозовые тучи раскурив,
С неба ливень на огонь упал.
«Надо же, не тонет, не горит» –
Удивлялась пестрая толпа.
Облекаясь в мировую сеть,
Я смотрю всего лишь – в коробок,
Но и там толпе не рассмотреть,
Что же представляю я собой.

2010 г.

Нет никого, кто мог бы помешать
Высматривать в аквариуме чата
Того, кто умер – не сейчас, когда-то...
Он умер, но жива его душа.
Она умеет плавать и летать,
С моей душой танцуя между строчек:
Покрытый мраком, затаился прочерк,
Рассыпалась могильная плита.
Так вот где место встреч – живых и нет!
Нам обещали древние провидцы,
По воле Бога засияют лица.
Однажды всех, родившихся на свет
Не знали – как, не понимали – как,
Но вот же, вместе! – плаваем все ночи.
...И всё равно, что голову морочит,
Удвоив душу, где-то там чудак.

Стой!

Стой на моем берегу –
Не ходи через мост:
Завтра его сожгу.
Между черных полос
Белою лентой вода
Преступления след
Скроет. Безвестная даль
Завернет, как в рулет,
Всё, от чего ты устал,
Сбросив камень с души.
Завтра не будет моста,
Как бы ты не решил.

В небе

Ты в океане неба, как на льдине
Плывешь себе, закованным в броню.
Творец безвестный на странице синей
Малюет самолетную лыжню.
Ни Богу, ни тебе не видно часом
Определенно устремленный взгляд
Туда, куда на время ты умчался:
Там тоже ждут и люди и земля.
А я на подоконнике – седая, –
Сажу с ногами. Включен ноутбук.
Ни конная, ни пешая, жена я,
Что рифмой опечатала судьбу.

В пути

К романсу Вертинского

Уазику «дворники» чистят
Прозрачные лбы полусфер.
«Мадам, уже падают листья...», –
Поет молодой офицер.
А ветер беспутный неистов,
И дождь проливной норовист.
«Мадам, уже падают листья...», –
Поет под гитару артист.
Свет фар тянет мордочку лисью
Сквозь мрак, обещая приют.
«Мадам, уже падают листья...», –
Я с грустью тихонько пою.

Участница

Это всё происходит со мной,
Это всё нарастает по капле –
За стеной, за спиной, заодно
Я участвую в этом. Не так ли?
И оно происходит со мной.

Это всё происходит всю жизнь:
Не успеешь подумать о счастье –
Завьюжит, задрожит и сбежит
С учащенной долею участия.
Так оно происходит всю жизнь.

Это всё происходит с людьми,
Соответственно всякой погоде:
Будоража, штормит каждый миг
И меня стороной не обходит.
Так со всеми на свете людьми?

Наш парк

1

Парк Кисловодска безмерно устроен:
К вечеру множится лиственный шепот.
Смотришь с вершины – курортники роєм
Односторонне петляют по тропам.
Сбросив остаток лучей на пещеры,
Прячется солнце за белой подушкой.
Вогнутый мир голубой полусферы
Краски терять начинает послушно.
Смотришь, с горой расквитавшись, с Востока
Вровень с прохладой на парк наползает
Призрачно-белый туман с поволокой
В серых глазах, с чернотой под глазами.

2

Под горой хохочет птица-пересмешник.
На тропинке, обозначенной луной,
Перебежками крадется в гору леший:
Отливают его волосы золой.
Приказало ему нечто затаиться:
«Напугал: сиди за камнем, не морочь!»
Не показывает нежить людям лица.
Эти лица – не сама ли эта ночь?
Я сойду на свет огней с горы высокой
Без задоринки, без острого сучка.
Я спущусь с нее знакомою дорогой:
Встанут ели вековые по бокам.
И стянув с пути неоновые нити,
Заплывет за гору черную луна.
«Закружил лешак бродяжку, посмотрите!» –
Пискнет мышью, исчезая, тишина.
В диком мареве, от ужаса опешив,
Посчитаю лапы елей за рога,
Но останется ни с чем проказник леший,
Лишь подступит город улицей к ногам.

Дорога к Храму

Тускнеет за Храмом пейзаж.
Направо, налево – две хаты.
И месяц, как преданный паж,
Склонился на плечи заката.

И льет монастырский напев
Молитву Великую к Богу.
Где душу однажды согрев,
Ты к Храму проложишь дорогу.

Не надо чудес никаких
Искать за морями, лесами.
Молитва ложится, как стих
Над светлыми Образами.

И в душу плывет Торжество, –
О нем позабыли с годами.
Но только пришло Рождество
С воскресшими вновь куполами.

Но только Крещение пришло,
И Пасха пришла с пирогами.
И с каждой молитвой росло
Людское течение до Храма.

Ложатся на сердце слова,
Как росные капельки, метко.
И снова пришли Покрова.
С листвою золотою на ветках.

И снова, и снова... Звонарь,
Пусть руки твои не устанут.

**ВАЛЕНТИНА
НАРЫЖНАЯ**

Поэзия

Ударь посильнее, ударь, –
Пусть звоны сердца согревают...

Тускнеет за Храмом простор,
Направо, налево – две хаты.
Заводят с душой разговор,
Согретые Словом закаты.

Покаяние

Покаемся, Матушка-Русь,
За наши земные деянья.
За тех, кто принес тебе грусть,
За тех, кто обрек на страданья.

Покаемся – время пришло,
За бедных, убогих, заклятых.
За тех, кто с войны не пришел,
За слезы невинно-распятых.

За поле, деревню, погост,
За всё, что бездумно раздали.
За нищий, великий народ.
Который не раз предавали.

Помолимся, Матушка-Русь,
О самом простом человеке.
И сбросим жестокости груз.
И ныне, и присно, вовеки.

Помолимся, Матушка-Русь,
Спасем православное имя.
И я за тебя помолюсь
И Бога, и Сына во Имя.

Покаемся, Матушка-Русь,
Попросим у Бога прощенья.
И с Божьею милостью пусть
Придет к нам с тобой исцеленье.

Догорит над землею закат,
Рос вечерних затеплятся очи.
Я однажды проснусь среди ночи –
На душе – ни тревог, ни утрат.

И в лугах, где поют ковыли,
Где ходил богатырь наш Добрыня.
Поклонившись Христу до земли,
Стану песни слагать да былины.

На пригорке засветится Храм –
Стержень Вечности Духа святого.
Вознесется душа к небесам,
Божьей истиной молвится Слово.

Где копны сена –
Под облака,
Что кровь по венам,
Течет строка.

А за рекою,
Где зреет лен,
Тоска девичья
Обнимет клен.

А над буграми,
Где ходит тень,
Закат серпами
Срезает день.

В тиши проснется
Церковный звон,
И Русь польется
Со всех сторон...

И поле родит,
И жизнь – река.
Под Богом ходит
Моя строка.

Изба

Полесье да ухабины,
Да веток гольтьба.
На самой на окраине
Стоит моя изба.

Недаром пригорюнилась,
Порог зарос травой.
И я стою, задумалась –
На сердце непокой:

Избушка обветшавшая –
Бревнушки да камыш.
И смерть не раз поправшая,
В степную смотрит тишь.

Несла свой крест избушечка,
Кормила ходаков.
Теперь моя старушечка
Уснула средь ветров.

И прадедов баюкает,
И прах их стережет.
Из-под земли аукает
Старославянский род.

Очами-самоцветами
Глядит в нее судьба...
Объятая рассветами,
Стоит моя изба.

Поле

Не кружи надо мной воронье,
Не отдам я тебе свое поле.
Это поле – наследство мое –
Завоевано дедовой кровью.

Чтоб враги не топтали жнивье,
Чтоб хлеба мои дети косили.
Пять годков, обнимая ружье,
Шел к победе отец по России.

Мать моя в поле жала хлеба
И малютку с собою таскала.
И хоть выла от горя изба,
Только поле рожало, рожало!

Бабка тоже молилась о нем
В деревенском разрушенном храме.
Где антихристы красным копьём
Раздували безверия пламя.

Но прошёл тот губительный зной,
И из пепла восстали иконы.
Над великою русской землей
Вновь поют золотистые звоны.

Не кружи надо мной, воронье,
Не отдам я тебе свое поле. –
Это поле – наследство мое
И моя судьбоносная доля.

ЗВЕЗДОЧЁТ

Странный сон...

Уж лучше бы привычное снилось: машины сверху, снизу, внутри... Там всё понятно, хотя во сне и не получается даже гайку закрутить, как не старайся... А тут сплошное звездное марево перед глазами, в котором ощущаешь себя невесть кем... или чем...

Он полежал, размышляя, приятнее ли еще побыть в бестелесном состоянии полусна-полуяви или же, отгоняя странные видения, которые в последнее время стали ему сниться, ощутить радость владения своим телом. Не открывая глаз, подвинулся к краю, где спала жена, протянул руку, – вот сейчас ощутит тепло ее кожи и сразу все мысли обретут ясность., постель была пуста. Но зато глаза теперь открылись без промедления. И слух, и все прочие чувства вернулись.

С кухни доносились приглушенные звуки, тянуло бодрящим ароматом кофе и он понял, что Ольга уже встала и готовит завтрак. Раскинулся

**ВИКТОР
КУСТОВ**

Проза

на кровати, наполняясь осознанием радости этого солнечного утра, представляя озабоченное и в то же время довольное выражение лица жены, мордашку сына, который, конечно же, еще спит в своей кроватке, вытянув трубочкой пухлые губы, словно что-то наигрывая на неведомом никому музыкальном инструменте... А что, может быть, действительно, он сейчас что-то играет в своих снах, ведь любит дудеть в игрушечные дудки... И голос у него что надо, как за-капризничает, весь дом слышит. В кого только такой музыкальный пошел, папа – технарь с незаконченным высшим, мама – менеджер по продажам...

Посидел на кровати, привыкая к вертикальному положению; почему-то не хотелось торопиться, исполнять привычные утренние процедуры... Сын в своей кроватке купался в солнечном свете, луч перемещался по нему с ног к лицу. К губам. Исполняющим неслышную, но, наверное, очень хорошую мелодию... Он постоял у кроватки: его родители говорят, что Митька вылитый он в детстве... Неужели он был таким же маленьким, пухленьким и заводным...

Подошел к окну – в небе ни облачка.

Чистое небо – это хорошо, – подумал он и пошел на кухню.

– Привет! – втянул ноздрями запах кофе, смешанный с запахом шампуня, голова жены была закутана в полотенце. – Хорошо пахнешь... – Приобнял ее за плечи, запуская руку в разрез халатика, к налитой груди, захотелось поцеловать сосок, но Ольга уже жила заботами, отстранилась.

– Я опаздываю, а мне себя еще привести в порядок надо... Кашу довари. Митьку отведи в садик...

– Что у вас там аврал?.. Ни свет ни заря бежишь...

– Конец месяца. Как всегда...

И ушла в комнату.

В приоткрытую дверь он видел, как она сняла халатик, крутанулась перед зеркалом, явно любуясь своим телом, всё как и положено для счастливой женщины: и грудь, и бедра... Столько лет уже вместе, а порой словно впервые видит...

Зашипела убегающая каша, торопливо переставил кастрюлю на холодный край плиты.

– Прокараулил?

Жена еще в трусиках и бюстгалтере отодвинула его в сторону, смахнула тряпкой пригоревшую кашу с раскаленного круга.

– Рома, мне некогда. Не спи...

И опять убежала.

А в спальне, уже слышно было, ворочался, может уже и сидел на своей кровати сын.

Он попробовал кашу. Решил, что доваривать не стоит, вполне съедобна. Заглянул в спальню: нет, Митька еще досматривает последние сны, и отправился в ванную. Надо было заняться собой.

Когда вышел на кухню, жена уже одетая, стоя, дожевывала бутерброд, запивая его кофе, нетерпеливо переступая и посматривая на часы. Допила, дожевала, еще раз оглядела себя в зеркале и, уже совсем не своя, чужая энергичная женщина, махнула рукой.

– Пока, Рома. Проследи, чтобы Митька оделся как следует, а не как в прошлый раз...

– Ладно, – кивнул он, хотя хотел поспорить, что в прошлый раз ничего плохого не произошло. Ну забыли надеть носки, так ведь и не холодно было... – Только ты Митьку сегодня заведи.

– А ты?

Хотел сказать правду, но передумал.

– У меня поздний клиент...

Жена вздохнула:

– Ладно, заберу.

Хлопнула дверь, и Митька проснулся. Зашлепал босыми ногами в туалет. А оттуда на кухню.

– Здорово, сын, – бодро произнес он, подавая пример.

– Пап, а кашу я есть не буду, – ультимативно произнес Митя.

– Как хочешь, – не стал возражать он, окидывая взглядом налитое тельце сына.

Всё-таки, нынешние дети слишком закармливаются. Конечно, Ольга бы сейчас заставила сына съесть несколько ложек скорее для собственного успокоения.

– Нас всё равно кормят, – успокоил его сын.

– Не сомневаюсь, – буркнул он. – Ну, тогда давай одеваться, а то тоже, как мама, опоздаем...

– А она что, опоздала?

– Думает, что опоздала, – уклончиво отозвался он.

– Значит, не опоздала, – констатировал сын. – Она всегда так говорит, а на самом деле всё успевает.

– Да, она у нас такая, – согласился он. – Вот ты бы в нее пошел, а не в меня...

Выглянул в окно. Погода была прекрасная. Летняя, как и вчера, и позавчера.

Он влез в джинсы. Натянул толстовку, не особо заморачиваясь своим внешним видом. Всё равно на работе переодеваться... Вроде готов. А сын еще копается. Он в маму, аккуратистом будет... Наконец, вышел из комнаты в штанишках и белой рубашке.

Роман, стоя в носках, оглядел прихожую: кроссовок не было.

– Не знаешь, где мои кроссовки?..

– А почему люди не ходят на улице в носках? – Спросил сын.

– Потому что холодно, – не задумываясь, ответил он.
– Сейчас не холодно.
– Ты предлагаешь мне идти в носках? Может тогда вместе пойдем?

Сын задумался, глядя на свои ботиночки, размышляя. А вдруг согласится, испугался Роман, придется тогда вставать в позу отца и вся дружба прекратится. Хотя какая дружба, если...

– Так где мои кроссовки?

Сын вздохнул. Вернулся в спальню, юркнул под кровать, вытащил отуда кроссовки.

– Зачем? – Спросил Рома.

– Я не хотел идти в садик...

– И хотел, чтобы я остался дома с тобой...

Сын кивнул.

– А почему я, а не мама?

– У мамы работа.

– А у меня нет? – удивился Рома. – Я ведь тоже хожу на работу.

– Ты можешь и не ходить. Ты – хозяин, – сказал сын.

– Это кто тебе так сказал, мама?

– Да.

– А она не может?

Она подневольная...

– О, какое слово ты знаешь, мама научила?

– Мама не учила. Она так говорит.

– Ну ладно, закроем тему, – сказал Роман, завязывая кроссовки. – Вперед, нас ждут дела...

– Да, – сказал сын. – И Наталья Петровна...

Кровь какой нации текла в нем, Салих твердо сказать не мог. Мать у него была украинка по отцу и полька по матери, отец – татарин, но с примесью узбекской крови. Ну, а если заглянуть еще глубже в

прошлое, то там, видимо, было намешано неведь что. По вере же он больше знал ислам и даже несколько раз бывал в мечети. Отец хоть и не был истовым мусульманином, всё же некоторые обычаи соблюдал, матери же было не до религии, она рожала одного за другим детей, Салих был девятым из одиннадцати выживших. Из этой многодетной семьи в советские времена все старшие смогли получить хорошее образование и разъехались по разным городам не только в родном Узбекистане, но и по всей большой советской стране. Салих выучиться не успел, большая страна раздробилась на маленькие. Единственное, что успел – поучиться после школы на курсах шоферов и получить права. Какое-то время даже поработал на грузовике на ткацкой фабрике, пока та не закрылась, а потом поехал по старшим братьям и сестрам, большинство из которых осели в разных городах теперь уже маленькой России. Помыкался и в столице, и на нефтяном севере, и даже за Уральскими горами, в Сибири, куда занесло одного из братьев, ставшего геологом, но так и не смог привыкнуть к холоду и длинной зиме и вернулся на юг, ближе к Кавказским горам, где работала врачом сестра и было тепло почти так же, как дома, на независимой теперь ни от кого родине.

К этому времени он уже определился с профессией, разобрав и собрав за эти годы немало автомашин разных марок, и теперь у него был опыт, гарантирующий вполне приличный заработок в связи с поголовной автомобилизацией населения. Работы прибавилось, потому что среди водителей становилось всё больше женщин, которые не умели и не хотели даже колесо поменять.

Он открыл собственную мастерскую, но то ли его внешность не понравилась, то ли не было необходимой хватки, то ли не умел разговаривать с клиентами – не мог сделать их постоянными, – то ли место было неудачное в гаражном кооперативе, рядом конкуренты, пришлось ее продать и идти в наймиты к молодому парню, который клиентов, и особенно женщин, мог заговорить, обольстить и привлечь к себе.

И у них получился тот самый плодотворный альянс, который делает совместный труд не отягчающим, а вполне даже приятным. Рома, хоть и не окончил институт, но в машинах понимал даже лучше, чем Салих. Хотя руками мало что умел делать. Сначала Салих даже отмахивался от его советов или догадок о причинах поломки, но скоро убедился, что тот пусть и теоретически, но машины знает, может быть, даже лучше его и стал прислушиваться. Но главное, теперь ему не надо было общаться с клиентом, называть цену, брать деньги. Не надо было много говорить. Он прикидывал объем работ, говорил Роману, тот называл клиенту стоимость ремонта и запчастей, за которыми сам же и мотался на оптовый склад, с которым наладил отношения. А Салих разбирал, заменял, собирал... Одним словом, делал то, что он хорошо умел.

Еще на севере, где он работал с буровиками, он женился на спокойной и такой же немногословной татарочке. Там они накопили денег, которых впритык, но хватило на дачный домик на окраине южного города, который за несколько лет, пока подрастали две дочки – погодки, расширили, пристроив пару комнат и большую кухню. А потом эту часть города перестали считать дачами, а стали считать городским квар-

талом. Дом узаконили, и они получили прописку. Теперь девчонки уже выросли, старшая последовала примеру сестры Салиха, с которой очень подружилась, и так как у той не было детей, единственный сын погиб в аварии, а муж умер, поступив в медицинский институт, перешла жить к ней. Младшая же умудрилась сразу после школы выскочить замуж, и муж у нее был непутевый и бесшабашный, как считал Салих, хотя и вполне взрослый. Потому что всё делалось не по-людски, неправильно. Прежде они стали жить как муж и жена, без согласия родителей, а только потом под их давлением расписались. Так что, и свадьбы не было. Увез ее сначала в Уфу, а потом в холодные края за большими деньгами. И наконец они очутились на самом краю земли, на острове Сахалин, откуда, естественно, не могли даже в гости приехать, хотя ездили то в Японию, то в еще какие-то экзотические страны. Но убеждали мать, которая нет-нет да и звонила дочери, что оба хорошо устроились и хорошо зарабатывают. Правда, детей за эти несколько лет почему-то не нажили.

Жена Салиха уже заждалась внуков, думали, младшая дочка первой обрадует, потому что старшая больше думала об учебе и говорила, что выйдет замуж только по любви и если встретит человека, которого будет уважать. Насчет того, что по любви, ни Салих, ни жена не верили, где теперь найти парня, который понравился бы их образованной и умной дочери, чистюле, умнице, да чтобы был еще успешным и образованным. Их раз два и обчелся. А сколько девок незамужних...

Салих его уже ждал.

Он сидел на скамеечке, которую Рома соорудил между двумя гаражами, и шурился, подставляя лицо

солнечным лучам. И улыбался так, словно слышал ласкающие слух слова или чарующую музыку. Может, он так же, как сын, слышит что-то неслышное другим, – подумал Роман. Но тут же забыл об этом, отмыкая двери обоих гаражей, ставших мастерской.

Эти гаражи еще в конце прошлого века построил его отец для своей и будущей машины сына. Рома в то время еще только пошел в школу. Один использовался по назначению, отец ставил сначала советские «Жигули», а потом подержанный «Мерседес». А другой был закрыт, пока Рома не бросил после третьего курса институт, решив что уже знает достаточно для того, чтобы зарабатывать деньги. К тому же хотелось иметь собственный уголок, не водить же подруг и друзей домой. И даже начал было завозить старую ненужную дома мебель, но скоро понял, что уюта тем самым бетонным стенам не придаст и загорелся идеей сделать надстройку, достроить второй этаж. Отец идею одобрил, даже пообещал финансово вложиться, если и над его гаражом будет комната.

Рома почти год строил, научившись за это время всему, что необходимо уметь делать строителю, и тратя деньги только на необходимые строительные материалы. Отец ушел на пенсию и тоже подключился к строительству, правда, в качестве контролера. А когда обе комнаты закрыла крыша, отец дал денег на подъемник и он нанял тогда первого слесаря, старичка, который неплохо знал советские легковушки, но совсем не разбирался в иностранных машинах, которых становилось всё больше. И, тем не менее, постоянные клиенты были. Кому масло заменить, кому тормоза, кому выхлопную... За сложное не брались...

Слесарю Роман отдавал проценты от каждой сделанной им работы, естественно, меньше половины, и на доходы стал прикупать приспособления, необходимые для замены и ремонта колес. Отец теперь ставил свою машину возле дома и отдал ему свой гараж под расширение производства.

Появился еще один работник. Правда, сезонный. Колеса меняли два раза в год, весной и осенью, когда приходило время «переобуваться», и он сам снимал их, ремонтировал, ставил...

Когда вкладывать в производство было не нужно, стал обустраивать две комнаты над гаражами, куда теперь можно было приводить и друзей, и подруг. Но к этому времени он уже встретил Ольгу и приводил только ее. Причем в ту комнату, над вторым гаражом, куда никого не пускал. А теперь и Ольгу тоже... Правда, она здесь после свадьбы и не была ни разу...

Когда старичок не смог уже работать, он нашел Салиха, тот неподалеку ремонтировал в съемном гараже, и Рома нередко советовался с ним. Тот жаловался на высокую арендную плату, которую хозяин гаража поднимал каждый год, и на отсутствие клиентов. Он ждал клиента со своими запчастями, с ценой сразу определиться не мог, называл низкую, а когда разбирался с поломкой, более сложной, чем думал, назвать реальную стоимость своей работы не решался. Они сошлись на том, что Салих будет только ремонтировать, а Роман возьмет на себя привлечение клиентов, организацию поставок запчастей, определение стоимости ремонта. И вот уже несколько лет так работали. За эти годы перечень работ и марок машин расширился, а значит и увеличилось число клиентов. Салиха устраивало, что он занимается исключительно ремонтом и в конце

каждого дня получает сумму, которую они с женой не могут потратить...

– Что сегодня у нас с утра никого нет? – спросил Салих, спускаясь со второго этажа, где переодевался в рабочую одежду.

– Сейчас посмотрю. – Рома раскрыл ноутбук. – На после обеда. Масло заменить...

И тут возле гаража тормознуло такси.

– Колодки меняем? – спросил водитель, высунувшись в окно.

– Меняем, – сказал Рома. – Заезжай... – И Салиху: – вот тебе и работа... внеплановая.

А сам поднялся на второй этаж, где стояли изрядно потертый диван, который родители собирались выбросить на свалку, стол и пара табуреток. На столе лежал пакет Салиха с обедом, на стене, на специально вделанных крючках, его одежда и рабочая одежда Романа.

Переоделся в старые замасленные джинсы, накинул старенькую же, но еще не грязную рубашку, влез в растоптанные ботинки без шнурков; далеко не ходить. Переодевшись, спустился вниз.

Машина уже висела на подъемнике, Салих откручивал колеса.

– А колодки есть? – Спросил у таксиста.

– Есть. – Тот протянул коробку.

– Оригинал, – оценил Роман.

Понаблюдал, как Салих сбивает диски, вроде всё нормально, прошел в соседний гараж, где кроме оборудования висел прикрученный к стене старенький телевизор и в углу стояла металлическая печка с котлом, из которого горячая вода по трубам огибала весь гараж, прогревая его зимой до вполне комфортной температуры. Включил телевизор,

хотя посмотреть не собирался, для привычного фона, как дома, где и на кухне, и в комнате светятся постоянно. Хотя редко кто смотрит, так жужжит себе... Разве что сын мультики.

Распахнул дверь, пусть прогреется гараж, пока лето.

Вышел, присел на скамейку, подставил, как и Салих, лицо солнцу. Подумал, что надо бы вырваться на море, который год не получается. То Ольга беременная была, потом с маленьким сидела, теперь вот хочет повышение получить, перед начальством выслуживается, в отпуск летом не ходит... Хорошо, что он бросил вовремя институт и начал свое дело, а то сидел бы сейчас в каком-нибудь офисе или следил бы, как крутят гайки в каком-нибудь сервисе, сам себе не принадлежа. А тут вот вышел, сидит, загорает и никакого начальства или хозяина...

Подкатила шурша крутая иномарка «Ланд Ровер». Дверца приоткрылась, и появилась обладательница роскоши: джинсы фирменные в обтяжку, кофта в стразах, мокасины тоже модные. Ну и ногти длинные кровавые... Его ровесница или чуть постарше. Он вот на «Ладе» ездит, а она на той машине, о которой ему еще мечтать и мечтать... Вряд ли сама заработала. Скорее мужнина или любовника. Папика какого-нибудь...

– Кто тут колеса меняет?

А сама куда-то мимо смотрит.

– А что менять надо? – спросил, продолжая сидеть, словно и не работник, а так, клиент тоже.

– Так ты что ли меняешь?

Брови нарисованные, ресницы наклеенные, губы покрашенные, щеки напудренные, волосы выбеленные... А если без всего этого, посмотреть поди страшно...

– Хотя, действительно, надо, – сказал, окинув взглядом передние, достаточно изношенные колеса.

– Надо купить новые и поставить. Быстро.

Посмотрела на часики, явно недешевые.

– Быстро не получится, – сказал Рома.

– За скорость плачу вдвойне.

– Никак не получится.

Рома вздохнул.

– Заработать не хочешь?

– Не-а, – качнул головой он, глядя поверх нее в бездонное выгоревшее от солнца небо.

– Дурак.

Окинула презрительным взглядом. Крутанулась. Села в машину и зашуршала дальше.

– Может и дурак, – негромко произнес Рома, – мог бы урвать пару тысяч... Но зато не раб...

И вернулся в гараж, в свободное от клиентов время он ремонтировал старые покрывки. На них тоже был спрос.

...А потом стали подъезжать клиенты, Салих был весь в работе, и он определялся с ними: диагностировал поломку, называл цену, назначал время и мотался на склад за запчастями. Так до обеда и пролетело время. Пока Салих обедал, у него была язва, поэтому придерживался режима, он заканчивал за него регулировку ручного тормоза на очередной машине. А там подъехал и клиент, записанный на это время на большой ремонт и уже обсчитанный, так что это была работа для Салиха и у него появилась возможность перекусить. Поднялся в комнату, положил в микроволновку котлету, вчера вечером Ольгой их жарили, налил из термоса кофе. Не торопясь поел, зная, что если он будет нужен, Салих позовет, но когда за окном что-то захлопало, не удер-

жался, посмотрел: белый «Мерседес», припадая на заднее левое колесо подъезжал к гаражу.

Допил кофе и спустился, не ожидая, когда Салих позовет.

Хозяйка «Мерседеса» была в юбке, что нынче не так часто случается, в остальном же походила на всех представительниц женского пола, включая и Ольгу: подведенные глаза, яркие губы, длинные ногти, педикюр под цвет босоножек.

– Вот, – сказала как-то виновато, показывая на колесо. – Еле доехала.

– Да, – согласился он. И только потом понял, что и этот голос, и фигура, и лицо, пусть и отретушированное, ему знакомы. Вгляделся и узнал. – Много проехали на этом...

– Не знаю... Мне посигналили... На соседней улице.

– Тогда может и спасем, – сказал он, подкатывая к машине домкрат.

И перехватил внимательный взгляд. Но решил не помогать, не узнает, значит продолжат жить в параллельных мирах.

– Рома?.. Это ты... А я сразу не узнала... С этим колесом...

– Это я, – констатировал он.

– Сколько лет... Ты здесь работаешь?

– Тружусь.

– Так и не закончил?

– Нет.

– А чего? Ты же самый способный из нас был?

– Да всё как-то недосуг, – неуверенно сказал он, хотя хотел ответить резче. Но ведь «самый способный»... – А ты где, как?

– Я?.. Замужем... Двое детей...

– Работаешь?

– Начинала. А потом вышла замуж и не до этого.
– Значит муж зарабатывает, – сказал он, окидывая взглядом не самый дорогой, но вполне приличный «Мерседес».

– Да, он у меня бизнесмен.

– Из наших знакомых? – Зачем-то спросил он.

Хотя какая ему разница, кто у Веры муж.

– Нет. Он старше...

– Ну да. Понятно...

И почему-то подумал, что муж у нее должен быть старше раза в два. Интересно, может быть он его знает или слышал о нем. Город-то, в общем, невелик, все на виду.

– Торгует, – наугад сказал он.

– Магазины у него, – неохотно подтвердила она, и он понял, что не стоит больше спрашивать о муже. А тогда о чем?

– А дети большие? У меня сыну четвертый пошел, – перевел он разговор, и Вера сразу оживилась.

– Старшенькой – семь, а младшей – четыре... Славные девчонки... – И, скользнув ладонью по животу, улыбнулась сама себе. – Может, и третья будет... Муж сына хочет, а мне так лучше пусть еще девочка...

И только сейчас он заметил, что над юбкой выдается животик. Пока еще совсем небольшой, но всё-таки заметный.

Говорил, а руки сами делали привычное: колесо открутили, сняли, в гараж занесли, на станок уложили. Вера прошла было за ним, но разговора уже не получилось; компрессор загудел, пневматика зашипела, зашипела, диск загремел, а потом надо было латку клеить, немаленькая дыра оказалась, да еще сбоку. И чем она умудрилась пробить...

Вера стояла возле двери, глядела, что он делает.

А может, его разглядывала, он спиной к ней работал...

А может, вспоминала студенческие годы, и как они гуляли... Целовались. Еще бы чуть-чуть и до свадьбы дошло... Только он институт бросил как раз под осенний призыв и в армию загремел. А когда вернулся, любовь прошла и у нее, и у него...

– Готово.

Закрутил гайки, вручную подтянул сильнее.

– Вот спасибо. Сколько с меня?

Сумочку из салона достала.

– Вера, какие могут быть счеты... Заезжай...

– Ну зачем, тебе же хозяину отдавать, – достала кошелек.

– Считай, что с хозяином я договорился, – усмехнулся он.

И по ее лицу понял, что она догадалась.

Закрыла сумочку, положила ее на соседнее сиденье, села.

– Я в тебе никогда не сомневалась. Ты многого добьешься...

– Ну ты прямо, как цыганка, – почти смутился он. – Пусть у тебя дочка родится...

– Родится. Назову в твою честь, – улыбнулась она, положив руку на теперь явно выпирающий живот.

– Это как?

– Придумаю как... По созвучию... Пока.

– Заезжай, – зачем-то сказал он.

Но она его уже не слышала.

Клиентов пока не было и можно было поболтать с Салихом, который уселся перед телевизором смотреть какой-то нескончаемый сериал.

– Салих, а у вас есть женское имя, которое было бы похоже на мое? – спросил он.

- Не знаю. Не слышал.
- Надо посмотреть по переводу... Я интересовался, одни считают, что Роман означает римлянин, другие, что с древнегреческого переводится как «сильный, крепкий»... Посмотрю, есть сильные и крепкие среди женских имен... А что твое имя означает?
- Праведный, благочестивый...
- Ты же не верующий, какой же праведный?
- Не обязательно молиться на виду у всех, у каждого к Богу путь свой и разговор без посредников.
- А Коран ты читал?
- Каждый человек должен знать свою главную книгу. У меня такая книга – Коран. У тебя – Библия. В каждой свои слова, но одна Истина.
- А почему не молишься по-своему? Я вот иногда хожу в церковь. Хотя ничего не смыслю во всех служениях...
- Я арабского языка не знаю. А намаз совершается с чтением молитв на арабском языке. Но закят плачу исправно...
- Закят?
- Это обязательный ежегодный налог или милостыня нуждающимся единоверцам...
- Милостыню и я подаю... А вот молитв не знаю... А есть в Коране рассказ об истории человечества?
- Человек создан из глины и крови...
- Я не об этом, – перебил Роман. – Вот в индийских легендах говорится, что Вселенная состоит из семи миров, четырех высших, куда добираются только самые светлые души и трех, в которых каждый человек, его душа, существует. Вот мы с тобой сейчас видим друг друга в плотном мире, в наших физических телах, а есть еще эфирное тело и мир чувств и мир ума...

Салих подался ближе к телевизору, явно показывая свое нежелание слушать столь непонятные вещи. Но Роману хотелось высказать то, о чем он думал последнее время, прочитав древние легенды, и осознавший вдруг свое бессмертие и причастность ко всему, что он видит и что не видит и на земле, и в небе, и под землей...

– Первые люди были из эфира, бессмертны и бесполо. А потом стали уплотняться. Во времена птеродактелей произошло разделение полов, и человек стал смертным... А вообще человечество пришло с Луны, там раньше была цивилизация, а знания наши с Венеры, там существовало более древнее человечество...

В голове много чего вертелось, чем хотелось поделиться, что требовалось осмыслить, но сделать это в одиночестве он не мог. Хотел рассказать про великанов-лемурийцев и атлантов – тоже немаленьких. Про грех совокупления с животными, от которых пошли обезьяны. Про историю черной, красной, желтой и белой рас. Но больше всего хотелось рассказать про то, что бессмертие человека не как физического тела, а его души – таинственного энергетического сгустка, хранящего информацию о всех предыдущих жизнях, подобно «облаку» в интернете – это реальность. И что Создатель всего сущего и Люцифер, один из его учеников, разошлись в том, что Создатель готовит душу к созиданию во всем космосе, чтобы управлять всеми звездами, планетами, живыми существами, а его ученик убежден, что человек должен быть только в плотном мире, держаться за Землю и оставаться на ней всегда...

Но он только сказал:

– Узко мы мыслим, наверное, действительно, нам еще далеко до разумных...

Салих не ответил.

Скорее всего, он ничего не понял.

Может быть, Роман и нашел бы еще слов попроще, чтобы поделиться своими мыслями о смысле суетной человеческой жизни, но подъехал клиент, масло заменить, и они вернулись к привычному, к тому, что было зримо и понятно и над чем не нужно было ломать голову...

...Никакого клиента позднего не было, Роман Ольге наврал. Но к вечеру небо затянули облака.

Салих переоделся и уехал домой. А Роман присел на лавочку, поглядывая на темнеющее небо. Надеюсь, что разглядит сквозь облака звезды и тогда поднимется наверх, откроет комнату, куда кроме него давно уже никто не входит и где стоит тайком им купленный телескоп, через который в звездные вечера даже здесь, в городе, можно было рассмотреть далекие таинственные огни, которые назывались звездами. И полюбоваться Луной, отыскивая места, в которых находились города предыдущего человечества, населявшего некогда живую, с атмосферой и океанами планету, когда Земля, возможно, была всего лишь безжизненным астероидом...

Так и не дождавшись просвета и не увидев звезд, он закрыл гараж и поехал домой...

...Митька уже спал, на этот раз вольно раскинувшись в постельке и улыбаясь во сне. Наверное, у него день прошел замечательно с исполнением всех желаний.

Ольга, лежа в постели, читала какую-то мудреную книгу, руководство по обману покупателей.

Ужин ждал его на столе. Правда, подостыл. Но подогреть нетрудно.

Он поел.

Принял душ и, ощущая чистоту и бодрость в теле, прижался к пахнущему душистым мылом телу жены.

– Давай спать. – Она отложила книгу. – Ты тоже устал. Учти, завтра я задержусь, так что Митьку ты заберешь...

Он обнял ее и вспомнил о Вере, которая с радостью ждет рождение третьей дочери.

– А может...

– Нет. Не сегодня...

Она отвернулась, укладываясь поудобнее.

– А знаешь, в прошлой жизни я, наверное, был звездочетом, – неожиданно сказал Роман. – А в будущей буду астрономом...

– Может быть. – Согласилась жена и громко зевнула. – Не высыпаюсь хронически. Давай спать...

«Ладно, пусть лучше снятся машины, – подумал он. – С ними проще и понятнее, чем со звездами...»

ИГРА В ОДИНОЧЕСТВО

Этому менеджеру хотелось верить. На все, даже самые заковыристые вопросы, он отвечал уверенно и, как казалось Легостаеву, без общепринятой практики приукрашивания.

Да, остров запущенный. А кто бы дал ухоженный, у таких хозяева есть... Да, без пляжа и прочих отпускных удобств. Но зато что касается рыбалки, те, кто уже побывал-пожил, говорят, что приличная.

Он так и сказал «приличная», а не отменная, шикарная или сногшибательная и это Легостаева окончательно убедило.

– Неделя, – сказал он. – Недели мне хватит.

– Сами будете укомплектовываться, – скорее утвердительно, чем вопросительно произнес менеджер, и Легостаев не стал возражать.

Ему это дело привычное. Хотя и несколько забытое. И абалаковский рюкзак давно не востребован, лежит на антресоли. Наконец-то послужит как в прежние, теперь уже давние времена.

Он кивнул.

– Сам.

– Значит за нами доставка и...

– Помощь не потребуется, – не дал закончить Легостаев. – Я еще в себя верю.

– Ну что ж, давайте уточним сроки...

Легостаев поколебался, неизвестно каким будет август, вдруг зарядят дожди и будешь неделю мокнуть. Но, с другой стороны, не жариться же в июле, да и клева не будет...

– Август, вторая половина, – сказал он.

И подписал договор.

...Подписывал весной, а уж и лето к закату. В суете, а может, по причине уже не юного возраста и занятости, время, словно вода сквозь пальцы, бежит неудержимо, сжимай не сжимай кулак. А символ нынешнего отрезка его жизни – беличья гонка в колесе. Но отбегал свое до положенного отпуска и пора воплощать мечту.

Думал, что соберется быстро: покидает в рюкзак недельный запас консервов, свитер и шерстяные носки на всякий случай – ночи могут быть прохладными – рассует по карманам рюкзака рыбацкие принадлежности, затянет тот шнурками, и, как в юности, привычно впрыжнется в лямки. Но

когда стал размышлять, чем хочет питаться, кроме, естественно, рыбы, уж в своей рыбацкой удаче он не сомневался, то понял, что уже не настолько юн и не избалован, чтобы есть, что придется. Стал перебирать, чего ему может захотеться на свежем воздухе при хорошем аппетите, и загрузился не только консервами и кашами, но и овощами. Само собой, пару пачек хорошего чая бросил. И сладенького немало... Вроде только самое необходимое, а рюкзак хорошо раздался и притороченным котелком подчеркивал свою важность и нужность.

Легостаев примерился, – вес показался не аховым, в свое время таскал несравнимо тяжелее-, прошелся по комнате, перекладывая удобнее лямки – приемлемо. Так и не стал больше снимать до приезда транспорта, привыкал. Хотя какой смысл, ведь всё равно версты наматывать не собирается – до острова доставят на катере, а там ходить будет некуда, станет лагерем на берегу заливчика – один на весь белый свет – и предастся поплавочной медитации, дабы забыть и колесо, и отвыкнуть от гонки.

Один – на всем белом свете...

А разве он и так не один?.. Семейная жизнь не сложилась, детей не нажил, любовницы без претензий на брачную зависимость не встретил, хотя уже сороковник и пора задуматься о старости. Но, задумывайся не задумывайся, а отчет себе отдавай, что с каждым годом шансов на взаимопонимание с противоположным полом всё меньше и меньше, а претензий к потенциальной спутнице жизни всё больше и больше. И одиночество, когда ты ни от кого не зависишь и никому ничего не должен, всё привычнее. Может, поэтому он и выбрал такое отпускное времяпрепровождение в полном одино-

честве, чтобы понять насколько оно ему обрыдло или же, наоборот, стало уже жизненной необходимостью.

Вот и машина под окном сигналит..

– Ничего не забыли? – по-видимому, традиционно напомнил менеджер. – Главное, спички или зажигалку... Котелок, я вижу, на месте...

И уважительно поправил рюкзак в багажнике так, чтобы тот не упирался в крышку.

– А что, забывают? – спросил Легостаев, просто чтобы не молчать.

– Случается... Садитесь впереди..

Шофер дорогу уже знал и быстро доколесил до причала.

Водитель водной посуды тоже вопросов не задавал, заскользил по озерной глади между лесистыми большими и малыми островами, так часто меняя маршрут, что в конце концов Легостаев совсем перестал ориентироваться, в какой стороне этого большого озера, он очутился.

Наконец нос катерка ткнулся в хрустящую гальку, и только тогда Легостаев понял, что вот этот небольшой островок, поросший низкорослыми соснами и елями, и приютит его на эту неделю. И если это была парадная сторона, то она ему понравилась: узкая и небольшая полоска гальки, зажатая двумя скальными выступами, дальше – надменные скалистые берега в обе видимые стороны, крутой взгорбок берега... Он даже сразу присмотрел на этом взгорбке приземистую широколапую ель, откуда замечательно будет виден и этот кусочек берега, и даль до соседнего совсем крохотного островка и, возможно, поплавки заброшенных им удочек, под которой соорудит шалаш.

– Ну вот вы и прибыли, – громко сказал менеджер, оправившись от звона грянувшей тишины и еще не адаптировавшийся к ней. – Может, что-то еще нужно?

– Избави бог, – неожиданно суеверно отозвался Легостаев, чувствуя какое-то необъяснимое облегчение, что вот сейчас ступит на эту нетронутую никем землю и оставит-обрубит всяческую цивилизационную суету.

И поспешно вделся в лямки рюкзака.

Тот за это время отчего-то потяжелел, и на неустойчивой палубе Легостаева качнуло, он едва не потерял равновесие, стал торопливо переступать ногами и неловко, но, всё-таки, сумел спрыгнуть на берег, где и завалился набок, на съехавший рюкзак. Хорошо, что не в воду, на сухую гальку. Но отчего-то огорчился столь неуклюжей встрече с землей обетованной, но решил не думать о том, какое впечатление произвела эта высадка на менеджера и водителя катерка и, не глядя, сделал отмашку, мол, отплывайте с богом... И, не оглядываясь больше, неторопливо и осторожно ступая на выступы скалы, стал подыматься к намеченной им ели...

Новизна замедляет время. Как и дела. А если наличествует то и другое, то оно уплотняется до счастливого удовольствия бытия.

К такому выводу пришел Легостаев, когда шалаш был сооружен, дрова для костра собраны, котелок висел над шелкающим искрами пламенем, обещая порадовать пахнущей дымком кашей, а на небе начали проявляться первые звезды.

Вечер был божественный: тихий, теплый, с легким ветерком, отгонявшим невесть откуда взявшие-

еся комарье, с пьянящим запахом прогретой хвои. Собирая сухие ветки для костра, Легостаев обошел довольно приличное полукружие и понял, что островок не так уж и мал, – дальше от берега сосны были выше и стройнее и просвета за ними не было видно. И от этого всего вместе, давно забытого, а может, и вовсе незнаемого никогда прежде, он ощущал в себе невесть откуда взявшиеся силы, хотя еще совсем недавно чувствовал себя измочаленным и жалким. Ему казалось, что каждая загорающаяся звезда весело подмигивает ему, что искры нагло судачат о нем, незванном госте, а булькающая каша откровенно соблазняет предаться чревоугодию. Понятно, что причиной тому был голод, который всегда приходит после хорошей физической работы да еще на свежем воздухе, но Легостаеву приятнее было думать о каше, как об одушевленной, как о сердобольной соратнице, жаждущей утолить его голод...

Такой каши он никогда прежде точно не едал. Даже в те, студенческие походы, от которых остался этот абалаковский рюкзак...

И еще эта ночь запомнилась звездами. Точнее звездным небом. Оказывается, в городских огнях он совсем забыл безмерность звездной бесконечности. И ее магнетизм, который диктовал мысли о бессмертии его души и душ всех ныне живущих. Ему даже показалось, что в какой-то миг он вдруг преодолел гигантские расстояния и очутился в этом звездном полотне такой же, пусть не самой яркой, но всё-таки звездочкой...

Утро занималось солнечное. Над зеркально-гладкой поверхностью воды поднимался и тут же рассеивался в солнечных лучах туман. Пели, невесть

где затаившиеся, птицы. И больше никаких звуков, словно ничего больше и не было в этом мире.

Легостаев снял рубашку, сбросил штаны, а затем, помедлив, и трусы и, захлебываясь от языческого восторга, в чем мать родила, спустился по плитам на гальку, зашел в бодрящую воду. Сначала плеснул себе в лицо и на грудь. Потом осмелев, или всё еще пребывавая в состоянии первобытной девственности от ощущения своего полного единения с этим миром, издав гортанный крик, нырнул, размашисто проплыл, попробовал встать на дно, но его не было, повернул обратно и вышел на берег обновленный, уверенный в собственных силах. Постоял, поворачиваясь в восходящих лучах, подставляя влажное тело и поглощая мягкое ласкающее тепло и только потом надел трусы. Хотел было накинуть рубашку, но подумал, что это лишнее, пусть кожа подышит, ощутит прелесть вольницы, не всё же ей скрываться в одеждах.

Костерок развел небольшой, по утрам он обходился только чаем. Заварил покрепче и выпил со вкусом, не торопясь, наслаждаясь каждым глотком, окидывая взглядом берег перед собой и прикидывая, куда лучше забросить снасти. Наконец наметил омытинку под скальным выступом и стал мастерить удочку. И только теперь подумал, что опрометчиво не взял червей, вряд ли в сосновом бору он их найдет, а в наличии есть только хлеб и то, пока не высох, и крупы. Так что, до ухи дело может и не дойти... Но, на всякий случай, надо будет прогуляться по островку, вдруг найдется подходящее для червей место...

До обеденного зноя снасти сделал и забросил, но сколько не сидел над ними, поклевки так и не дождался. Впрочем, это было ожидаемо, утренний клев уже давно закончился. Осталась надежда на

вечерний, но уже пришло запоздалое раскаяние в прежней городской самоуверенности.

В обед он доел кашу и устроился в тени шалаша. Густо пахло хвоей, безмолвствовало озеро, в звенящей тишине лишь жужжали изредка то ли пчелы, то ли осы, взявшиеся невесть откуда, а, может быть, живущие где-нибудь на этом острове. Пытаясь найти ответ на этот вопрос, он незаметно задремал, убаюканный этой ненавязчивой тишиной и вновь ощущая себя единым целым со всем, что было вокруг...

Из этого состояния естественной медитации его вывел вдруг врзавшийся в этот покой чуждый и даже враждебный звук движущейся гальки. Сначала он подумал, что вероятно какой-то ее слой сам по себе просыпался сверху вниз, потом что это откуда-то докатилась волна и прошла вдоль береговой кромки. Но шум этот никак не заканчивался, он всё отчетливее напоминал звук шагов человека, порождая помимо воли тревожное чувство.

Он открыл глаза, сел, разглядывая сквозь ветки шалаша видимый сектор пространства. Звук шагов не исчезал и доносился откуда-то снизу и сбоку, с той стороны, где был скальный выступ.

Он выполз из шалаша, поднялся, глядя в сторону, откуда тот доносился, не в силах найти объяснение и начиная считать это звуковой галлюцинацией. Но тут звук пропал и из-за скалы появился человек. Женщина. В купальнике и широкополой соломенной шляпе, под которой темнели большие очки, похожие на глаза стрекозы. Женщина была шоколадного цвета, узкобедрая и широкоплечая.

Легостаев наклонился за рубашкой, потом подумал, что он на своем острове и может себе позволить быть таким, как есть.

– Так это ваш костер нарушил покров ночи, – хрипловато сказала женщина. – Этим фирмачам нельзя верить. Я просила уединения, чтобы никого рядом не было, и нате вам... С одной стороны – пузан с холодильником, с другой, – она помедлила, бросила взгляд на удочки, – похоже рыбачок-контрабандист... А вы знаете, что этот остров является частной собственностью и здесь рыбачить нельзя?.. И где ваша лодка или то, на чем вы приплыли?..

Она говорила, продолжая идти, и уже стояла перед Легостаевым. Их разделял только чуть дымящийся костер. Теперь он мог разглядеть и обгорелый нос, и веснушки на щеках, и тонкие губы. Даже выражение презрительного недовольства мог увидеть.

– А как вы здесь очутились? – С вызовом произнес он. – Где ваша посудина?

– Рыбачок, я не люблю, когда не отвечают на мои вопросы, – назидательно произнесла женщина. – Где ваша лодка?

– Мадам, вы кто?.. И откуда упали? – Таким же тоном отозвался Легостаев, уже заводясь от такой наглой бесцеремонности.

– Я-то?... Я здесь нахожусь согласно заключенному договору...

– Тогда предъявите этот ваш договор, – не удержался, поддел Легостаев, улыбаясь комичности ситуации и воображая, где в купальнике или в шляпке может прятаться требуемая бумага.

– А вы наглец, – отпарировала женщина. – Впрочем, как все мужланы...

– Вообще-то, меня зовут Андрей, и я здесь провожу свой отпуск одиночества, – решил он прервать пустой разговор. – И я думаю, что у меня такой же договор с фирмой, как и у вас...

– Не рыбачок, значит... Не приبلудный... Вот я и говорю, этим прощелыгам из агентств верить нельзя. Мне обещали гарантированное одиночество...

– Мне тоже. И слава богу, мы не находимся в пределах видимости.

– Я ваш костер видела, – возразила женщина.

– Но это всего лишь огонек вдали... Кстати, я называл себя, а вы...

– Это неважно... Я инкогнито на этом острове...

– Вот как... В таком случае я буду звать вас мадам Инкогнито.

– Хоть горшком...

– Нет, на горшок вы не похожи, – возразил Легостаев, откровенно оглядывая женщину, которой, на его взгляд, было лет тридцать. Может быть, чуть больше. И, усмехнувшись, добавил:

– Ситуация похожа на встречу Робинзона и Пятницы... По-видимому, это было оговорено в вашем договоре...

– Как вы смеете! Я – феминистка. – Обрезала женщина.

– Тогда это многое объясняет в вашем поведении, – после паузы глубокомысленно произнес Легостаев. – Но я тоже не женат...

– Это меня не интересует. Мое условие: не светите своим костром в ночи...

И, повернувшись, спортивным шагом пошла обратно, зашла за выступ и исчезла. Только звук перетирающейся гальки еще некоторое время доносился до него...

– А что вы говорили про пузана? – Бросил он вслед, но ответа так и не услышал.

Вот тебе и одиночество. Действительно, нельзя нынче верить фирмачам. Можно, конечно, пойти на

принцип, предъявить претензии, но, скорее всего, в договоре отражено, что не весь остров принадлежит ему. Мелким шрифтом. Который он, как и большинство граждан, естественно, не читал...

Но не всё ли ему равно, кто эта женщина и что за пузан, который тоже обитает на острове?.. Они где-то там в другом мире. Пусть и на этом же участке суши. Они где-то там, а он здесь. В этом уютном уголке, один, как и мечтал. И эта пустынная водная гладь перед ним до горизонта...

Но, как не старался Легостаев пережить прежнее состояние растворенности в этом мире, сколько не медитировал над застывшими поплавками, но так и не смог вернуться к тому слиянию с окружающим, которое ощутил, когда ступил на этот берег. Нет-нет, да и мысленно возвращался он к неожиданному визиту, отчего-то более всего вспоминая стрекозиные очки и веснушки... На закате, правда, неожиданно-негаданно стали клевать плотвички, которым хлеб пришелся по вкусу, и мысли о женщине уступили место рыбацкому азарту. И хоть были они небольшими, с ладошку, но клевали азартно и обещали хоть и не отменную, но всё же уху.

Клев закончился уже в сумерках и он, довольный рыбалкой, этим вечером, прожитым днем, стал разводить костер. И тут вновь вспомнил о женщине. Подумал, может, действительно, не делать пламя сильным. И разозлился на себя: вот отчего он всегда идет на поводу у женщин. Так было с женой, которая, можно сказать, женила его на себе. Сколько ему тогда было?.. Восемнадцать... И Наташке столько же, но она выглядела взрослее и бегала за ним года два. Ему даже показалось, что он ее любит, и на свадьбе, и недолго потом он был вполне счаст-

лив. И в армии скучал, с нетерпением ждал писем, был единственным женатиком и единственным счастливым среди сверстников. И когда вернулся, первое время был счастлив. Пока не дошли слухи, о том, как ждала его Наташка. Да та скоро и сама созналась, что пока он отдавал долг родине, встретила свою настоящую любовь. Ему бы тогда и хлопнуть дверью, так нет, отчего-то простил, и еще некоторое время они мучали друг друга...

Обжегшись на молоке, и на воду долго дуешь...

Он после этого лет десять на женщин внимания не обращал. Пока на турбазе не встретил Серафиму. Искрометную, веселую хохотунью, не претендующую на долгие отношения. «Живи одним днем и радуйся», – повторяла она. Так и жила. Спала с ним, а флиртовала с каждым встречным. И хотя первое время он был настроен на долгие отношения и даже создание семьи, но довольно скоро понял, что Сима воспринимает их связь как всего лишь приятное времяпрепровождение и не более. И поторопился уйти сам.

Феминисток он еще не встречал и совершенно не знал, что это за тип женщин. Но допускал, что скорее всего они из тех, кто, как и он, разуверились в возможности семейных отношений. И от этого теперь вспомнил о женщине даже с некоторым интересом.

Засыпал он в этот вечер отчего-то с мыслями о незнакомке и неведомом пузани...

За ночь небо затянули низкие облака, то ли предвестники дождя, то ли поднявшийся от озера туман. Потом потянул ощутимый ветерок, нагоняя мелкую волну. Хорошая погода для рыбалки, поэто-

му он даже чай заваривать не стал, забросил удочки и застыл в ожидании.

Но, похоже, погода действительно собралась меняться, и рыба клевать не хотела. Просидев так пару часов и дождавшись только усиления ветра, он оставил удочки и наконец заварил чаю. И опять же, разжигая костер, отчего-то вспомнил о вчерашней визитерше. Подумал, как велик этот остров, не пришла же она с другого конца земли?..

Хотя, может быть, как раз и пришла. С противоположного края...

Выходит, островок вовсе мал...

Надо бы шалаш уплотнить, перепрыгнул мыслями, как бы этот ветер действительно не принес дождь.

И решил заняться этим нужным делом.

Срезал несколько разлапистых елочных ветвей, накрыл уже существующий шалаш куском полиэтиленовой пленки, который на всякий случай прихватил с собой, сверху плотно толстым слоем уложил еловые лапы, посидел в новом теперь и во все непродуваемом доме. Вылез обратно.

Волны за это время стали круче, они уже отчетливо стучали в выступы скалы и ритмично перебирали гальку. Снасти давно уже прибило к берегу, он еще забросил несколько раз, но доставал без хлеба и рыбы. Скорее всего, насадку сбивали волны.

Делать больше было нечего.

...Сначала он отгонял от себя эту мысль. А потом согласился: а почему бы и нет?.. Он тоже может себе позволить обойти этот остров и посмотреть что, где и как. Решительно занес в шалаш вещи, погасил тлеющие угли в костре, подумал, что идти в плавках, как мадам Инкогнито в купальнике, он не станет.

Во-первых, сегодня не так жарко, во-вторых, может пойти дождь, а в третьих, это просто неприлично...

Интересно, а какой у этой феминистки дом, тоже шалаш?..

С милым рай в шалаше...

Но она же ненавистница противоположного пола, значит, должно быть что-то другое...

Но зачем гадать, скоро сам увидит.

Надел спортивный костюм, кроссовки и решительно направился за выступ скалы...

Остров был почти круглой формы, и по небольшим расстояниям между видимыми поворотами можно было предположить, что не очень-то и велик. Так, проплешинка на поверхности большого озера. Но тем не менее его вполне хватило, чтобы приютить, пусть на короткое время его, мадам Инкогнито и какого-то пузана...

Интересно, как она воспримет его визит... А впрочем, это неважно, он ведь идет не к ней, а просто изучает остров.

Он шел по-над берегом, то опускаясь на полоску гальки, то поднимаясь на поросший елями и соснами взгорбок, и наконец за очередным поворотом увидел стоящую под мощной сосной оранжевую палатку. Рядом с ней на веревке, натянутой между сосной и одинокой низкорослой березкой, болтался на ветру купальник. А перед ней возле кострища с грамотно сделанной перекладиной, на которой висел рыбацкий котелок, стоял небольшой столик. И полотняное кресло. В кресле, глядя перед собой на начинающее волноваться озеро, завернувшись в нечто напоминающее плед, сидела женщина всё в той же шляпе.

Он нарочито громко кашлянул, не желая застать ее врасплох. Но она, словно его не замечала, про-

должала всё так же неподвижно сидеть. И только когда он встал напротив, нисколько не удивившись его появлению, она вскинула глаза, на этот раз не защищенные очками, и протяжно произнесла.

– Ах, это вы... Не закрывайте мне горизонт...

Он отступил в сторону.

– Я не сомневалась, что вы, как любой самец, пойдете по моему следу...

– У вас, феминисток, так принято встречать гостей?

– У вас извращенное понятие о феминизме.

– Возможно, – согласился Легостаев. – Но, может быть, теперь вы назовете свое имя, как это принято и среди мужчин, тем самым уравнившись с ними в этом...

– Это ничего не изменит, поэтому оставим как есть: для вас я мадам Инкогнито.

– Ну что ж, воля ваша, – сказал Легостаев и замолчал, не зная, о чем говорить дальше. Наконец, спросил. – Вы сами устанавливали палатку и эту перекладину?

– Это имеет какое-то значение?

– Возможно, – уклончиво произнес он.

– Если вам так интересно, да, сама. И я еще многое могу делать, то, что мужчины считают исключительно своим делом.

– А зачем же вы ищете одиночества?

Наконец Легостаев задал главный вопрос, ради которого и пришел. Ему было действительно интересно, какие мотивы могут быть у этой, еще молодой и, судя по всему, сильной не только физически женщины, чтобы очутиться на этом острове уединения.

– А кто вам сказал, что я его ищу?

Она подняла на него глаза, и он увидел, что они

большие и, кажется, небесной голубизны. Или это в них просто отражалось очищающееся от облаков бездонное небо.

– Тогда что же вы здесь делаете?

– Размышляю, как и следует делать всем мудрецам.

– Так вы еще и мудрец?

– Я мудрая.

– Становится всё интереснее, – признался Легостаев. – У вас явно завышенная самооценка.

– Скромность не украшает ни мужчину, ни тем более женщину.

– Значит, вы считаете себя не только красивой и неотразимой, но и мудрой...

– А вы не можете в это поверить, – с усмешкой сказала женщина.

Не могу, подумал Легостаев, вдруг ощутив, как упала между ними преграда, и он увидел в незнакомке обыкновенную женщину, которая скорее всего убежала на этот остров от каких-то своих женских проблем. Вероятно, она из той тоненькой прослойки трудящегося населения, в которой ее называют бизнес-леди: с достатком, но без личного счастья. В очередной раз обожглась неразделенной любовью и вот решила полечиться одиночеством.

– А у вас нет случайно кресла и для гостей? – нагло спросил он.

– Устали стоять?

– В ногах правды нет.

– А вы хотите правды?

– А вы?

– Вот проявление вашего неуважения к женщине, не ответив на вопрос, задать свой...

– Я, пожалуй, присяду, – сказал Легостаев, устраиваясь на лежащей возле кострища толстой сухой

ветке, приготовленной для костра, на миг представив, как незнакомка тащила этот сухостой откуда-то издалека...

Теперь он смотрел на нее снизу вверх и видел маленький подбородок и тонкие крылья носа. И уже не сомневался, что женщина настроена на разговор. Но о чем говорить, он не знал, у них не было совместного прошлого, как бывает у давних знакомых, не было мелькающих за окном видов, как бывает у пассажиров поезда. Скорее, как авиапассажиры, они присели рядом лишь на короткое время, поэтому разумнее всего было молча дремать. А молчать как раз-то и не хотелось. Но тема феминизма уже была исчерпана, а какая-либо другая не вызрела.

– Вы давно на этом острове?

– Разве это имеет значение?

– Нет, конечно. Но как еще поддержать наш разговор, если не говорить о погоде?

– А вы придумайте...

Улыбка у нее была короткой и ироничной.

– Думаю, что на пару дней вы здесь дольше, чем я...

Она промолчала. И отвела взгляд, изучая что-то за его спиной, там, где водная гладь упиралась в горизонт.

– А где же ваш знакомый пузан? – спросил он после затянувшейся паузы.

– За поворотом, – сказала она и, закрыв глаза, запрокинула голову, ловя солнечные лучи, прорезавшиеся из-за облаков.

– Ну что ж, спасибо за беседу.

Легостаев поднялся.

Постоял, но женщина продолжала всё так же ловить солнечные лучи, и ее каштановые волосы на солнце искристо переливались, в сочетании с вес-

нушками делая ее словно сотканной из света. Когда продолжать стоять больше было уже неприлично, он пошел к следующему повороту, туда, где он еще не был. Уже перед тем как зайти на скалу, оглянулся: женщина, совершенно нагая, стояла рядом с креслом, запрокинув голову и сцепив руки на затылке. Он задержался, любуясь изгибами женского тела. Ему показалось, что женщина смотрит в его сторону, и он поспешно шагнул вперед...

За еще одним поворотом он увидел большую палатку, состоящую из двух комнат и выглядывшую на этом пустынном берегу настоящим дворцом. И никаких следов кострища, и ничего и никого рядом.

Обитателя этого дворца он увидел, когда вошел в первую парусиновую комнату: здесь стоял стол, приличной величины холодильник, подключенный к аккумулятору, и два пластиковых стула. На одном из них расслабленно сидел объемистый мужчина. Его большая лысая голова свисала на грудь, глаза были закрыты, и лишь негромкий храп утверждал, что в этом теле есть жизнь. На столе перед мужчиной стояли одна пустая бутылка из-под пива и одна начатая. На одноразовой пластиковой тарелочке лежали несколько ломтиков сыра и пара бутербродов с черной икрой.

Легостаев стоял, не зная, что делать. В это время мужчина открыл глаза, и его лицо расплылось в широкой улыбке.

– Наконец-то... А то я уже заждался... Проходи, дорогой, присаживайся, будь как дома, – забасил он так радостно, словно увидел долгожданного дорогого гостя.

Легостаев послушно обошел стол и сел.

– Погоди-ка...

Мужчина грузно поднялся, переваливаясь, прошел к холодильнику. Открыл дверцу и из начатого ряда лежащих пивных бутылок прихватил пару.

– Будешь из горла, презервативные стаканы не признаю. А стекло тащить было глупо.

Он с грохотом поставил бутылки перед Легостаевым. Протянул руку.

– Стародворцев.

– Легостаев, – он пожал большую пухлую ладонь.

– А я тут один уже совсем одичал. Третий день и никого. Одна баба тут забрела, пофыркала, животным обозвала и убежала. – Он опустил на жалобно скрипнувший стул. – Из этих, равенством прибахнутых... Я ей крикнул, чтобы звала ко мне кого увидит, вот тебя и прислала...

Легостаев хотел сказать, что он пришел сам, из любопытства, но возражать не стал. Ведь по сути он услышал о пузани именно от незнакомки.

– Ты пей, не журись, пива и закуски у меня хватит еще на пару человек. А сам я за пару дней не осилю.

– Что два дня осталось? – Поинтересовался Легостаев с удовольствием утоляя жажду и поглядывая на бутерброд.

Оказывается, он проголодался.

– А я уж тут почти неделю... И всё один да один... Хотя я им говорил, что человек я компанейский, пусть направляют всяческих горемык, цивилизацией пришибленных. Ты из пришибленных?

– Наверное, – неуверенно отозвался Легостаев.

– А я нисколько... Я бабой своей, супругой законной, пришибленный... Вот и решил отдохнуть от нее...

– По-сибаритски, – не удержался Легостаев.

– Не знаю по кому. Просто решил...

– Однако размах, – не удержался Легостаев, обводя рукой палатку, холодильник, виднеющуюся в другой комнате раскладушку с неубранной постелью.

– А это... Так туда, куда мы все уходим в свой срок, ничего с собой не унесешь. Всё тленное в мире тленном и остается. Вот и бери пока из него, что можешь, пока можешь...

– Что дают, – уточнил Легостаев, пытаясь разгадать кто перед ним.

По всем повадкам – классический купец времен царизма. Или нынешний олигарх. Только мелкий. Настоящий этот остров скупил бы с окрестными водами и ограду выстроил...

– Знаю, о чем хочешь спросить. Откуда, мол, этот размах...

Мужчина потянулся к недопитой бутылке, двигая стол большим животом, наконец достал ее, сделал несколько глотков.

– Акционер я, газовый, миллионер, то бишь безработный, но правильнее – на заслуженном отдыхе.

Легостаев окинул взглядом: пенсионером тот никак не выглядел, лет пятьдесят с небольшим...

– Досрочно ушел, по причине отравленного этим самым газом здоровья. Но на государственном иждивении не нахожусь. От пенсии отказался. Пусть государство богатеет, не жалко.

– А что, жена не позволяет? – спросил Легостаев, кивая на бутылку.

– Трандит, трандит... Уши заворачиваются... Да и могу я себе позволить вот так в одиночестве со своими мыслями остаться хоть на какое-то время, – произнес он таким тоном, словно перед кем-то оправдываясь.

Легостаев решил, что перед женой.

– Да ты пей, не журись.

Стародворцев встал, прошел к холодильнику, достал еще пару бутылок и ломоть красной рыбы.

– Ежели не хватит, мальчика из фирмы свистнем. Всё что хочешь доставит...

– Нет, спасибо, больше не буду, – поднял руки Легостаев.

– Отчего так? – искренне удивился Стародворцев.

– Да я как бы на отдыхе, – неуверенно начал Легостаев. – Решил вот себя в форму привести, порыбачить...

– Ты – себя? – Мужчина хохотнул. – Да ты тощий, как язвенник или трезвенник. – И засмеялся раскатисто. Отсмеявшись, пододвинул рыбу. – Забирай, считай, что уже поймал...

– Да нет. У меня уха там... – неуверенно отказался он.

– Не обижай, – вдруг посуровел Стародворцев. – Или вот что. Давай завтра приходи. Посидим за пивком... Ты где расположился? Перетаскивай свою палатку сюда, а то подселяйся ко мне. Места, сам видишь, хватит...

– Я уж там привык, – махнул Легостаев туда, где должен был быть его шалаш.

– Ну, как знаешь. Но я ждать буду...

– Может, еще и загляну, – неуверенно пообещал Легостаев и поспешно вышел из палатки.

Постоял, раздумывая, возвращаться или продолжить обход острова. Подумал, что если обходить, неизвестно, что ждет впереди, возможно и берег там неудобный и ничего интересного. Да скорее всего так и есть, уж фирмачи, понятное дело, выбрали самые удобные места для любителей одиночества. И, честно говоря, хотелось еще раз увидеть незнакомку. Может быть, получится разговор.

Но мадам Инкогнито на этот раз ни в палатке, ни возле нее не оказалось. Он подумал, что она ушла гулять вглубь острова. Даже немного прошел под деревья, но потом решил, что его назойливость никак не будет способствовать установлению дружеских отношений, лучше наведаться к ней через пару дней...

Следующий день был такой же ветреный, хотя дождь так и не собрался. Легостаев провел его, сидя с удочками, загорая, готовя себе еду, даже пару раз искупался, хотя вода уже была прохладной, а солнце еще припекало.

К вечеру он уже окончательно вернулся к своему первоначальному состоянию довольства всем окружающим, погодой и самим собой и, если и вспоминал незнакомку и Стародворцева, то совсем неосяземо. Словно вычитал в какой-то книжке или посмотрел заумную кинокартину с множеством ничего не значащих намеков. Поэтому вновь заметил небесную звездность, услышал таинственность ночных шорохов, наслаждался острым запахом прогретой хвои...

Утром долго лежал в шалаше, прислушиваясь к пению ветра и прикидывая, чем можно разнообразить меню: рыбалка скорее всего не получится. Не ловить же опять плотвичек. Вспомнил, как Стародворцев говорил о мальчике из фирмы, который всё доставит, мелькнула мысль, а не включить ли наконец мобильник и не попросить хорошей наживки для рыбалки. Но тогда ломается весь его отдых, каким он был задуман.

Хотел заняться хозяйственными делами, но дрова впрок уже были заготовлены, шалаш укреплен и хорошо накрыт, даже если пойдет дождь, в нем

должно быть сухо. Подумал, что может быть, прогуляться по острову в другую сторону, посмотреть, что там. Но вспомнил о Стародворцеве, которого не обойдешь, а застрянешь надолго...

Впрочем, это не так уж и плохо, пиво у него хорошее и закуска отменная, может, действительно, прогуляться да и заглянуть к газовому миллионеру... А потом подойти с другой стороны к мадам Инкогнито и попробовать разговаривать. Не может же она быть совсем непохожей на обычную, пусть и эпансипированную женщину, ей ведь тоже поболтать, поделиться сокровенным хочется...

Пойду, наконец решил он, когда солнце стало клониться к закату. Опять надел спортивный костюм, кроссовки и, ощущая себя почти спортсменом, пружинистым шагом пошел к ее палатке теперь уже напрямую через рожицу, по дороге прикидывая, с чего начнет разговор. Скорее всего, с того, что скажет о целительной силе одиночества в нынешнем мире сумасшедшей гонки. Потом расскажет все о себе, как делятся в железнодорожном купе случайные попутчики, не претендуя ни на понимание, ни на долгие отношения. И будет предельно откровенным. Потому что только так можно вызвать собеседника на ответную откровенность.

В конце концов разговор в его мыслях окончательно сложился. В нем не хватало только ее рассказа, о ее отношении к одиночеству и о жизни в том мире, откуда она пришла, поэтому к последнему повороту он подходил вполне уверенный в себе и в исполнении намеченного.

Обогнул скальный выступ и замедлил шаг: на водной глади подле берега покачивался на волнах вместительный белоснежный катер, очевидно, чья-

то частная собственность. На его палубе никого не было видно. Но зато на берегу суетились двое мужчин, собирая палатку. Незнакомки нигде не было видно.

Легостаев остановился в нерешительности, не зная, идти ли дальше или повернуть обратно. Разумнее было бы, конечно, повернуть обратно, не его это дело. Но, с другой стороны, любопытно узнать, что происходит и где мадам Инкогнито.

Мужики сложили палатку, подхватили две объемистые сумки: не так уж и мало брала с собой на остров мадам, и стали подниматься на катер. Положили груз и остались на палубе, явно кого-то ожидая.

Легостаев поднялся к деревьям и присел под сосной так, чтобы они не могли его видеть, а он видел их хорошо. Он уже не сомневался, что те ждут женщину. А она, по-видимому, где-то гуляет. Может быть, прощается с островом: женщины, даже феминистки, ведь сентиментальны...

Но додумать не успел, увидел как к катеру быстрым шагом спускается мужчина в белой рубашке, в таких же белых брюках и, хотя и не видел, но не сомневался, что такого ослепительно белого цвета будут и туфли на его ногах, а на загорелой шее, скорее всего, висит массивная золотая цепь.

Но не это было главное: на плече он нес знакомку. Пряди ее каштановых волос скользили по его спине, руки, сжатые в кулачки, молотили по его бокам, и вся она извивалась на плече, как обычно это делают пленницы. Но мужчина, похоже, на это совсем не реагировал, да и мужики на катере сидели совершенно спокойно, будто ничего необычного не происходило. Мужчина перед трапом остановился, что-то сказал женщине, та затихла, и стал осторожно подниматься. Как только он ступил на палубу и

опустил свой груз, продолжая держать женщину за руку, мужики тут же подняли трап, завели мотор и катер стал медленно отплывать от берега.

Мужчина в белом отпустил руку женщины. Та стала что-то говорить, эмоционально взмахивая теперь освобожденными руками и, наконец, отчаянно махнув рукой, спустилась с палубы в каюту.

– Вот и всё, – вслух произнес Легостаев, не скрывая разочарования.

Оказывается так всё банально: ссора с мужем или любовником, обида, бегство на остров, наконец скандал на природе без свидетелей, выяснение отношений, применение грубой мужской силы, противовеса феминистской идее, и возвращение всего на круги своя...

Ненужной оказались все им заготовленные слова, тайной осталась жизнь мадам Инкогнито. Хотя, впрочем, какая тайна, если вот он сейчас увидел эпилог истории...

И, всё-таки, он чувствовал какое-то неудовлетворение от случившегося.

С этим тягостным чувством, смазавшим весь давший настрой, он и вернулся к своему шалашу...

Наконец-то ветерок нагнал дождь. За ночь облака превратились в тучи, пока еще не очень грозные, но на глазах наливающиеся синевой, и утром Легостаев проснулся под шум дождя. Но в шалаше было сухо, лишь редкие капельки иногда просачивались в тех местах, где не было пленки. Он похвалил себя за предусмотрительность и тут же огорчился, что оставшиеся дни придется провести теперь уже в полном безделии. Но всё-таки решил вскипятить чаю вдобавок к тушенке и печенье, которые

раньше определил как неприкосновенный запас. Правда, небольшой костер, чтобы только закипятить воду в кружке, пришлось разводить рядом с шалашом, под прикрытием еловых лап.

После чаю настроение несколько улучшилось. Дождь уже не так огорчал и даже под его мерный шум думалось легко и покойно. Думалось в основном о хорошем. О том, что скоро он сменит место работы, уже приглядел себе другую организацию и даже прошел собеседование. Что через год-два надо будет сменить и место жительства, перебраться куда-нибудь ближе к югу, чтобы отдыхать уже не на озерном острове, как сейчас, а на морском. Правда, в наших южных морях таких островов нет. Но сойдет и какое-нибудь дикое место на побережье, не всё ведь еще обустроено и загажено. А не понравится, всегда можно будет вернуться на это озеро...

Что касается личной жизни, то об этом он старался не думать – суждено встретить свою вторую половину – встретит, а нет – так ничего не поделаешь. Можно, конечно, с кем-нибудь сойтись, но он не был уверен, что они уживутся. Возраст не тот. Но кто знает, на новом месте новые люди...

От этих неспешных и вполне приятных мыслей его отвлек гул вертолета. Он становился всё яснее и ближе, и ему стало интересно посмотреть, кто и куда это летит. Он высунулся из шалаша – небольшой вертолет летел над островом, держа курс прямо на него. Наконец он завис над галечной косой, медленно, словно примеряясь, стал снижаться.

Легостаев вылез из шалаша, встал на выступе, почти уравнившись с винтами, и вдруг в иллюминаторе увидел расплывшееся лицо Стародворцева.

Потом его машущую руку, словно приглашающую его подойти.

Наконец вертолет завис в полуметре от берега, дверца распахнулась, и в проеме появилась коробка холодильника. Придерживаемый четырьмя руками, холодильник соскользнул вниз и встал на гальку. Следом рядом с ним плюхнулся аккумулятор. В дверцу высунулось красное лицо Стародворцева, и он услышал его голос.

– Легостаев! Это тебе! Опорожни этого чревоугодника! Мальчики потом заберут пустой!

– Да мне-то, – растерянно развел руками Легостаев, но дверца захлопнулась и вертолет, нырнув вперед, стал набирать высоту.

– Ну, брат миллионер... – Только и сказал он вдогонку. И уже себе. – А что, может быть, ты и прав. С пивом и закуской в такую погоду всё же веселее...

... Два оставшихся дня он справлялся с запасами Стародворцева, напрочь забыв, ради чего в свое время затеял этот вояж на необитаемый остров...

Когда-то закончатся боли,
Душа допылает дотла –
Взлечу над распахнутым полем,
Где даль высока и светла.

Увижу с небес, словно птица,
Простое степное село,
В котором однажды родиться
Когда-то и мне повезло.

Вон пруд и поникшие ивы,
Там высится Долгий курган,
А вот по дороге счастливый
Несется босой мальчуган.

Вот клуб в сельском парке
и школа,
Погибшим в боях обелиск.
Там люди торопятся в поле,
Там ветры в степи обнялись.

Вот вяз у резного крылечка,
Где жаркое солнце печет.
Родная веселая речка,
Как жизнь – всё течет и течет.

Всё то, что любил я на свете,
Я вижу опять наяву.
А может, и нет ее, смерти?
А может, я снова живу?

**АЛЕКСАНДР
КОМАРОВ**

Поэзия

Листопад

Снова тихо раздвинулись дали.
Посветлел за околицей лес.
Желтым снегом листва опадает
На луга и поляны окрест.

Вновь протяжные ветры подуют,
Горизонт выгибая в дугу.
Будто светлые долгие думы
Облака над землей побегут.

Солнцем день молодой переполнен,
В небе птицы кружат и кружат
Для того, чтобы лучше запомнить
Мест родимых прощальный пожар.

Хорошо слушать желтую вьюгу,
Тихий шепот листвы ни о чем.
Доверяя, как старому другу,
Клен опустит ладонь на плечо.

И внимая тиши и прохладе, –
Пусть хмелеет опять голова! –
Я учусь у осеннего сада
Золотые ронять слова.

Как мы долго плывем и плывем
Среди звездной космической пыли!
В этом мире мы только вдвоем.
Никого, кроме нас, в этом мире!

Боже, сколько веков или лет
С неразгаданным тайным упорством

Повторяем избитый сюжет
С упоением первопроходцев!

Всё равно – наяву ли, во сне –
Эта ночь бесконечная длится:
Ты опять доверяешься мне
До нечаянных слез на ресницах.

Лунный свет, проникая в окно,
Штору трогает осторожно.
Нам друг друга понять не дано,
И забыть ничего невозможно.

Жизнь горька, а судьба солона.
В сердце злом накопилась прохлада.
Я за всё расплатился сполна.
Что еще тебе, Господи, надо?!

Вьюга белая

Вновь на улицах села
Вьюга белым зацвела
И кого-то молодого
За собою увела.

С неба сыплет белый снег,
Раздается детский смех.
И как будто незаметен
Звонких лет веселый бег.

Из трубы курчавый дым
Вьется к небесам седым.
А давно ли, ах, давно ли
Я и сам был молодым.

С белой вьюгою дружил,
Куролесил и кружил,
Понапрасну не растратил
Ничего, чем дорожил.

Вьюга вдаль меня звала,
Крепко за сердце брала.
От нее – от сатаны
И набрался седины.

Где же вы, мои года?
Улетели навсегда?
Лишь поют все ту же песню
Вдоль дороги провода.

Да на улицах села
Вьюга белым зацвела
И кого-то молодого
За собою увела.

Ироническое

Жизнь порой наколобродит,
Что не сразу разберешь:
Отчего вдруг блажь находит
Точно знать, зачем живешь?

Бродишь, места не находишь,
По ночам почти не спишь –
На мороз курить выходишь,
В небо темное глядишь.

То ли там мелькнул Меркурий,
То ли так же, как и я,
Кто-то там не спит и курит,
Смотрит, бедный, на меня.

Котелок мой славно варит,
Понимаю, что к чему:
Все мы люди – Божьи твари –
Вместе и по одному.

Кто-то мечется, летает,
Словно вьюга на полях,
А другой всю жизнь мечтает
О небесных кренделях.

Кто руками лишь разводит,
Под себя устав грести.
Кто концы с концами сводит
И не может их свести.

Только выйдешь вновь с рассветом,
Слыша легкий звон в крови, –
Снег блестит, и солнце светит,
И хлопочут воробьи.

Просыпается неспешно
Вся родная сторона.
Всё здесь свято, всё здесь грешно –
Так какого же рожна?!

Театр

Расписаны все роли.
Бесстрастен режиссер,
И с личной долей боли
Идешь на свой костер.

Сюжет закручен круто
Уверенной рукой.
Не ты в нем планом крупным,
А кто-нибудь другой.

Условия контракта
Жестоки неспроста:
Играем без антракта
И набело, с листа.

Без всяких репетиций
Открыто на миру
Должны мы утвердиться,
Ведя свою игру.

Всерьез, а не как будто
Страдать и умирать –
Возможности не будет
Потом переиграть.

Пускай премьер капризный
Не выучил слова,
Но в середине жизни
Не сменишь ампула.

Пусть труппа не по нраву,
Но нет, увы, второй.
А тот, кто балом правит,
Украл чужую роль.

Без грима и суфлера,
Без криков «браво», «бис»
Играем свои роли
В короткой пьесе «Жизнь».

Обниму тебя

Обниму тебя – спрячу от мира,
От ухмылок его, от угроз.
Никогда не прошел бы я мимо
Этих губ, этих глаз, этих слез!

Слышишь: воздух пружинит упруго,
И грохочет гроза без конца –
Это всех, не нашедших друг друга,
Оглушительно рвутся сердца.

Обниму тебя – спрячу от горя,
В твою душу до дна загляну.
И тебе предназначенной боли
За тебя полной мерой хлебну.

Обниму тебя – спрячу от Бога,
Если есть на земле этой Бог,
Чтоб тебя не состарили годы,
Чтоб один лишь я стариться мог.

Слышишь: воздух пружинит упруго,
И грохочет гроза без конца –
Это всех, не нашедших друг друга,
Оглушительно рвутся сердца.

Уезжаю

Я уезжаю. Пусть вдали, как дым,
Растает, что осталось за спиною:
Любимая, любимая другим,
И друг, что дружит с недругом моим,
И друга друг, враждующий со мною.

Пусть снова облетевшая листва
Постелет пестрой скатертью дорогу...
Но мне не позабыть ее лица,
Волос ее нечаянно не трогать.

И не искать слова, чтобы сказать
О том, что недосказано, не спето.

Не для меня цветет в ее глазах
Веселое ромашковое лето.

Да здравствуют дорога и тоска!
Пусть пробегут светло и бестревожно
Поля, лесок и речка у леска,
И разноцветный кустик придорожный.

Прекрасно всё! Но оглянусь назад, –
Глухим былъем бывшее порастает.
Когда горит огнем осенний сад,
Зачем жалеть, что листья облетают?

Прекрасно знать, что еду я туда,
Где ждут меня, где нужен я кому-то,
Поют гитарной песней провода
О простоте дорожного уюта.

Мне песня их понятна и близка,
Как даль полей, как надо мною небо.
Приятно узнавать издалека
Места, в которых я так долго не был.

Вот-вот – и повстречает отчий дом!
И осень-мама в нежности и грусти
Свою холодноватую ладонь
На голову горячую опустит...

Цветок мать-и-мачехи

1

Страшил пожарищ вид
оскалом
Застывших мертвенно печей,
А я кораблик свой пускала
В бегущий весело ручей.

И так хотелось, чтоб, отважно
Преграды обогнув и сор,
Доплыл кораблик мой
бумажный
Туда, где «моря» ждал
простор.

Тогда младенческому взгляду,
По счастью, было невдомёк,
Что смертоносным
он снарядом
Прорыт – тот маленький
прудок.

А ручейк, как жилка, бился,
Лужайки оживив висок,
И ясным солнышком лучился
Там мать-и-мачехи цветок.

ЕЛЕНА
ИВАНОВА

Поэзия

2

Дотронешься снизу – шершавый листок,
А сверху – упругий и гладкий, как мячик он.
Судьбы моего поколенья цветок,
Не зря он был назван вот так: «мать-и-мачеха».

Ласкает ладошку, как добрая мать,
И колет, как будто бы та, неродная.
Но в том неповинен он, как не понять,
И в полусиротстве своём не одна я.

Шныряют повсюду ещё сквозняки,
И снег кое-где бело-серыми латками,
А эти без верхних одёжек цветки
По склону овражка сбегают ребятками.

Весна! Это воздух свободы зовёт!
В игре веселиться вам, девочки, мальчики.
Ещё о Победе не знает народ,

Но радости вестник уж выслан вперёд –
Тот солнечно-горький цветок мать-и-мачехи.

Отважный, лучится, сияет, горит!
Весны он младенец, и всё ему ясненько.
И что он о жизни смеясь говорит,
Растроганным сердцем ты сам догадайся-ка.

3

Разомлела земля от тепла,
Зеленеют пока только туи.
Прилетела и села пчела
В сердцевинку цветка золотую.

На согревшейся кочке сидеть
И за пчёлкой следить, вспоминая...
Золотник подменила на медь
Жизнь... Вот истинно – мать неродная.

Не один я удар лобовой
От уроков её претерпела.
Помытарила сердце любовь
И, как пчёлка, снялась, улетела.

Скоро Пасха... В Родительский день
Матерей как не вспомнить нам наших,
Заступивших безвременно в тень,
В непосильных трудах надорвавшись.

Как не вспомнить нам наших отцов,
Что остались лежать повсеместно
На земле, захлебнувшись свинцом,
И где косточки их – неизвестно...

Дунул ветер, принёс холодок,
Март в конце ещё резкий, кусачий.
Глянцевитой ладошкой листок,
Шлёт, как в детстве, мне солнечный зайчик.

Хоть и было несладким оно,
Детство наше, но даже печали
Светлый луч погасить не дано,
Греет сердце он, как и вначале.

Мать-и-мачеха... Так вот судьба
То голубит, то словно наждачит.
Под стопую вдруг всхлипнет тропа...
И природа, случается, плачет.

Шёл отец...

*Шёл отец, шёл отец невредим
Через минное поле.
Превратился в клубящийся дым –
Ни могилы, ни боли.
.....
Всякий раз, когда мать его ждёт, –
Через поле и пашню
Столб клубящейся пыли бредёт,
Одинокий и страшный.*

*– Отец! – кричу. – Ты не принёс нам счастья!.. –
Мать в ужасе мне закрывает рот.*

Юрий Кузнецов

1

Шёл отец, шёл отец
Сквозь нахлёсты свинцовой метели.
Загонял он в обоймы свинец,
Бил огнём он по огненной цели.

Шёл отец, шёл отец
С прикипевшим к груди автоматом.
Долго шёл сквозь огонь... Наконец
В поле бронзовым встал он солдатом.

И прослышав прискорбную весть,
Поднялись тут колосья,
Дабы грянуть былинную песнь
Гуслей многоголосьем.

И сыночка не ждёт уже мать,
Только ходит к Солдату,
Чтобы взглядом хотя бы обнять,
Не забыв ни на миг про утрату.

Кто сказал про него, боже мой:
«Пыли столб одинокий»?..
Шёл отец, шёл отец и пришёл.
Он – живой!
И на вечные сроки.

2

«Столб крутящейся пыли,
Одинокий и страшный...»
Не отцы это были,
Не отцы это наши.

Нет, не стал он фантомом
И клубящимся дымом –
Смотрит с фото знакомо,
И глаза молодые –

Мой отец, хоть незнаем
Вживе мною, воочью.
Смотрит, не притязая
На меня, свою дочу:

На руках не носил он...
И в глазах виноватых:
«Нас прости, мать-Россия,
Гибли мы, чтоб жила ты».

Глаза прикрою: и станица
 Под майским небом оживет!
 И рыжий конь по ней,
 как птица,
 За горизонт меня несет.
 В дали закатной затихают
 Шум ручейков, станичный
 быт.

Над пижмой бабочки порхают,
 И гуд шмеля, как звук трубы.
 Любуюсь родиною тихой.
 Тут васильки, а там – полынь.
 И в сердце чувств мятежных
 вихорь,
 И песнь зовет простора синь.
 Нагрянет ночь и вновь –
 отчалит,
 Рассеет луч веселый тень.
 И жизнь берет свое начало,
 И манит босоногий день!

Сенокос

Вблизи валков шмели гудят,
 гудят...
 Коса поет уверенно и тонко.
 И радостное ржанье
 жеребенка,
 И синь, и травы веселят мой
 взгляд.
 Мы с дедом косим. Руки
 старика
 Еще крепки, уверенны
 и ловки.

**АНАТОЛИЙ
 ШЕВЯКИН**

Поэзия

Свистит коса, но ровного валка
Не уложить никак мне без сноровки.
Широк загон...

Мне деда не догнать.
Уж время к полдню. Поостыли руки.
Куда как быстры молодые внуки,
Но всё-таки крепка у деда стать!

Радость и везенье вдруг пропали.
Потянуло мглистым сквозняком.
И заметней годы сразу стали,
О которых думал лишь тайком.
Где ж ты затерялась, Валентина!
В уголке каком живешь, скажи?
Меж столбов рассвет ждут терпеливо
На прогнутых проводах стрижи...
Раньше ты сияла, словно солнце.
Приходила утренней звездой.
Орошала розы под оконцем
И поила косарей росой.
А теперь на зарево заката
Ты глядишь, как на судьбу свою.
Всё прошло. Жизнь до предела сжата –
Приостановилась на краю...

И вот они, родимые поля!
Степное, неизбывное раздолье...
Из-за домов, сараев, крытых толью,
Приветливо мне машут тополя!
Приехали. Гляжу на школьный двор:
Как детвора шумливая резвится! –

Мелькают раскрасневшиеся лица,
Портфель, как мяч, летит через забор.
В углу двора, где белый тополек,
Одна, как перепуганная птица,
Прикрыв ладошкой книжную страницу,
Заучивает девочка стишок.

Памяти матери

Цвела акация в станице,
И наливался медом май.
Я возвратился из столицы.
Земля родная, принимай!
Над купырем, над бурной речкой,
Над крышами беленых хат
Стоял акаций запах вечный,
Грозой усиленный в сто крат!
И надышаться, и напиться
Не мог я запахом земли.
И суета, и спесь столицы,
И мысли бранные ушли.
Лишь радуга, искрясь, сверкая,
Срывала капли у ворот.
И мама во дворе...

живая...

Меня единственного ждет.

Туман лихой мне застигает путь.
Недаром сбиты на подъемах ноги.
Но я иду, подставив ветру грудь,
По краю неизведанной дороги.
Заложник то невзгоды, то игры,
Я знаю цену веку и мгновеньям,

И потому далекие миры
Созвучны моим мыслям и стремленьям.
Куда иду? И что во мгле ищущу?
И распознаю ль тайну в небе синем?
Зачем у Бога я прошу, прошу
Прозренья для души и для России?
В тот миг, когда падучая звезда
Срывается, лик храма освещающая,
Загадываю, чтоб в пути всегда
Костер добра нас вел, не угасая!

На зависть пацанам рос без отца,
Во всех делах был сам себе хозяин –
Не ведал я родительских заданий
И загорал на речке без конца.
Дружку, случалось, часто помогал
Лишь просто так, по одному желанью –
Эх, если б знал мой друг,
как я мечтал,
Чтобы и мне отец давал задания!

Стало как-то непривычно,
Стало все вокруг живей:
Вырос
 городок кирпичный
За станицею моей!
И станичные ребята
В одиночку и гурьбой
Потянулись к новым хатам,
К новой жизни городской...
В городок и я когда-то

Не на шутку, а всерьез
В пику местным всем девчатам
Интерес свой перенес:
Не в станичный клуб весною
Я гитару гордо нес,
И бросался вслед за мною
Светки Клишиной злой пес.
А когда совсем решился
Переехать в городок,
Помню, дед мой рассердился,
Всполошился, взбеленился:
«От земли бежишь, щенок?!»
Словно старый знал, что внуку
Через много-много лет
Принесет с землей разлука
Много дум и много бед.

Опять неясные мечты
Всего меня заполонили,
И я несу тебе цветы –
Пусть!
Что бы там не говорили.
И без того я знаю сам:
Ждет не меня, грустя,
Калитка.
Навстречу не моим глазам
Откроется твоя улыбка.
Но я несу тебе цветы...
И пусть молва за мной,
Как ветер.
Всё ж хорошо, что есть на свете
Твой тихий двор, в котором – ты!

Прощальные строки

1

Устал я от болезни и тоски.
Хочу веселым быть и нежным!
И все друзья, и близкие мои
Желают, чтобы стал таким, как прежде.
Но как узнать: смогу ли оправдать
Надежды в силу, волю человека?
Ведь с каждым днем труднее забывать,
Что я один борюсь с Болезнью века...

2

Господи, я пью твое творенье –
Осень!
И мечтаю о весне...
На Земле, видать, твои мученья
Перешли неведомо – ко мне...

3

Как конвой, окружили собаки.
Ни вперед, ни назад. Боже мой!
В этом синем безлюдном мраке
Только лай и тоскливый вой.
Так и чувства мои порою
Вдруг обложат со всех сторон...
И стихи как бы сами собою
Льются в чудный вечерний звон!

4

Жизнь пропадающая моя
Затерялась где-то в небе.
Ни ворон, ни соловья,
Ни кукушки, – где б я ни был...
Видно, прошлые грехи –
Как палач на эшафоте.
И предсмертные стихи, –
Клюква на глухом болоте...

СЕНЬОРИТА

(глава из романа)

Во время гражданской войны в Испании сбит советский летчик. От фалангистов его спасает девушка, оказавшаяся дочерью русского эмигранта. На родине pilota объявляют предателем, перешедшим на сторону Франко. Так, для Дениса Вершинина, сына царского полковника, никогда не видевшего своего отца, начинаются невероятные приключения...

Но надо как-то приспособиться. Ноги пока еще нетвердо держат. А с руками ничего ведь страшного? Будем ими заниматься. Жалко, что свободного пространства маловато, не помашешь как следует. Да и сидя всё придется делать. А то грохнешься от слабости на пол, да еще и фалангисты как раз в комнате за зеркалом будут! На шум они быстро тайник раскроют.

Даже от пола не поотжимаешься, узковато здесь. Не говоря уже о пробежках!

ИГОРЬ
БЕРЕГ

Проза

Ладно, тогда уляжемся поудобнее и будем повторять уроки испанского.

Память у Дениса была неплохая. Все слова и выражения, что ему давала Ольга, он запоминал, минимум, со второго раза. Оставалась проблема произношения. Но тут уже нужен был так называемый «носитель языка», то есть, коренной испанец. Ну или сама Ольга, которая жила в стране уже довольно давно.

Но ни того, ни другого у него не имелось. Вот и приходилось, как попугаю, повторять то, что успел запомнить. Надо будет ночью, когда девушка придет навестить его, потребовать, чтобы давала как можно больше словарного запаса. Жалко ее, конечно, девушки ночью должны спать и видеть красивые сны. Но тут уже никуда не денешься. Язык просто необходим. Ведь еще придется к своим добираться.

Как там парни, интересно? «Ишачок» его на аэродром не вернулся. Неужели считают погибшим? А что им еще думать? Верить в чудо, что, дескать, выбросился с парашютом, подобрали добросердечные люди и помогли к своим добраться? Так не верит никто из них (он, кстати, тоже), что подобные чудеса случаются.

Но ведь с ним уже половинка такого чуда произошла? И спасся из подбитого самолета, и девушка-красавица вовремя на месте оказалась, и укрыли, и накормили, и выхаживают теперь. Осталась второй половинке сбыться – вернуться к своим. Тогда точно в чудеса поверить придется...

Ему, комсомольцу, красному военлету? Ты мечтай, но меру-то знать надо! Он даже рассердился на

себя. Захотелось с кем-нибудь поспорить, доказать свою правоту.

Но вот только с кем? Никто здесь до ночи не появится. Ольга поесть принесет, горшок ночной. Но ведь с ней и не поспоришь! Это тебе, брат, не комсомольское собрание, где можно себя кулаком в грудь стучать и до хрипоты дискутировать. Попробуй – живо фалангисты прибегут и весь диспут очень быстро закончится.

Он-то ладно, может быть и сумеет прорваться, из пистолета стрелять еще не разучился. А что с Ольгой и ее отцом-графом будет?

Он осознал, наконец, что теперь ответственность лежит на нем не только за себя, но и за этих милых мирных людей, которые (чего скрывать) рискуют из-за него не только своим безмятежным существованием, но и жизнями!

Так что сиди комсомолец и военлет Денис Вершинин в темной комнатке за зеркалом и сопи в две дырочки. Нечего тут свою отвагу демонстрировать. Ты хотя бы поправься сначала, ходить научись заново.

Он встал с постели, попробовал присесть и... закусив губу, чтобы не застонать от боли, повалился на одеяло. Лоб мгновенно вспотел.

И куда он в таком состоянии собрался? На какое комсомольское собрание? Лежи и не рыпайся! Слова испанские повторяй.

Он повторял и повторял до тех пор, пока неожиданно не заснул. Правда, перед этим принял микстуру, прописанную доктором. Она, наверное, и сморила.

Проснулся он от прикосновения чужой ладони к щеке. Рука дернулась к пистолету, под подушку.

– Тс-с, тихо! – прошептал в темноте девичий голос, а тонкие пальцы легли на его губы. Ольга! Так тихо подкралась. Или дверь-зеркало настолько бесшумно открывается?

– Всё пока спокойно, – сказала девушка, присаживаясь на край постели. – Фалангистов сменили на одного нового. Теперь, похоже, у нас постоянный пост здесь будет.

– Какого черта им надо?! – возмутился Денис. – Обыскали, никого не нашли. Ну и валили бы по своим фашистским делам!

– Не всё так просто, мне кажется. Подозревают они что-то.

Голос девушки был негромким, и в нем слышалась серьезная озабоченность.

– Видеть, как я тебя привезла, никто вроде бы не мог. Прислуги у нас немного, всего три человека: кухарка, конюх и горничная. Но они о тебе точно не знают. Тем более, что горничная – приходящая. Раз в три дня появляется, уборку делает и прочие мелочи по дому. Конюх так при конюшне и живет. Там флигель небольшой. У него с кухаркой отдельные комнаты. А близких соседей нет. Тут не принято по чужой земле ходить без разрешения хозяина. Так что они исключаются.

– А доктор? – вспомнил Денис.

– Юрий Владимирович? – рассмеялась Ольга. – Ну что ты! Он милейший человек! Весь какой-то чеховский.

– Какой? – не понял Денис.

– Ну, у писателя Чехова в его рассказах такие встречаются. Провинциальный, в пенсне, с зонтиком в любую погоду. И обращается так: «Ну-с, батенька, давайте посчитаем ваш пульс!»

Смех у нее был тихий, но такой волнующий! Денису хотелось слушать и слушать его.

– Так что ты не беспокойся насчет него. Тем более, он думает, что ты сын того полковника, Вершинина. Ладно, хватит об этом! Я тебе поесть принесла. И все прочее.

Под «прочим», надо полагать, подразумевался ночной горшок. Денис почувствовал, что краснеет. Хорошо, что в комнатке было темно, и девушка этого не увидела.

– И вот еще что! Я тут полдня просидела, составляя тебе словарь русско-испанский и к нему разговорник с самыми простыми фразами, чтобы словарный запас не лежал мертвым грузом. Сейчас темно, я свечку захватила, надеюсь, что разберешь мои каракули.

– А как же часовые? – заволновался Денис. – Они ведь могут свет увидеть!

– Не волнуйся, здесь очень хитрые зеркала. Изнутри всё видно, но свет наружу не проникает. Я тут иногда пряталась, когда играла. Ну и проверила.

– Интересно, зачем прежним хозяевам вашей финки такой тайник понадобился?

– Ни малейшего представления. Я даже не знаю, кто они были. Поместье покупал наш доверенный.

– Это еще кто такой?

– Ну, адвокат, который подобными сделками занимается. Принес на выбор несколько предложений с фотографиями. Мы могли бы еще подумать, но тогда всё так быстро закрутилось, что нам и времени не оставалось, чтобы выбирать и самим ехать смотреть. Нужно срочно было удирать из Франции.

– А почему так срочно?

Ольга вздохнула, потом нехотя сказала:

– Это долгая история. И тяжелая. Как-нибудь потом расскажу. Да ты ешь, ешь!

Она установила толстую свечу в какой-то хитрой вазочке, чиркнула спичкой. В каморке вдруг стало как-то уютно. Денис развернул узелок, в котором Ольга принесла еду. Кусок пирога с мясом, фрукты, кружка. Денис осторожно понюхал содержимое. Девушка рассмеялась.

– Да молоко это, обычное молоко! Вина я не взяла, мало ли как оно на тебя подействует. Здешние крестьяне его вместо воды употребляют. Берут с собой в поле бурдюк, с одного уголка завязанный веревочкой, и когда очень жарко, поднимают его на вытянутых руках над головой и пускают тонкой струйкой себе прямо в горло.

Денис недоверчиво посмотрел на нее.

– И зачем так изгаляться?

– Ну, вино пока летит в рот, немного охлаждается, так приятнее пить.

Пилот покрутил головой. Надо же, до чего додумались! Но потом вспомнил, что у них в деревнях в крынку с молоком иногда ужа запускают, чтобы холодным оставалось подольше, и промолчал.

Откусывая пирог, оказавшийся очень вкусным, и запивая его из кружки, он думал о том, сколько ему еще сидеть здесь, в этом застенке? Ольга словно прочла его мысли.

– Ты очень не расстраивайся. Доктор обещал, что скоро у тебя всё пройдет, и ты снова сможешь ходить и даже бегать!

– А летать?

- Ну... и летать, наверное, тоже.
- Мне бы только к своим выбраться! Ты не знаешь, что на фронтах делается?
- Девушка отрицательно покачала головой.
- По радио только франкистское вранье, как они отважно наступают, в газетах то же самое. А Мадрид здесь почему-то не ловится.
- Это плохо, – сказал Денис, приканчивая пирог и молоко. – Скорее бы на ноги встать! И – к своим! Меня, небось, уже погибшим считают.
- Ольга, подумав немного, сказала:
- Пролетало тут несколько самолетов, но я не успела разглядеть, что у них за знаки на крыльях.
- Это меня разыскивают, Точно тебе говорю!
- И сник.
- Что они разглядеть могли? Обломки сгоревшего самолета? Парашют мы ведь забрали. Кстати, спрячь его получше, а то фашисты могут найти!
- Не беспокойся! – рассмеялась Ольга. – Там, где я его положила, ни одна собака не найдет. Ладно, мне уже пора. А ты, пока не встаешь, учи испанский! Поверь мне, очень пригодится!
- Да я и сам знаю, – уныло ответил Денис. – Без языка очень трудно в чужой стране.
- А для меня Испания уже не чужая! Словно здесь и родилась, – вздернула носик девушка. – Всё, мне пора! Держись, авиатор, и не унывай!
- Зеркало-дверь закрылось за ней, а Денис откинулся на подушку и закрыл глаза. Спать ему не хотелось, просто решил полежать в тишине немного.
- Но свеча горела и призывала к новым подвигам в изучении испанского. Он взялся за тетрадь.

В перерывах между зубрежкой испанских слов и выражений пилот исправно выполнял «велосипед». То есть задирает ноги к потолку и крутил воображаемые педали. Он решил, что таким образом укрепит мышцы. Ольга, когда узнала о его упражнениях, серьезно кивнула и согласилась с предположениями. Она исправно носила ему еду, листки с новыми словами и выносила ночной горшок. Денису было неудобно от этого, но девушка была непреклонна: надо – значит, надо!

Так продолжалось еще три дня, а на четвертый летчик встал с постели и почувствовал, что ноги его держат довольно крепко. Он думал обрадовать Ольгу такой новостью, но та лишь пренебрежительно махнула рукой.

– Вот когда ходить сможешь, а не просто стоять, не падая, попытаемся тебя по улице прогулять. Ночью стражник почти всегда спит на кресле у входных дверей. А мы – через окно. Подходит?

– Поскорее бы уже, – попытался ныть Денис.

– Доктор сказал – как минимум неделю ты должен отлежаться! – серьезно сказала девушка. – Вот и не спеши!

– Но там же наши воюют, – вякнул пилот.

– Ничего, без твоей помощи пока обойдутся! – не сдалась Ольга. – Чтобы воевать, ты должен быть полностью здоровым!

С этим нельзя было не согласиться. И он «велосипедил» до изнеможения, придумал, как отжиматься от пола, приседал, каждый день увеличивая количество приседаний. Дело, кажется, потихоньку шло на поправку.

И с языком налаживалось. Кое-как, ломая язык, он уже мог вести короткие диалоги с Ольгой. Та

просто расцветала, когда ему удавалось связать несколько слов в понятную фразу. «Произношение! – твердила она. – Произношение лучшей! У тебя сейчас каша во рту!»

Ну, он старался, как мог. Она постоянно поправляла его.

– Хочу, чтобы ты говорил на настоящем кастельяно!

– А это что за зверь?

– Кастильское наречие испанского. Так говорят в Мадриде. Оно основное в языке. Существует много других. В Астурии или Андалузии одно и то же слово произносится по-разному. А в Каталонии, хотя и говорят по-испански, но основным языком каталанский. Он вообще на испанский не похож. Что-то из французского, что-то из португальского. Я и сама его плохо понимаю. Но каталонцы очень своим языком гордятся и зачастую делают вид, что испанского не понимают. Но если ты заговоришь с ними на каталанском – всё! Ты желанный гость и лучший друг!

– Так может мне этот язык учить, а не испанский? – поинтересовался Денис.

– Каталония всего лишь провинция. А во всей стране, кроме басков, говорят на испаньол.

– Какие еще баски? – поразился Денис.

– Тоже провинция – Баскония. На северо-западе Испании. Там тоже свой язык.

– Как вы тут живете? – поразился пилот. – Одна страна – и куча разных языков!

– Вот так и живем, – вздохнула Ольга. – Испанский язык объединяет. Мне порой кажется, что и война эта – от разницы в языках.

– Это ты брось! – возмутился Денис. – У вас тут с фашистами воюют, которые к власти рвутся. Вот у нас в Советском Союзе разных языков вообще тьма. Но ведь не воюем же! Потому что фашистов нет.

– Вы свое отвоевали, – отрезала девушка. Больше на эту тему разговаривать она не захотела. Собралась и быстро ушла. А Денис остался хлопать ушами. Конечно, помещики и цари – не фашисты. Но ведь те еще гады были, гнобили трудовой народ! Ладно, это он потом как-нибудь Ольге объяснит. А теперь нужно сначала физической подготовкой заняться, а потом языком.

Чтобы развивать плечевой сустав, он резко и широко разводил в стороны руки. Конечно, насколько позволяли стенки узкой каморки. В очередной раз, размахнувшись, он задел пальцами левой руки дощатую стену. Это случилось и раньше, но тут ему показалось, что доска, о которую он ушиб пальцы, как-то подозрительно шелохнулась. Прервав свои занятия, Денис при горящей свечке начал ощупывать подозрительную доску. Огонек свечи чуть-чуть колыхнулся, будто бы от сквозняка.

Он удвоил внимание и спустя какое-то время понял, что если надавить на эту доску посильнее, а потом сдвинуть ее в сторону, открывается узкий проход. Он потрогал соседние доски, они тоже сдвинулись и появилось отверстие, достаточное для того, чтобы человек его комплекции смог протиснуться.

Странно. Ольга ничего не говорила о каком-то еще тайнике, имеющемся в доме. А может и сама о нем не знала?

Денис поднес свечу ближе к проходу, но и без этого почувствовал слабый ветерок, дувший из черной неизвестности. Эх, сюда бы фонарик электрический. Такой, трофейный, немецкий, в котором кроме обычного желтого света можно было, сдвигая фильтры, получить красный или синий луч. А нажимая на кнопку включения, подавать световые сигналы. У кого-то из советских военных советников он такой видел.

Но за неимением фонаря придется воспользоваться всё той же свечкой. Та-ак, просунем в дырку плечо. Есть! А теперь посмотрим, что же там скрывается?

За дощатой стеной обнаружился проход, нет, скорее коридор, уходящий влево. Ну что, надо это дело обследовать. Авось что-нибудь интересное да найдется. Ольга сегодня уже не появится, но мы постараемся не шуметь, всё-таки фалангисты в доме присутствуют.

Хорошо, что ходить он мог уже вполне уверенно. Перелез через кровать, полностью протиснулся в дыру и, держа перед собой розетку с горящей свечой, отправился на исследование тайн, нет, не Мадридского двора, но местного особняка.

Тайный ход не оказался очень длинным, всего лишь до внешней стены здания. Там имелась дверь, бесшумно открывавшаяся при нажатии небольшого рычага в стене. Денис его и нажал, оказавшись на заднем дворе. Поскольку была ночь, и стражник преспокойно пускал во сне пузыри, развалившись у входной двери в специально притащенном туда кресле, никто появления советского пилота не обнаружил.

Но он и не стал далеко отходить от дома. Подышал ночным воздухом и вернулся, аккуратно прикрыв за собой тайную дверь. Как он понял, если специально не искать, то снаружи этот вход обнаружить было невозможно. Отлично, теперь у него есть возможность незаметно скрыться в случае опасности.

Но знают ли об этом тайнике хозяева финки, вот вопрос! Иначе Ольга предложила бы побег вот так, а не через окно.

Закрыв дверь, Денис осмотрел ее внимательнее и обнаружил, что на стене имеется лестница, ведущая куда-то вверх. Простая такая, металлическая, вроде пожарной. Недолго думая, он поставил свечу на пол и полез по ней, перебирая руками ступеньки. Радовало уже то, что проделывал он это без особого напряжения и последствия неудачного прыжка с парашютом не давали о себе знать.

Лестница, судя по всему, привела его на второй этаж здания. Тут имелась небольшая комнатка, и снова дверь в стене. Но было слишком темно, чтобы разглядеть ее в подробностях, и пришлось спускаться вниз, забирать с собой свечу и вновь карабкаться по стене. Вот теперь можно было осмотреться.

Дверь открывалась с помощью нажатия рычажка, как и первая. Но открывать ее Денис не спешил, помня, что теперь он может оказаться в каком-нибудь помещении. А вдруг там люди? Конец тайне!

Обнаружив в двери глазок, прикрытый задвижкой, он эту задвижку потихоньку отвел в сторону и посмотрел – куда же он попал?

Ну, так и есть! Кажется, дверь, как и нижняя, была совсем незаметна снаружи и вела она... в спальню Ольги! Девушка как раз забиралась под одеяло на своей широкой с каким-то навесом постели.

Вот был бы он хорош, вломившись среди ночи в девичий будуар! Ольга, конечно, была не из слабонервных, но и она бы наверняка завизжала от страха, увидев, как из стены появляется человек. Знакомый, естественно, но в полумраке разве это сразу разглядишь?

Ольга потушила свет, и Денису не стало видно ничего. Ну и ладно! Еще он девиц в постели не разглядывал! Лучше посмотрим, что еще в этой тайной комнатке имеется.

А кое-что имелось. Например, два стальных ящика, закрытых на всякие замки. Один побольше, продолговатый и второй меньшего размера, квадратный. Интересно, что в них хранится? Жаль, ключей не имеется.

Денис не был большим специалистом по взлому сейфов или открыванию замков. Но кое-какой слесарный опыт всё же имелся. Осмотрев замки, он быстро понял, что открыть их, имея кусочек нетолстой проволоки не составило бы особого труда. Но вот как раз проволоки у него и не было.

Он внимательно осмотрел стены и потолок каморки, втайне надеясь, что где-то на гвоздике висит связка ключей, которые подойдут к замкам, но кроме старой табуретки ничего не обнаружил.

Надо было возвращаться в свою каморку за зеркалом. Потом он это всё обдумает, на досуге.

Доски встали на свои места как тут и были. Даже самый придирчивый взгляд не смог бы отличить

сдвижные от прочих. Вот и отлично! Теперь вопрос: как разузнать у Ольги, знает ли она о секрете своего дома? Нельзя же ведь так просто спросить: «А что это у вас здесь за стенкой прячется?» Может быть, хозяева знают о тайнике, но не хотят о нем рассказывать? Ведь кто такой для них Денис? Какой-то сбитый летчик, хоть и соотечественник, но – советский. То есть тот, от родителей которых они в свое время бежали из России так, что только пятки сверкали. Ну, не враг в полном смысле этого слова, а, будем честными, чужой. Человек, которого они приютили и спрятали от фашистов только из врожденной добропорядочности. И нечего ему здесь вынюхивать, узнавать секреты и тайны этой семьи. Живут себе люди – и пускай живут в меру сил и мировоззрений. Достаточно уже того, что не лезут в кровавую бойню, развернувшуюся в стране, не становятся ни на одну сторону.

Так что не будем, наверное, ничего у Ольги выспрашивать, сделаем вид, что ничего не происходит. Есть тайник, вот и пусть себе существует. Нам он пока ни к чему. Ходом можно будет воспользоваться только в крайнем случае, когда бежать станет некуда. На том и порешим.

А всё же интересно, что в тех металлических ящиках? Прямо руки чешутся повозиться с замками и заглянуть под стальные крышки. Ладно, хватит, потом как-нибудь. Может быть.

И Денис снова, завалившись на постель, открыл тетрадку, принесенную Ольгой. Сегодня надо выучить десять слов!

Он действительно ничего не сказал о тайнике девушке, уже привычно появившейся у него ночью. Проворчал только:

– Когда ты высыпаешься? Я хоть днем могу покемарить.

На что она только отмахнулась.

– Я молодая, мне много спать вредно! Давай, показывай, что сегодня выучил!

Дни шли, и Денис всё чаще стал заговаривать о том, что, мол, хватит ему бока пролеживать, к своим надо, летать! Ребята бьются, не жалея сил, а он здоровый лайдак, валяется тут, спит и ест от пуза. Не затем он приехал в далекую Испанию, не на курорт рвался!

Ольга, как могла, успокаивала его, просила подождать, поправиться окончательно.

– Подумай сам, – говорила она. – Тебе в твоём состоянии никто летать не позволит! Будешь сидеть на земле и ждать своих товарищей!

– Летать не позволят – в окопы пойду! – хорохорился парень. – Уж винтовка для меня всегда найдётся! Знаешь, как я стреляю? Меня даже значком наградили «Ворошиловский стрелок»!

Пару раз они действительно выбирались ночью через окно и гуляли по окрестностям. Пилот уже достаточно окреп и слабости не чувствовал, даже карабкаясь на холмы. Но этого Денису было мало. Прогулки с девицей при луне! Хе! Курам на смех! Он хотел летать! И сбивать в бою фашистов!

Однажды ночью этот бесконечный спор продолжился. Каким-то словом он нечаянно обидел Ольгу. Она замолчала, опустила голову. Денису показалось, что она плачет, и ему стало стыдно. В самом деле, чего он, дурак на нее накинулся? Ведь по сути Ольга была права. Ежедневными упражнениями он почти восстановил свою физическую норму. Но – почти.

Внезапно ладонь девушки закрыла его рот. Он дернулся и случайно взглянул в зеркало. Твою дивизию! Стражник, который ночью почти всегда спал, сейчас стоял в дверях залы и поводил стволом винтовки, тревожно вглядываясь в темноту.

Увидеть их он, конечно, не мог. А вот услышать... Тот, кто устраивал этот тайник, наверняка хотел, оставаясь незаметным, не только видеть, что происходило в его отсутствие, но и слышать! Они ведь так расшумелись, споря во весь голос, что и стражника разбудили!

Денис мгновенно накрыл ладонью пламя свечи. На всякий случай. В каморке стало темно. Но в призрачном свете, проникавшем сквозь зеркало, пилот видел, как побледнело лицо девушки.

А фалангист всё не уходил, чутко прислушиваясь. Казалось, что даже уши у него шевелятся от напряжения.

Так продолжалось несколько минут, но для Дениса они были равны вечности. Он поднял с постели пистолет. Ольга погрозила ему пальцем: «Нельзя!» Конечно, не хватало еще пальбу в доме устроить!

Наконец стражник в последний раз обвел стволом комнату и закрыл за собой дверь. Ольга с облегчением выдохнула. Денис сам с удивлением обнаружил, что не дышал всё это время.

– Ой, что теперь будет! – шепотом сказала девушка.

– Да ничего страшного! – храбро ответил Денис. – Ну почудилось этой собаке что-то со сна, вот и подскочил. Ты молодец, вовремя его заметила!

– Ох, не знаю, – с сомнением протянула Ольга. – Он мог сначала под дверями подслушивать, а потом

уже зайти. Мы тоже хороши – разорались, словно на митинге!

– Это я виноват, – смущенно признал Денис. – Со всем тут у вас расслабился, бдительность потерял. Всё потому, что не летаю! В воздухе у пилота голова на все 360 градусов крутиться должна. Чтобы противник в хвост не зашел.

– И поэтому тебя сбили, – не без яда в голосе прокомментировала девушка.

– Он из-за облака вывалился. А я как раз в тот день без ведущего оказался, – стал оправдываться летчик.

– Почему?

– Потерял я его, – сознался Денис после недолгого молчания. – Мне потом наверняка бы шею намылили за такое.

– Но получилось еще хуже, – констатировала Ольга. – Тебя вообще сбили.

– Ну, вот так вышло, – совсем смутился пилот.

– Так, пока этот не вернулся, нужно мне в свою комнату пробираться, – решительно сказала девушка.

– Осторожней, пожалуйста, – попросил Денис. – А может, еще посидишь? Пока он не заснул окончательно.

– Он, наверное, сейчас дом наш кругом обходит. Вот пока сторожит, я и проберусь. Всё, пока.

Она сдвинула зеркало и выскользнула наружу. Денис прикрыл за ней вход и проследил, как она, неслышно ступая босыми ногами, перебежала залу и скрылась за дверью.

Конечно, он знал другой путь, но почему-то не стал рассказывать о нем Ольге. Выходило так, что не знает хозяйка виллы о тайнике. А хозяин? Он

вроде бы не должен иметь секретов от родной дочери. Но кто их, дворян, знает?

Спать не хотелось. Он подумал немного и решил, что пришло время ознакомиться с содержимым стальных ящичков на втором этаже. Около свечи как раз лежала металлическая шпилька, которую Ольга случайно обронила, а он незаметно подобрал.

Еще раз бросил взгляд сквозь зеркало. Вроде бы всё спокойно. Ну, вперед!

Свеча давала минимум света. Но ему должно было хватить. Денис еще раз внимательно осмотрел замки. Кажется, ничего сложного, обыкновенные висячие. Теперь займемся шпилькой.

Еле слышно щелкнул замок первого, квадратного ящичка. Ничего, Ольга не должна услышать, стена здесь толстая. Да и спит она уже. Перед тем, как заняться замками, он заглянул в глазок. Света в спальне не было, сквозь шторы пробивались только тонкие лучики, отбрасываемые Луной. На постели холмик одеяла. Спит. Вот и славно.

Денис приподнял крышку ящичка. Петли, на которых она держалась, оказались хорошо смазаны и даже не скрипнули. Какая-то мешковина. А что под ней? Бумажные рулончики занимают все внутреннее пространство. Бумага плотная, но рвать не стоит, можно просто и аккуратно развернуть колбаску.

Некоторое время Денис просто сидел на полу и хлопал глазами. Даже дышать, кажется, перестал.

В развернутом им рулончике оказалась плотная стопка металлических дисков. При ближайшем рассмотрении – золотые монеты! Ровным счетом десять штук. Надо полагать, в остальных тоже самое

содержимое. И рулончиков с монетами было много. Очень много. Ничего себе – клад!

Золотые испанские реалы ему приходилось однажды видеть. Кто-то из испанских летчиков показывал ему пару штук. Так вот это были именно они! Выходит, что местные графья обладали целым состоянием! Ну, они ведь и так не бедные. И вилла есть, и земли, и виноградники. В придачу ко всему еще и золото! Ну не может местный граф не знать о таком сокровище! А значит, это его, и нечего Денису нос совать в чужие тайны! Какое отношение он имеет к этому золоту? Да никакого! Поэтому следует тщательно закрыть ящик и больше туда носа не совать. Если хозяева узнают, что кто-то копался в их сокровищах, этому кому-то очень не поздоровится! Человеческая жадность пределов не знает. Или сами убьют, или безжалостно сдадут фалангистам, что равносильно тому же убийству. Правильно Денис сделал, что не рассказал Ольге о тайном ходе. Она, конечно, девушка очень хорошая, но вот ее папенька...

Черт с ним, с этим золотом! Хотя республики оно очень бы пригодилось. Сколько оружия на него можно купить!

Так, всё, закатываем рулончик, кладем его на место, закрываем крышку и замок.

Теперь посмотрим, что прячут в другом ящике. Тоже золото? Или бумажные купюры?

Оказалось – не то и не другое. Оружие! Аккуратно смазанные и упакованные в промасленную бумагу винтовки, пистолеты «маузер» и патроны. Видимо, к этому арсеналу. Надо же! На целый взвод хватит!

Здесь Денис даже не раздумывал. Всё упаковал обратно и закрыл на замок. Вот ничего себе сокровищница!

Вернулся назад в свою каморку за зеркалом, лег и стал думать.

Куда он попал? Вроде бы обычная финка, поместье. Но с двойным дном. Его подобрали, спрятали от врагов, кормят, лечат, учат языку. В ближайшее время помогут пробраться к своим.

И всё скрывается здесь какая-то тайна. Кто устроил потайной ход? Кто спрятал там оружие и золото? Сам граф или бывшие хозяева поместья?

Вот это – вряд ли. Денис уже обратил внимание, что ни в ходе, ни на ящиках практически не было пыли. Значит, всё это сооружено недавно.

Тут что-то не складывалось. Если тайник устраивался по приказу Рязанцева (ну, не сам же он всё это сооружал?), то почему Дениса спрятали за зеркалом, зная, что тот может обнаружить проход в сокровищницу? Не могли ведь они считать военлета таким уж тупицей, не способным сдвинуть пару досок?

Он вспомнил, как нашел вход. Случайно ведь, только руками размахивал. Всё равно не сходится. По логике вещей, каждый узник первым делом обыскивает место, куда он попал в надежде (тщетной, надо сказать) найти какую-нибудь лазейку и убежать. У Дениса такой шанс есть. Тот же граф Монте-Кристо (попалась как-то книжка о нем, прочел с увлечением) рыл подземный ход. Таким способом убежать ему не удалось, но в конце концов, на свободу он вышел. Вернее, выплыл.

В полной мере узником себя Денис не считал, как и люди, приютившие его. Но ведь наверняка могли предположить, что тайник свой он обследует.

Да, не сходится. Ну и черт с ним, отложим эти бесполезные раздумья на потом. А пока займемся испанским, пока свеча не догорела.

Охранник, похоже, не успокоился и в течение ночи Денис пару раз видел за стеклом узкую полоску света, появлявшуюся, когда фалангист открывал дверь и прислушивался к темноте, царившей в зале. В такие моменты военлет старался даже не дышать. К утру свеча почти догорела, а голова пилота была забита новыми словами и фразами языка, который он постепенно начинал понимать.

День прошел в относительном спокойствии. Правда, заявили фалангисты и вновь учинили обыск всего дома. Видимо, охранник доложил о подозрительном ночном шуме. Но, как и в прошлый раз, фашистам ничего найти не удалось. О том, что существует тайная комната за зеркалом, они, в основном деревенские парни, догадаться не могли. Чуткого фалангиста похвалили за бдительность, отругали за пустые хлопоты. С тем и удалились, оставив теперь на посту двух стражей. Один по-прежнему караулил входную дверь, а второй прогуливался вокруг дома и иногда осматривал некоторые комнаты на первом этаже.

Это создало некоторые трудности. Во-первых, Денису хотелось есть так, что в животе началось некоторое бурчание. А во-вторых, пора было выносить ночной горшок. Он и сам мог бы это сделать, улучив момент, когда стражника не было на той

стороне дома, куда выходил тайный вход. Но сделав это, он невольно показал бы Ольге, что знает о секрете виллы. Этого делать ему совсем не хотелось и приходилось терпеть запах, распространяемый ночной вазой. «Ничего, – утешал он себя. – Бывали ситуации и похуже. В землянках на фронте и не такой дух стоит». Но смущало то, что «аромат» почует и Ольга, когда наконец придет навестить его.

Девушка появилась где-то после обеда. Нырнув за зеркало, она сморщила носик, но ничего не сказала по этому поводу.

– Сейчас оба фалангиста на кухне. Их кухарка наша кормит. Давай горшок, я быстро!

И действительно, обернулась за одну минуту.

– Вот теперь и поговорить можно. Папенька им там вина выставил несколько бутылок, так что время есть.

Денис скривился.

– Вино – фашистам?

– А что ты хочешь? – возмутилась Ольга. – Надо же как-то их отвлекать, пока я у тебя! Держи, я и тебе поесть принесла. Только без вина. Доктор запретил тебе спиртное на время.

– Обойдусь, – сказал Денис, разворачивая салфетку, в которую были упакованы и завтрак, и обед и, надо полагать, ужин. Имелась даже чашка холодного томатного супа.

– Это гаспачо, – сообщила Ольга. – Его так и едят холодным, не крути носом. Особенно вкусно в жару. А у тебя здесь явно не холодно. Так что ешь, а я тебе пока новости расскажу.

Она убрала огарок и поставила новую свечу, рядом положила еще несколько и спички. Пояснила:

– Это на случай, если я ночью прийти не смогу. Чертовы фалангисты так и шныряют! Ты ведь уже видел: теперь второго оставили. Объедают нас, паразиты! Один спать будет, а второй службу нести. Потом поменяются. Ну, ничего, мы их как-нибудь обдурим!

Денис оторвался от тарелки:

– Что на фронтах делается?

– Ничего не могу сказать. Радио врет, как обычно. Газета одна только приходит, но и там вранье. Только не начинай, пожалуйста, опять ныть: к своим хочу! Еще пару дней и будем собираться!

– Я и не ною! Да ведь действительно, хватит отлеживаться! Я в полном порядке!

– Доктору виднее. Жалко, что сюда его нельзя пригласить. Но я что-нибудь придумаю!

– Уж придумай, будь так добра, – проворчал Денис, принимаясь за короткие колбаски, нашпигованные чесноком. Вкусно было необычайно.

– Хорошая у вас кухарка, – похвалил он.

– Хорошая, – согласилась Ольга. – Но Франко поддерживает! То и дело твердит: «Когда уже настоящая власть придет?»

– Смотри, как бы она вас не отравила! – попытался пошутить Денис.

– Это вряд ли, – улыбнулась девушка. – Она первая свои блюда пробует. Так, всё доел? Давай посуду, и я побежала, пока эти вино не допили! Ночью всё-таки постараюсь прийти. Надо же проверить уроки! Ты хоть учишься здесь? Не лодырничаешь?

– Как можно! Я теперь знаю, что язык очень может пригодиться!

– Вот! – кивнула Ольга и скрылась за зеркалом.

Денис проводил ее взглядом. Красавица ведь! А связалась с таким оборотом, как он. Ну, соотечественник, это понятно. Но ведь тут не только это, он чувствовал. Да и сам того-этого...

Тут он смутился, и чтобы в голову не лезли дурацкие мысли, раскрыл тетрадку с новыми заданиями.

Двое новых фалангистов были помоложе предыдущего. В форме, подтянуты, так и стреляют глазами по сторонам. Как бы не заподозрили чего. Уложить-то он их уложит, недаром чемпионом полка по боксу был. Но очень не хочется подставлять хозяев. А если и стрельба начнется... Надо быть очень осторожным.

Остаток дня он зубрил испанский, отжимался от пола, «крутил велосипед». Что еще делать в его положении, как не готовиться к будущим трудностям? В полку его, наверное, уже и забыли. Помянули, как водится и – опять полеты, схватки с врагами. Жизнь не стоит на месте.

Зато какой будет сюрприз, когда он заявится в расположение! Шею за потерянную машину, конечно, намылят. Ну что же, виноват, не отрицает. Но готов в небо хоть сейчас! И докажет всем, что летать и сбивать не разучился за время своего вынужденного отсутствия. Всё образуется. Лишь бы до своих добраться!

В тайный ход он больше не ходил. Нечего там делать. Еще наткнешься на настоящего хозяина. Оружие-то ладно, а за золото и убить могут. Помнится, там его многовато было. Кто их знает, этих испанцев. Впрочем, во всей человеческой истории за золото люди друг дружку только так шлепали. Вот и сделаем вид, что ничего не знаем и ничего не видели.

Но мысли его всё время возвращались к ящикам на втором этаже. Насколько он помнил, в ходу здесь, в основном, бумажные деньги и мелкие разменные монеты. Но монеты были уж точно не золотыми.

А реалы, которые показывал летчик, выпускались аж в прошлом веке! И достались ему в наследство от бабушки. Так что это по всем признакам всамделишный клад! Кто-то откопал и спрятал сюда. Но если клад пролежал в земле много лет, бумага, в которую были завернуты золотые кругляши, должна была обветшать, да и сами монеты – потускнеть. А тут – новенькое всё, словно из-под пресса. Или как там их штампуют. Загадка.

«Да плюнь ты на них!» – скомандовал он сам себе. Не твое – и ладно! Живи, как жил. Не пристало комсомольцу, едва увидев сокровища, только о них и думать! Нечего делать – поотжимайся еще, чтобы до пота, до дрожи в руках! Ты нужен сейчас здоровый и сильный! Неизвестно еще, как будешь до своих добираться. Может, и не на роскошном авто Ольги, а пешочком, пешочком. Ночуя в лесах и питаясь, чем придется. А как ты хотел, братец? Война ведь кругом, враги в нескольких шагах.

Вот винтовку с патронами было бы неплохо прихватить. И «маузер», «ТТ», конечно, знатный пистолет. Но патронов к нему – всего две обоймы! А к «маузеру» много можно взять. Вот попадет он в засаду, расстреляет все патроны из «ТТ», как дальше отбиваться будет? Только кулаками? Или дубину подходящую выломает?

А с винтовкой, да двумя пистолетами, своим и трофейным, много дел натворить можно! Через любую засаду прорваться!

«Ишь, развоевался! – одернул он себя. – Ты сначала из поместья этого выберись. Так, чтобы незаметно было. И через линию фронта пройди. С боем ведь не прорвешься».

Ну, из поместья его, наверное, Ольга вывезет. Но на дорогах патрули, так что далеко не уедешь. Жалко с ней, конечно, будет расставаться. А придется. Не тащить же девушку на войну.

Она и сама не захочет. Симпатии симпатиями, но тут у ней дом, отец, привычная жизнь. Зачем менять?

Денис загрустил. Но, впрочем, ненадолго. Вновь взялся за тетрадку, повторяя слова, выведенные аккуратным почерком. Как он заметил, Ольга не старалась делать упор на военную тематику. В основном, это были житейские, бытовые слова и выражения. Ну, правильно. Военных фраз он и на фронте нахватается. А так, чтобы просто побеседовать о жизни – без тетрадок не обойтись.

Ночью девушка всё же пришла. Денис как раз задремал и не слышал, как она появилась.

Ольга улыбалась.

– Представляешь, эти два урода, отведав папенькиного вина еще и за ужином, теперь второе кресло притащили в прихожую и благополучно спят, делая вид, что службу несут. Вот приедет их начальник, да застанет – ох и нагорит им!

– Пусть спят, лопухи. Ты обещала меня на прогулку сводить, помнишь?

– Что, прямо сейчас?

– А чего время тянуть? Соскучился я по свежему воздуху. Заодно и проверишь мое состояние, как я ходить могу.

Ольга колебалась недолго.

– Пошли! Только тихо-тихо, на цыпочках.

Пистолет Денис с собой прихватил. И патрон в патронник загнал. Мало ли что...

Они выбрались из каморки, прикрыли за собой зеркало. Здесь было темновато. Девушка поманила его пальцем, и он последовал за ней к двери в дальнем конце зала.

Какое-то подсобное помещение: швабры, ведра. В общем, разный хлам. Имелось и окно. Узкое, из наборного стекла, изображавшего какую-то картинку. Денис вспомнил название: витраж! Раньше он подобного не видел. Сквозь окно на пол падал лунный свет.

Ольга повозилась у окна, раскрыла его и махнула рукой, дескать айда! Оба они были в тапочках, но как-то забыли об этом и спохватились только в последний момент.

– Разувайся! – шепнула Ольга.

Перелезли через подоконник. Вокруг дома вела посыпанная песком дорожка, на которой выделялась цепочка отпечатков крупных башмаков. «Фалангист ходил» – догадался Денис.

Трава за дорожкой была холодной и немного влажной. Приятно, черт побери! Он вдохнул ночной воздух полной грудью, осторожно выдохнул. Как же надоела эта тесная каморка в зазеркалье, как уже хочется на свободу! И в небо!

А небо было огромным, бескрайним, усыпанным звездами. И луна сияла так, словно ее только что вымыли и протерли чистой тряпочкой. В ее свете можно было различить каждую травинку.

Девушка молча стояла рядом. Она словно понимала состояние пилота.

Так продолжалось долго, и Денис почувствовал, что ночная прохлада стала забираться ему под одежду. А каково Ольге было в ее халате?

– Всё, пошли назад, – прошептал он. – А то замерзнем тут окончательно!

В доме было, действительно, теплее. Девушка выглянула за дверь. Вроде бы всё спокойно. Обувшись, чтобы не оставлять мокрых следов на паркете, они двинулись к зеркалу. Денис шел первым и уже проскользнул в открывшуюся щель, когда напряженный слух уловил тихий скрип двери. Ольга мгновенно закрыла тайник и повернулась лицом к входящему в зал фалангисту.

Денису всё отлично было видно и слышно. Фашист что-то сказал, и девушка ответила ему резко и с вызовом. Пилот вдруг понял, что кое-как, но понимает ее слова!

– Не спится! – сказала Ольга. – Я в своем доме и могу свободно по нему ходить! Или не так?

– Конечно, сеньорита! – ответил ей фалангист, немного ошеломленный ее тоном.

– Вы, кажется, охраняете дом? – напористо продолжала девушка. – Вот и занимайтесь своим делом!

Растерянный стражник скрылся за дверью, а Ольга, помахав перед зеркалом рукой, прощаясь, отправилась к себе в спальню. Так и не проверив «домашнее задание» у Дениса.

Чуть позже дверь в прихожую вновь приоткрылась, фалангист окинул подозрительным взглядом зал, никого не обнаружил и успокоился. Наверняка теперь пожалуется своему напарнику на грубость местной сеньориты. Ну и фиг с ним! Тоже еще, ох-

ранники! Нет, здесь что-то нечисто. С чего бы им пост тут устраивать? Что, на фронте людей вдоволь? Конечно, тут место потеплее, и случайная пуля не грозит. Да и вино к обеду.

Он на ощупь нашел спички на столе, зажег свечу. Спать не хочется. Сначала разминка, а потом за испанский возьмемся. Денис порадовался своим успехам. Вот, уже понимает, о чем Ольга с фалангистом разговаривала!

Еще два дня прошли спокойно. А на третью ночь Ольга пришла сама не своя. Денис встревожился:

– Что случилось?

Она молча протянула ему номер газеты. Ну, газета, как газета. На русском языке. Денис развернул двойной лист серой бумаги. Какие-то статьи, фотографии весело улыбающихся людей.

– Ну и что? – Он поднял на девушку непонимающий взгляд. – Какой-то эмигрантский листок. Нам про такое рассказывали.

– Во Франции выходит. Ты на первой странице погляди!

Денис послушно взглянул. Так, какие-то графья, какие-то суаре (это что за зверь?). А в самом низу небольшая заметка. Заголовок «Красные бегут!» Да с восклицательным знаком! И что написано?

«Как сообщает наш корреспондент из Испании, один из красных авиаторов, сын полковника от кавалерии Игоря Викторовича Вершинина, Денис Игоревич, служивший в Красной армии, совершил на своем самолете посадку в восточной части Испании и заявил, что больше не хочет быть подданным Совдепии, а переходит на сторону франкистских войск. Сейчас он отдыхает в одном из поместий соотечественников,

любезно предоставивших ему приют. Но как только здоровье позволит, подаст прошение о предоставлении ему испанского гражданства и будет воевать против своих бывших «товарищей» за установление порядка в этой благословенной стране.

Несколько секунд Денис сидел словно оглоушенный чем-то тяжелым. В голове стоял бессмысленный шум. До сознания никак не могло прийти то, что он только что прочел.

Потом поднял взгляд на Ольгу.

– Что это значит? Откуда эта брехня?

Та сокрушенно пожала плечами.

– Единственный, кто кроме меня и папеньки знал о тебе – Юрий Владимирович.

– Какой еще Юрий Владимирович?! – взревел Денис.

– Я же говорила – тот доктор, что тебя осматривал.

– И где эта сука сейчас?

Пилот достал пистолет и лихорадочно проверил его. Выщелкнул обойму, осмотрел патроны.

– Машина у тебя на ходу?

– На ходу. Что ты собираешься делать?

Денис злобно усмехнулся.

– Поеду к этому доктору и пристрелю, как собаку!

– Но может, это не он написал?

Денис оскалился.

– Ты сама только что сказала, что кроме вас троих обо мне никто не знал! Ни ты, ни твой отец такой пасквиль написать не могли! Ведь верно?

Девушка, глядя на него испуганными глазами, кивнула.

– Тогда остается только этот костоправ!

Ольга задумалась.

– Ты представляешь, какой переполох поднимется? Известный доктор, уважаемый человек убит у себя дома! Тут все власти, что называется, на уши встанут!

– Уважаемый? – Денис снова оскалился. – Будет ему уважение! Принеси какую-нибудь одежду! Не в халате же мне ехать!

Ольга молча скрылась за зеркалом. Вернулась она скоро. И не одна. Вместе с ней пришел сам граф. Раньше он никогда не бывал в этом тайном закутке.

Александр Петрович был не на шутку взволнован.

– Молодой человек! Я понимаю, что вы до глубины души возмущены этой заметкой! Но кто же знал, что Юрий Владимирович окажется столь непорядочным человеком?

– Непорядочным? Да он просто скотина!

Денис просто кипел от бешенства.

– Меня, комсомольца, красного летчика так оклеветать!

– Ну, предположим, доля правды в этой заметке есть.

Он двумя пальцами отвел в сторону ствол «ТТ», и только тут Денис понял, что пистолет направлен графу прямо в живот.

– Какая, к черту, доля правды? Вы что, с ума сошли?

– Прежде всего, успокойтесь, – сказал Рязанцев мягко. – И давайте подумаем вместе.

– О чем тут думать! – опять едва не взорвался Денис. – Какая правда? Вы что, верите этой писанине?

Он потряс газеткой перед носом графа, но тот даже не отодвинулся.

– Вот послушайте, – мягким тоном начал он. – Да, вы разбились именно на восточном побережье страны. Это – раз. Да, мы дали вам приют и прятали от фалангистов. Это – два. По всей видимости, вы действительно являетесь сыном царского полковника и только благодаря неизвестным нам добрым людям в этом, как его, сиротском доме...

– У нас это называют детским домом! – хмуро поправил Денис.

– Неважно, – отмахнулся граф. – Благодаря им, ваша тайна была сохранена, и вы продолжили нормальную жизнь. А представьте, что бы случилось, узнай власти о вашем происхождении?

– У нас сын за отца не ответчик! – буркнул Денис.

– Еще как ответчик! – загорячился Александр Петрович. – Вы думаете, что если мы живем вдали от родной земли, то совсем уже не представляем, что там происходит? Ошибаетесь! Ни в какое летнее училище вы бы точно не попали! И уж тем более, никто бы и не подумал послать вас в Испанию! Максимум, на что вы могли бы рассчитывать – это должность дворника или лесоруба в тайге.

– У нас любая работа почетна! – вновь буркнул Денис.

– Но неба в таком случае вы не видели бы как собственных ушей!

Похоже было, что граф начинает горячиться.

– Итак это – тоже частица правды, – загнул Рязанцев третий палец.

– А всё остальное? Вся эта брехня насчет моего дезертирства? – не сдавался Денис.

– Ну, – развел руками хозяин финки, – это уже действительно на совести нашего доктора. Привив-

делось старику что-то, выдал желаемое за действительное!

– Но мне что теперь делать? – взвыл Денис.

– Вы будете удивлены, но ничего! – улыбнулся граф.

– Как это – ничего? – поразился пилот. – Да у нас за такое морду бьют! А в военное время вообще расстреливают!

– Что вы, батенька! Окститесь! Вы, молодой, уже практически здоровый – будете бить по лицу старика? Или, не дай Бог, даже застрелите его? Нет, не спорю, наказать его как-то нужно. Подумаем, что-нибудь изобретем. Понимаете, – перешел он уже на совсем доверительный тон, – здесь, в провинции, несмотря на войну, всё равно нравы мирные, спокойные. Никто ни в кого не стреляет.

– А фашисты?

– Разве это люди? – пренебрежительно отмахнулся Рязанцев. – Так, быдло, дорвавшееся до власти. Я понимаю, в России нравы несколько другие, тем более после мировой и гражданской войн. Но ведь тоже всё сейчас успокоилось. Ну, почти успокоилось.

Денису отчего-то вспомнились рассказы полупешепотом о том, что вот, ночью приехали, кого-то забрали и больше о них никто не слышал. И не единственный такой случай. Но ведь брали-то врагов! Вредителей! Шпионов! Не так уж всё и спокойно сейчас в Советском Союзе...

Он уже почти пришел в себя. Пальцы, до этого судорожно сжимавшие рукоятку пистолета, расслабились.

– Так что продолжайте лечиться и ни о чем плохом не думайте, – увещевал граф. – А с доктором мы сами разберемся.

Ольга на протяжении этого разговора молчала. Ну, понятно, авторитет папеньки непререкаем. Как он сказал, так и будет.

Они ушли, пожелав ему спокойной ночи. И газетенку эту паскудную с собой унесли. Чтобы его не раздражала, наверное.

Что интересно, ни один из фалангистов за это время в залу не заглянул, хотя разговаривали они довольно громко.

Заснуть этой ночью он так и не смог. Ну, что он сын какого-то там полковника (царского!) – наплевать и забыть! Всё это еще бабушка надвое сказала. Мало ли бывает совпадений! Вершинных не то чтобы половина Советского Союза, как, к примеру, Ивановых, или Смирновых, но хватает с избытком. Тут граф с докторишкой этим явно лопухнулись.

Но ведь газетка эта, паскудный листок, обязательно попадет в руки КОМУ НАДО! И вот это уже погано. ТАМ могут напридумывать чего угодно. Тем более, что он с вылета действительно не вернулся и знать о себе не дает.

А как тут подашь? Письмо написать: дескать, жив, здоров, только сбили немножко, но как только вернется, готов будет продолжать борьбу за дело Ленина-Сталина и сбивать фашистских гадов с удвоенными силами!

Написать-то можно. Но вот как переслать? Надо завтра Ольгу озаботить этим. Не может быть, чтобы не было у нее связей каких-нибудь, оказии.

Вот еще Ольга со своим папенькой... Получается, что пряча здесь его, Дениса, они сами очень сильно подставляются? А если фалангисты устроят действительно серьезный обыск дома? Со всем тщанием? Обязательно ведь найдут прячущегося русского пилота! И тогда не только ему не повезет, но и хозяевам финки не поздоровится! Могут и расстрелять. Сейчас, во время войны, это запросто делается. Выведут, поставят к стенке и – огонь! А хозяйство к государству отойдет в возмещение морального ущерба.

Надо об этом тоже с Ольгой и Александром Петровичем серьезно поговорить.

Вывод один – как можно быстрее отсюда бежать и пробираться к своим. Ничего, разберутся, какой он там полковничий сын.

Главное, за всю его не такую уж длинную жизнь ни разу никто не упоминал о его родителях! Тогда в детском доме много таких было, что не знали ни отца, ни мать. Дети – и все! Хотя... один воспитатель, математик, злобный и оттого сухой, как палка (у него и прозвище было – Сучок), в очередной раз разозлившись на какую-то шкodu Дениса, обозвал его «графенышем», за что и получил короткий и резкий тычок в бок от преподавателя физкультуры Сан Саныча. Этому дети любили и даже обидной клички не дали. Сучок заткнулся и больше обидного слова не повторял, хотя, кажется, Дениса невзлюбил еще больше.

Со временем это происшествие забылось, а вот сейчас почему-то всплыло в памяти. Видимо, было что-то, какое-то темное пятно в прошлом у пацана.

Ну, ладно, потом будем с этим разбираться. Сейчас же нужно думать, как пробраться к своим. Ольга намекала, что у нее есть какой-то хитрый план, но подробностей не выдавала, только заставляла Дениса усерднее налегать на испанский.

Так и быть, месть этому языкатому, как его... Картузову! – отложим на потом. Хотя очень хочется по-простому, рабоче-крестьянскому дать в рыло! Чтобы не сочинял впредь басен. Александр Петрович обещал с ним разобраться. Но что может какой-то граф, да еще иностранец? На дуэль вызовет? Смешно!

И задерживаться у гостеприимных хозяев тоже не следует. Газетенка могла попасться на глаза какому-нибудь местному начальнику. Совсем не хочется, чтобы Рязанцевы пострадали.

Пойти, посмотреть, чем там Ольга занимается? Ну, во-первых, неудобно подглядывать за девушкой. А во-вторых, спит она, скорее всего. Нечего без дела по тайникам лазить. Тем более, что он так и не выяснил, кому этот тайник принадлежит. Копаться в чужих тайнах Денису не хотелось.

ЛЕГЕНДЫ СТАВРОПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ

КИСЛОВОДСКАЯ ОСЕНЬ СЕКЛЮЦКОГО

В Мемориальном музее-усадьбе художника Н.А. Ярошенко в Кисловодске ежегодно отмечают несколько дат: 11 марта – день открытия музея, 24 июля – день рождения основателя и первого директора музея Н.А. Ярошенко в Кисловодске, заслуженного работника культуры РСФСР В.В. Секлюцкого (1907–1990), 1(13) декабря – день рождения русского живописца Н.А. Ярошенко (1846–1898). А еще отмечают год покупки первого дома и год переезда Н.А. Ярошенко из Петербурга на постоянное жительство в Кисловодскую слободу, в которой в те времена насчитывалось лишь семь улиц, время создания отдельных самых известных его полотен. Словом, в календаре всегда найдется повод отметить то или иное событие из жизни и деятельности великого художника русской реалистической школы.

**НИКОЛАЙ
БЛОХИН**

Краеведение

Два года назад музей отмечал годовщины создания некоторых картин Н.А. Ярошенко: «Кочегару» и «Заключенному» исполнилось 140 лет, «Курсистке» – 135, «Всюду жизнь» – 130 лет. В 2020 году исполнилось 145 лет со дня первого представления картины «Невский проспект ночью» на IV-й передвижной товарищеской выставке в 1875 году, после которой Н.А. Ярошенко единогласно приняли в Товарищество передвижников. В 2021 году исполнится 140 лет со дня создания картины «Студент».

...Дверь мне открыл сам Секлюцкий. Несмотря на возраст и седину, хозяин квартиры оказался высоким, красивым и подвижным человеком. Ответив на приветствие, он пригласил меня войти. Все стены квартиры, начиная с прихожей, от пола до потолка, увешаны картинами. Произведения художников Астрахани, Волгограда, Казани, Самары (тогда город назывался Куйбышев. – Н.Б.). Большинство из них – волжские пейзажи. Пожалуй, об этой великой русской реке никогда после я не видел столько работ сразу. Гордость коллекции – картины художников Крыма: Керчи, Феодосии, Ялты, Севастополя.

Здесь же произведения художников Киева, Полтавы, Москвы, Ленинграда. Хорошая коллекция полотен мастеров кисти Ставрополя, городов Кавказских Минеральных Вод.

Рядом картины «передвижника» Николая Касаткина, автора памятника «Тысячелетие России» Михаила Микешина, «воронежца» Пимена Орлова (к слову, ученика К.П. Брюллова), пять работ японских художников. Отдельно – Архип Куинджи. Несколько полотен западных мастеров изобразительного искусства. С особой гордостью Владимир Вячеславо-

вич показывал свои морские пейзажи, устроив мне небольшой экзамен по живописи.

В середине комнаты он поставил стул. К спинке прислонил, как после выяснилось, одну из своих самых любимых работ о море. Оно играло у него всеми красками, какие были на мольберте. Оно совершенно не похоже на море Айвазовского. На память пришли строки из рассказа Максима Горького «Мальва»: «Море – смеялось...» В те минуты мне казалось, что море Секлюцкого было именно таким, каким его описал Горький. После небольшой паузы Владимир Вячеславович спросил: «Что вы чувствуете?»

Видевший собрания полотен Эрмитажа, Русского музея в Ленинграде, Музея русского искусства в Киеве, Музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина, Третьяковской галереи в Москве, из коллекции швейцарского барона фон Тиссена, Лувра и Музея импрессионистов в Париже, художественных музеев некоторых областных городов и краев Армении, Украины и России, я понимал необычность письма Секлюцкого, но сказать, что наш зритель вряд ли поймет его, значит, обидеть художника. Да и впросак попасть не хотелось. Вслух произнес лишь, что западный зритель оценил бы его.

«Вот, вот и посол Франции в Советском Союзе, когда отдыхал в Кисловодске и был моим гостем, то же самое сказал: «Если бы вы жили на Западе, то были бы модным художником», – вздохнул Секлюцкий.

Возможно, что и у нас в стране он стал бы известным пейзажистом. Несколько его «марин», горных пейзажей, закатов и восходов, лунных ночей, созданных мастихином, закупил Художественный фонд Министерства культуры СССР и растиражировал. Владимир Вячеславович вспомнил, как однажды в

Москве он заглянул в Художественный салон и обратил внимание на двух покупательниц, скорее всего, это были мать и дочь.

«Нет, – сказала дочь, – давай возьмем этот кавказский пейзаж. Я уверена, отцу он понравится. Он не раз бывал в Кисловодске, любит горы».

У Секлюцкого дрогнуло сердце: покупали репродукцию его картины. Когда покупка была оплачена, Секлюцкий не выдержал и попросил не заворачивать ее. Спросив, для кого приобретена репродукция, перевернул ее и надписал. В конце сделал приписку: «С уважением, член Союза художников СССР В. Секлюцкий». Поняв недоумение покупательниц, протянул им удостоверение.

И всё же главным делом жизни стало не его личное творчество, а музей Н.А. Ярошенко. Владимир Секлюцкий поступил примерно так же, как в свое время поступил Игорь Долгополов – талантливый художник-плакатист, одаренный живописец, ученик Александра Дейнеки, предвоенный выпускник Московского художественного института.

Игорь Викторович Долгополов пришел в редакцию журнала «Огонек» в 1956 году, работал рядовым художником, вскоре стал главным. На протяжении нескольких десятилетий публиковал в журнале новеллы, посвященные творчеству российских и зарубежных художников. Читатели старшего поколения хорошо помнят журнальные цветные вкладки репродукций с полотен известных живописцев и рассказы Долгополова о них.

Долгий и кропотливый труд художника и публициста Игоря Долгополова увенчался изданием книги «Мастера и шедевры» в шести томах. Как вспоминал

заместитель главного редактора журнала «Огонек» Михаил Алексеев, его «новеллы были проникнуты глубоким ощущением живописи, скульптуры, графики».

«Поиск самого себя был долг и сложен, но когда, уже в должности главного художника «Огонька», Игорь Долгополов начал писать рассказы о художниках, по радости и муке, сопровождавшей этот новый труд, он понял, что главное дело жизни найдено», – писал Юрий Нагибин в предисловии к книге «Мастера и шедевры».

Только дорогу, посвященную Ярошенко и его коллегам по Товариществу передвижных выставок, Секлюцкий выбрал на десять лет раньше Долгополова. Началась она осенью 1946 года. По собственному признанию Владимира Вячеславовича, «она перевернула всю его жизнь».

«Он шел на этюды, а повстречался с судьбой, и в той незабываемой встрече у памятника будто бы сама история заглянула ему в глаза», – писали о нем в путеводителе по музею Н.А. Ярошенко тридцать лет пять назад.

Он пришел в Кисловодский парк. В руках этюдник, холст. В поисках природы вышел к могильному памятнику без ограды. Остановился и прочитал: «Николай Александрович Ярошенко. 1847–1898». Неужели этот тот художник, репродукция с картины которого висела в его каюте, когда он плывал на буксирном пароходе «Сапожников»? Это был знаменитый ярошенковский «Кочегар». Как давно это было... Кажется, в восемнадцатом... Да, да, в восемнадцатом. Володе Секлюцкому было тогда одиннадцать лет.

...Секлюцкий снял шинель, очистил могилу от листьев, хвороста, мусора, протер бронзовый скульптурный бюст.

– А затем я разыскал дом, в котором жил и работал художник. То же самое запустение и уныние. Дом оказался заселенным, и ничто в нем не напоминало о великом русском художнике, – рассказывал Владимир Вячеславович. – С чего я начал? С изучения творчества Ярошенко, его эпохи. Чтобы что-то доказать чиновникам, далеким от искусства, надо было знать о художнике всё...

Судьба свела Владимира Секлюцкого с талантливым человеком – искусствоведом Владимиром Прытковым, книги которого о русских художниках печатали в Государственном издательстве изобразительного искусства. Общие интересы сблизили двух неординарных людей. В 1956 году Владимир Секлюцкий и Владимир Прытков издали небольшую по объему в 120 страниц книгу «Н. Ярошенко». Книга увидела свет в серии «Мастера русского искусства». Вторым изданием она выходила в 1960 году и является сегодня библиографической редкостью.

– Я хотел одного – в доме Ярошенко должен быть музей, – рассказывал Секлюцкий. – Надо было собрать его картины, разыскать в архивах его фотографии, письма, отзывы современников... Тогда я не представлял, в какую титаническую работу ввязываюсь. В моих поисках мне повезло с самого начала.

В архиве он нашел афишу, которую расклеивали в декабре 1918 года в Кисловодске: «В воскресенье, 8 декабря с. г., отдел народного просвещения Кисловодского Совдепа устраивает народный праздник – чествование памяти знаменитого гражданина Кисловодска Николая Александровича Ярошенко и основание музея его имени в доме, где он жил и скончался».

Так Секлюцкий узнал, что музей уже однажды был организован. Но где же экспонаты?.. Горько было узнать, что они утрачены безвозвратно.

Возможно, в эпопее Владимира Секлюцкого по созданию музея Н.А. Ярошенко в Кисловодске немаловажную роль сыграла оценка творчества художника, данная В.И. Лениным. Как рассказывала участница революционного движения в России М.В. Фофанова, на квартире которой в октябре семнадцатого года нелегально жил Владимир Ильич, его особенно восхищали картины «Заключенный», «Всюду жизнь». Более того, в беседе с Маргаритой Васильевой, Ленин якобы сказал: «Подумайте, это кадровый военный человек, и представьте себе, какой он прекрасный психолог действительной жизни, какие у него чудесные вещи!.. Прекрасно! Когда будем хозяйничать, чтобы не забыть. Такому человеку надо отдать дань».

Отдавать дань сполна выпало Владимиру Секлюцкому. Он ходил по кабинетам кисловодского горкома партии, горисполкома, обращался в краевые, столичные учреждения – музеи, библиотеки, архивы, Министерство культуры СССР, искал единомышленников. Параллельно занимался поиском картин Николая Ярошенко и его коллег по Товариществу передвижных художественных выставок, собирал фотографии, открытки, письма, воспоминания, устанавливал связи с родственниками и знакомыми художника, учеными, историками искусства, писателями, кисловодскими старожилами.

На «Белой вилле» в Кисловодске, построенной, как установил Владимир Секлюцкий, по проекту самого Николая Ярошенко, в разные годы бывали пи-

сатель Владимир Короленко, театральный режиссер Константин Станиславский, художники: Илья Репин, Михаил Нестеров, Николай Касаткин, Архип Куинджи, Аполлинарий Васнецов, Николай Дубовской, Виктор Борисов-Мусатов; композиторы: Сергей Рахманинов, Антон Аренский; оперные певцы: Леонид Собинов, Федор Шаляпин; ученый-химик Дмитрий Менделеев, ученый-физиолог Иван Павлов...

Секлюцкий разыскал родственников Ярошенко: родную племянницу Наталью Николаевну Трусову – дочь сестры художника Веры Александровны Купчинской (в девичестве Ярошенко), нашел приемную дочь Елену Никодимовну Юркину-Савельеву, записал их воспоминания.

Секлюцкий встречался с Ольгой Михайловной Нестеровой-Шретер – дочерью художника М.В. Нестерова, Софьей Руфимовной Левицкой – племянницей русского живописца Г.Г. Мясоедова, Екатериной Давидовной Аглинцевой – композитором, пианисткой, педагогом, дача ее родителей находилась по соседству с домом Ярошенко.

Записал воспоминания Евгении Константиновны Бондаревой (род. ок. 1870–?) – соседки Ярошенко по дому в Кисловодске. Она позировала художнику при написании картины «Лето». Это полотно и еще двенадцать работ Ярошенко, в том числе первая картина художника «Невский проспект ночью», погибли в годы немецко-фашистской оккупации Полтавы. Фашисты сожгли полотна «Причины неизвестны», «Мечтатель», «Девочка с игрушкой», «Спящий ребенок в колыбели», «Иуда», «Орлы среди облаков». Особенность этой картины, по мнению Секлюцкого, заключалась в том, что она, «умело скомпонованная, сочная по живописи», была написана по вертикали.

Обычно художники писали такие пейзажи по горизонтали.

В огне сгорели замечательный и красивый портрет жены художника Марии Павловны Ярошенко, портреты русского писателя Владимира Галактионовича Короленко, русского литературного критика Николая Константиновича Михайловского. Из тридцати тысяч экспонатов Полтавского художественного музея уцелело лишь 4187.

Чем больше Секлюцкий узнавал о Ярошенко, тем яснее представлялась ему задача будущей экспозиции – «ознакомить возможно более широкий круг зрителей, посетителей музея с искусством замечательного мастера кисти, с периодом его жизни и творчества в Кисловодске». Огорчался, когда улавливал в рассказах местных экскурсоводов «неправильное толкование» отдельных фактов деятельности Ярошенко. Однажды даже написал об этом в газете «Советская здравница» (ныне «Кавказская здравница» – Н.Б.). Поводом к написанию реплики послужил рассказ экскурсовода о том, что «в период своей жизни в Кисловодске Ярошенко были созданы такие известные картины, как «Заклученный», «Кочегар», «Всюду жизнь».

«До сих пор было известно, что эти произведения были созданы художником значительно раньше, а в кисловодский период им были написаны известная картина «Песнь о былом» и пейзажи Кавказа, экспонировавшиеся в 1883 году и 1889 году на выставках под общим названием «Путевые заметки Кавказа», – писал Секлюцкий.

Особенно восторженно Владимир Вячеславович отзывался об этюдах Ярошенко «Красные камни»,

«Балка вблизи Кисловодска», «Снежные вершины», «Эльбрус». Первые кавказские этюды, как установил Секлюцкий, художник впервые представил публике на XI выставке Товарищества передвижных выставок в 1883 году. Особое очарование исходило от этюдов «Путевые заметки из путешествия по Кавказу», «Парк в Кисловодске», «Привал татар».

Сегодня в Мемориальном музее-усадьбе художника Н. А. Ярошенко в Кисловодске представлены этюды «Гора Ужба в Сванетии», «Гора Седло в окрестностях Кисловодска», «Осенний пейзаж», «Бештау», «Кисловодск. Водопад», «Кисловодск», «В горах»...

Для себя Секлюцкий взял за правило: основательно записывать при встречах всё, что помнили рассказчики о художнике, об истории создания картин, о его семье, сверять с архивными документами, прижизненными публикациями современников Ярошенко.

«Кисловодск я хорошо помню с 1886 года, – рассказывала Секлюцкому Елена Константиновна Бондарева. – Это был маленький курортник, каким трудно его себе представить сейчас. О санаториях тогда и понятия не имели. Лучшим местом была Тополевая аллея, состоящая из могучих деревьев-великанов. Лечебный сезон открывался 1 июня, а закрывался 1 октября...»

Сколько он выслушал таких рассказов о Кисловодске, о его жителях, об окружении Ярошенко, об истории написания картин, трудно переоценить. Иногда на записывание таких воспоминаний уходили не часы, а дни и недели.

Десять дней провел Секлюцкий во Фрунзе (ныне Бишкек. – Н.Б.), записывал воспоминания 78-летней Натальи Николаевны Трусовой – дочери сестры ху-

дожника Веры Александровны Купчинской (Ярошенко) и племянницы Николая Александровича, разбирал с ней семейный архив, отбирал материал для экспозиции музея. Перебирая архивные документы, Секлюцкий чувствовал, как он переворачивал одну за другой страницы истории русской живописи второй половины XIX века.

Вот фотография художника Андриана Марковича Волкова – первого учителя Ярошенко. А это Василий Степанович Курочкин – главный редактор сатирического журнала «Искра», который публиковал рисунки Волкова. А это кто? Иван Николаевич Крамской? Еще один «воронежец». Родился близ Острогожска Воронежской губернии. Впервые Ярошенко увидит его и запомнит на всю жизнь, когда стал посещать вечерние рисовальные классы при школе Поощрения художеств. Она находилась в одном из зданий Академии наук на Васильевском острове в Санкт-Петербурге. Иван Николаевич преподавал в этой школе и тоже запомнил молодого артиллерийского офицера. В 1876 году 28-летний Ярошенко напишет портрет 39-летнего Крамского. «Мастер остросоциальной бытовой картины, портретист-психолог», как писали о Ярошенко современники, работал над полотном «Портрет И.Н. Крамского» в те годы, когда в российском обществе был очень высок авторитет этого художника и педагога. Его называли «советью художников». Отсюда и такой спокойный, уверенный, бескомпромиссный взгляд И.Н. Крамского на полотне Н.А. Ярошенко.

В эти же годы произошло сближение Ярошенко с кружком литераторов, которые группировались вокруг журнала «Отечественные записки». Так он познакомился с Михаилом Салтыковым-Щедриным,

Глебом Успенским, Всеволодом Гаршиным, Алексеем Плещеевым...

Откладывая отобранные во Фрунзе материалы в папку, Секлюцкий наперед знал, что все они пригодятся ему для написания новой книги о Ярошенко.

Попутно Секлюцкий посетил Ташкент и Ашхабад. В Ташкентском музее искусств воочию увидел картины Ярошенко «Выгнали» и «Юноша перед экзаменом».

О картине «Выгнали», мало известной публике, Владимир Вячеславович писал:

«Пасмурная, ненастная погода. Часть фасада богатого господского особняка. Двери этого особняка навсегда захлопнулись для гувернантки, которую лишил девичьей чести барин. Двери надежно охраняет дремлющий дворник в глянцевых сапогах и белом фартуке, которому нет никакого дела до одинокой, беззащитной, выброшенной из дому беременной женщины. У нее нет ни крова, ни средств, ни поддержки. Ему строго приказано: «н е п у с к а т ь!»

В ее поникшей голове с грустным взглядом выразительных печальных глаз следы глубоких раздумий и о пережитом, и о том, что сулит ее мрачное будущее.

В опущенных натруженных руках, придерживающих зонтик, художнику удалось передать их характер. Руки эти не изнеженной барышни! Несмотря на молодость, они знают, что такое труд под громким окриком госпожи и строгим взглядом барина.

И за всё это – бесчестие, горькая участь. Ее выбросили с жалкими пожитками: круглой белой коробкой, желтой небольшой сумкой и плетеным темным саквояжем, прикрытым сверху белым узлом.

Вот, кажется, и всё!»

Просматривая картину сантиметр за сантиметром, Секлюцкий обнаружил, что героиня Ярошенко попала на панель, на ту самую, которую художник показал в своей первой картине «Невский проспект ночью». На стекле оконной рамы подвального помещения Секлюцкий рассмотрел еле заметную надпись, сделанную рукой художника: «сдаеца угол», на которую искусствоведы не обращали внимания. Так художник, писал Секлюцкий, «откровенно и смело подчеркнул, что господам – хорошие особняки, а простому люду – сырые подвалы».

О картине «Юноша перед экзаменом», созданной Ярошенко после «Студента», другой исследователь творчества художника Владимир Порудоминский оставил короткую, но емкую по содержанию, запись: «Рассвет застал юношу за письменным столом, несмятая подушка на кровати – свидетельство бессонной ночи; на столе окурки, стакан чая, недопитый и уже остывший; утренний ветерок ворвался в открытое окно, всколыхнул занавеску; румяный юноша оторвал взгляд от книги, мечтательно смотрит вдаль».

Потом Ярошенко напишет прославленную «Курсистку». Об этой картине Секлюцкий с восторгом писал: «Тысячи таких, именно таких «курсисток» наполняли тогда Петербург, чтобы учиться, иметь знания, самостоятельное положение в обществе». Владимир Вячеславович установил, что картина выставлялась на XI Выставке передвижников в 1883 году и что Глеб Успенский посвятил этому произведению очерк «По поводу одной картины», напечатанный в том же году в журнале «Отечественные записки». У этой картины интересная судьба: она выставлялась в США, Лондоне и Париже. На открыт-

ках у нее самые большие тиражи. А сколько напечатано репродукций!

«Наблюдая за жизнью учащейся женской молодежи, – утверждал Владимир Вячеславович, – художник горячо приветствует стремление женщин быть на арене общественной деятельности».

Два года поисков и хождений по кабинетам принесли свои плоды: в сорок восьмом, по случаю 50-летия со дня смерти художника, Ставропольский крайисполком обратился с ходатайством в Совет Министров РСФСР об организации музея. Казалось бы, мечта Секлюцкого становилась реальностью. Но пройдет еще одиннадцать лет, и 21 октября 1959 года Совет Министров РСФСР примет распоряжение за № 6740-р об организации в Кисловодске Дома-музея Н.А. Ярошенко. Владимира Вячеславовича назначили его директором. Штат музея состоял из четырех человек. Месячная зарплата директора музея в те годы составляла 720 рублей.

Постановлением Совета Министров РСФСР от 30 августа 1960 года № 1327 «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР» дом Н.А. Ярошенко, в котором он жил и работал в Кисловодске с 1892 по 1898 годы, и могила Н.А. Ярошенко внесены в «Список исторических памятников, подлежащих охране как памятники государственного значения». Так завершилась многолетняя борьба В.В. Секлюцкого и его сподвижников за сохранение памяти известного художника школы русского реалистического искусства. И началась многолетняя научная работа по изучению жизни и творчества Н.А. Ярошенко, поиску и сохранению его живописных и графических работ.

Годы, с 1948 по 1959, не прошли даром и для самого Секлюцкого. Он превратился в знатока и крупнейшего специалиста по творчеству Ярошенко. В этой области ему не было равных. В Кисловодск на отдых и лечение приезжали со всех уголков страны. Послушать Секлюцкого – это подарок на всю жизнь! Он мог часами рассказывать о художнике, о картинах, об истории их создания. Санатории – один за другим – приглашали его на встречи с отдыхающими.

За полтора десятка лет Секлюцкий собрал сведения о местонахождении картин Ярошенко в собраниях музеев страны. А они были в музеях Алупки, Астрахани, Архангельска, Ашхабада, Барнаула, Иваново, Казани, Калуги, Киева, Кирова (ныне Вятка. – Н.Б.), Костромы, Ленинграда (ныне Санкт-Петербург. – Н.Б.), Львова, Москвы, Нижнего Новгорода, Николаева, Омска, Плеса, Перми, Полтавы, Самары, Свердловска (ныне Екатеринбург. – Н.Б.), Серпухова, Симферополя, Ташкента, Улан-Удэ, Уфы, Харькова, Херсона, Челябинска, в частных собраниях. Самые большие коллекции картин Ярошенко в Русском музее Ленинграда, в Третьяковской галерее Москвы.

Как рассказывал Борис Матвеевич Розенфельд, писатель, театровед и знаток Кисловодска, Секлюцкий «до последнего дня жизни работал над книгой, в которой хотел рассказать о путях и дорогах, изъезженных им в поисках картин, о судьбах людей и встречах с коллекционерами, об историях поисков и счастливых находках. Книга осталась незавершенной, а жаль – ведь это итог его пятидесятилетних трудовых будней».

Наиболее сложным для Секлюцкого в этот период была, казалось бы, невыполнимая задача: музей Н.А. Ярошенко в Кисловодске могли открыть при

условии, если в его коллекции будет 80 процентов подлинных произведений художника и только 20 процентов – копий. Секлюцкий понимал, что государственные музеи вряд ли расстанутся со своими собраниями картин Ярошенко, одна надежда на коллекционеров, на случайные находки.

К началу нового 1962 года после капитального ремонта здания в трех его залах разместили пятьдесят подлинных работ Ярошенко (сегодня их в два раза больше. – Н.Б.), а в двух других выставили подлинники картин художников Репина, Нестерова, Касаткина, Дубовского, Васнецова, Куинджи, посещавших в разные годы «Белую виллу». Копии тоже были: блестяще выполненные «Кочегар», «Заклученный», «Всюду жизнь», которые, как считал Секлюцкий, навечно «вошли в сознание и память народа».

«Именно эти три картины Ярошенко сделали его имя бессмертным, – рассказывал Владимир Вячеславович, – и без них экспозиция музея была бы неполноценной, лишенной главного в показе его творчества».

«11 марта 1962 года мы открыли музей, и в него вошли первые посетители, – вспоминал Секлюцкий. – Этот день был для меня самым счастливым. Я всегда считал его вторым днем рождения Ярошенко и моим тоже».

На самом деле Владимир Вячеславович Секлюцкий родился 24 июля 1907 года, в Астрахани. Его отец Вячеслав Теофилович Секлюцкий по профессии столяр-краснодеревщик, работал на Астраханском судостроительном заводе имени Урицкого. Он первым обратил внимание на художественное дарование сына: «Иди-ка ты, Володя, к Павлу Алексеевичу Власову. Я ведь тоже когда-то у него учился».

Но в своем деле отец Секлюцкого был мастером. Владимир Вячеславович всю жизнь хранил ларец, который его отец изготовил в ремесленном училище как дипломную работу. Это была самая дорогая память об отце.

«Нас, детей, в семье было пятеро, – рассказывал Секлюцкий на встрече в редакции газеты «Волга». – Старший брат Михаил окончил Соболевское реальное училище, прекрасный гимнаст, необыкновенной физической силы. Владел французским, английским и немецким языками. Увлекался борьбой, боролся под красной маской. Одним из первых он закончил Астраханские пехотные военные курсы с отличием, был красным командиром. В одном из боев под Басами Астраханской области, когда повел отряд в атаку, его ранило в руку. И его раненого вывезли на арбе в Астрахань, долго лежал в госпитале. Когда рана стала заживать, он не прекращал тренироваться и настолько натренировал свою правую руку, что смог снова выступать на соревнованиях. Был первым чекистом в Астрахани. Потом его назначили начальником милиции на Косе – это печально знаменитый район в городе с притонами, бандитскими разборками, игровыми домами, что было отмечено еще в 1900 году в первом путеводителе по Астрахани. Михаил был награжден золотым портсигаром с гравированным портретом Михаила Ивановича Калинина на верхней крышке и подписью. В голодном тридцать третьем брат сдал портсигар в Торгсин. В тридцать девятом Михаил уехал на Дальний Восток, взяв с собой младшего брата Анатолия, и я его больше не видел. А в сорок первом началась Великая Отечественная...

Когда я, раненый, вернулся с фронта, стал писать во все концы, разыскивал братьев, – нет следов.

Оказалось, Михаил погиб на востоке на войне с Японией. Анатолий в годы войны был мотористом на торпедном катере. Катер был разбит, и брат много часов продержался в воде. Его нашли краснофлотцы вместе с брусом, за который Анатолий держался, это спасло ему жизнь. В шестьдесят шестом он лежал в госпитале, сказывались последствия того «купания». Однажды медсестра приносит ему мою книгу о Ярошенко, изданную в 1963 году в Ставрополе, и спрашивает: «Это не ваш брат?» И получаю я письмо: «Ты, вы, не знаю, как обратиться...» Потом его сын приезжал, а в шестьдесят восьмом я поехал на Дальний Восток. Вот так Ярошенко помог мне найти брата.

Наша сестра Мария умерла еще маленькой. Брат Герман на год младше меня, учился в реальном училище вместе с Иваном Любезновым, впоследствии известным актером (И. Любезнов прослужил в Малом театре в Москве с 1948 по 1998 годы; снялся в 45 фильмах. – Н.Б.).

Манеры у нас в семье – от матери Александры Васильевны, она была гувернанткой. Все нас учили – и любимая учительница Александра Павловна Афанасьева. Учили мягко, но настойчиво. Для них незнание этикета, что фальшивая нота для музыканта, если ты не подал пальто девочке, например. Но не унижали, учили ценить человеческое достоинство. Зато и осталось – на всю жизнь».

Второе дорогое воспоминание Владимира Вячеславовича связано с именем его первого учителя и педагога Павла Алексеевича Волкова, ученика русского художника Василия Перова. В 1900 году Волков организовал в Астрахани художественные и ри-

совально-технические классы. В 1921 году они были преобразованы в Астраханский художественно-педагогический техникум.

По совету отца Володя Секлюцкий пришел к Власову. Их встреча произошла в 1924 году. О первой своей встрече с Власовым рассказывал так: «Стучу, дверь открывает ученица. Я совсем оробел, а он стоит такой статный, красивый, величавый. А глаза добрые: «Ты что, хочешь рисовать? А что принес из своих рисунков? Что умеешь?» Я любил яблоки рисовать. Показал. «Ну, приходи». И я стал ходить. Помню абсолютную тишину в классе, особенно, когда он стоит за спиной и наблюдает за твоей работой. Такое священнодействие. Он многому нас учил. Надует, бывало, два воздушных шарика и укрепит их под потолком, а нам предлагает нарисовать их так, но чтобы «не луна на потолке, а именно шар – и воздушный». Или брал кувшин и известью по нему проводил несколько мазков – и чтобы так и запечатлеть, с мазками извести. А сколько он нам рассказывал! Это были увлекательные беседы. Он просвещал, образовывал нас. И всё так ненавязчиво, но ярко, всё запоминалось. Помню, мы поражались, как им написана рука старца Прама, – живая, чувствуешь, что кровь в венах пульсирует, – в академической дипломной работе, за которую Павел Алексеевич получил Золотую медаль. А он нам говорил, что всю картину писал семь месяцев, а руку старца – два месяца. Он не хвалился, а внушал, какой это труд – труд художника, невероятно тяжкий, но вечный. Иногда от целого века остается только улыбка Джоконды, остановленная кистью гения».

Власов давал своим ученикам не только высокие профессиональные знания, но и был воспитателем

их душ. По воспоминаниям современников, это была удивительно светлая личность.

Немногим известно, какие духовные узы связывали Павла Власова и Бориса Кустодиева – самого талантливого из его воспитанников, автора блистательных полотен «Купчиха за чаем», «Красавица», «Русская Венера», «Ярмарка», «Масленица», «Московский трактир», портрет Ф.И. Шаляпина. Среди учеников Власова художники Григорий Мальцев (работал в Ватикане, расписывал иконостас для церкви святого Антония), Николай Скоков (оформлял ВДНХ), Николай Баскаков (известен картинами о В.И. Ленине, о молодежи), Иван Горюшкин-Сорокопудов (оставил много работ о революции 1905–1907 годов)...

Всякий раз, когда Секлюцкий приезжал в Астрахань, то шел к дому, в котором жил и работал Павел Алексеевич Власов. На доме висела мемориальная доска в память о его великом педагоге. Сегодня мало кто знает, что в 1924 году П.А. Власов был удостоен звания «Герой Труда». Оно было присвоено П.А. Власову от имени РСФСР Астраханским губернским Советом профсоюзов. Звание «Герой Труда» после учреждения ВЦИКом 27 декабря 1938 года звания «Герой Социалистического Труда» больше в стране никому не присваивалось.

Секлюцкий очень огорчился, когда в очередной приезд в Астрахань узнал, что старый дом, в котором жил П.А. Власов, снесен: «...некуда идти – снесли дом. Это невосполнимая утрата».

Выходя из дома, Владимир Вячеславович всегда брал с собою свой паспорт (к этому правилу его приучила жизнь в курортном городе). А в нем всегда лежали две фотографии – матери Александры Васильевны и его первого учителя Павла Алексеевича Власова.

...Мы шли по Кисловодску, от его дома по улице Коммуны до улицы Ярошенко, где находится музей. Знакомый маршрут. Владимир Вячеславович ходил им много лет на работу. Не спеша, обдумывал замысел книги о Ярошенко (она издана в 1963 году), перебирал в памяти письма случайных людей, которые писали ему со всех концов страны, где, когда и у кого они видели картины художника. Так был найден портрет Салтыкова-Щедрина, написанный художником в 1886 году. Это об этой работе критик В.В. Стасов писал: «...Н. Ярошенко выставил такой портрет М.Е. Салтыкова-Щедрина, который по письму, а еще больше по глубине и правдивости выражения превосходит, мне кажется, все портреты, когда-либо писанные этим художником...»

Секлюцкий считал, что «по силе раскрытия духовного мира писателя, по живописному решению и мастерству его можно и следует поставить рядом с лучшими произведениями русской портретной живописи второй половины XIX столетия...»

А нашел портрет Салтыкова-Щедрина он при довольно загадочных обстоятельствах. В мае 1966 года на лекции о Ярошенко, которую Секлюцкий читал в одном из санаториев Кисловодска, к нему подошел почтенных лет человек в черной академической шапочке и представился. Секлюцкий не ожидал, что эта встреча с отдохавшим в Кисловодске посетителем окажется судьбоносной. Одобрительно отозвавшись о лекции, собеседник вдруг сказал: «А знаете, я могу вам помочь. В Харькове я видел у одной пожилой женщины подлинное произведение кисти Ярошенко».

О, сколько раз Секлюцкому приходилось слышать подобное: «И я видел у кого-то...», «Картина подлинная...» Увы, не всегда подобная информация ока-

зывалась правдивой. И всё же. Поблагодарив собеседника, Секлюцкий попросил передать владелице картины, что он будет ждать от нее письма. В июле того же года неизвестная женщина из Харькова сообщила Секлюцкому, что у нее имеется подлинная работа Н.А. Ярошенко «Портрет М.Е. Салтыкова-Щедрина» и она желает продать ее музею.

В тот же день Секлюцкий отправился в путь. На завтра был в Харькове. Далее трамваем добрался до указанных в письме улицы и дома.

– Из-за старинного комода хозяйка с осторожностью извлекает прямоугольник, обшитый полуистлевшим холстом, – рассказывал Секлюцкий. – Сердце мое дрогнуло. Когда распорол холстину, за ней оказалась вторая оболочка из белой и плотной материи. И я невольно подумал: если так хранят, значит, что-то действительно стоящее. Но вот та ли это картина? Взглянув, я затаил дыхание. Передо мной стоял портрет Салтыкова-Щедрина.

Бегло осмотрев полотно, Секлюцкий увидел характерную подпись Ярошенко и дату – 1886-й. Края портрета оказались ветхими. Краска начала осыпаться и отслаиваться. «Еще десять-пятнадцать лет такого хранения, – подумал Секлюцкий, – и портрет погиб бы». Достав фоторепродукцию, сделанную в свое время с портрета, Владимир Вячеславович стал сличать с подлинником. Сверка оказалась не по душе владелице. И она обиженно заявила:

– ...Ты вот что, родимый, ты меня тут не проверяй, моя мать сорок лет хранила, да и я столько же. Так что тут без обмана. Вот так-то.

«Да, это, несомненно, подлинник», – размышлял про себя Секлюцкий.

– Так покупаете? – услышал Секлюцкий будто сквозь сон.

- Конечно, конечно...
- Тогда платите и забирайте...
- Но я же не частное лицо.

Но никакие доводы и пояснения, что Секлюцкий – не Третьяков, что приобретение портрета требует соответствующего оформления, совершено не действовали на владелицу.

Каждый раз после таких поездок Секлюцкий возвращался в Кисловодск с тяжелым чувством. Его всегда тревожила одна мысль: «А вдруг встретится состоятельный коллекционер, который тотчас же щедро расплатится? Ищи потом, упрасивай, умоляй...»

С портретом Салтыкова-Щедрина история закончилась благополучно. Получив разрешение в Министерстве культуры РСФСР на покупку картины, Секлюцкий второй раз уезжал из Харькова с портретом Салтыкова-Щедрина. Сначала Владимир Вячеславович доставил портрет в Кисловодск, потом в Государственную Центральную научно-реставрационную мастерскую имени И.Э. Грабаря. Год портрет находился на реставрации. Не нарушен ни один штрих Ярошенко. И вот уже несколько десятилетий этот шедевр русской портретной живописи занимает достойное место в экспозиции музея. И выглядит так же свежо и современно, как и сто тридцать четыре года назад.

«Шат-гора» («Эльбрус») написана Ярошенко в 1884 году. Каким-то образом попала в Смольный. Была в приемной первого секретаря Ленинградского обкома ВКП (б) С.М. Кирова. Затем передана Государственному Русскому музею в Ленинграде. Побывавший на отдыхе в Кисловодске его тогдашний директор В.А. Пушкарев (1915–2002) посетил Дом-музей Н.А. Ярошенко и был очарован подвиж-

нической работой его сотрудников и Секлюцкого, в частности. Пообещал помочь музею в расширении экспозиции.

– Слово свое Василий Алексеевич сдержал. Прислал письмо и пригласил меня в Ленинград посмотреть «Шат-гору». Там же договорились о передаче ее нашему музею, – вспоминал Владимир Вячеславович. – Музеи неохотно расстаются со своими приобретениями. Государственный Русский музей в Ленинграде в этом смысле исключение.

Секлюцкий побывал практически во всех картинных галереях Советского Союза, в коллекции которых были работы Ярошенко, и составил самый обширный каталог произведений художника. В Третьяковской галерее уважительно отнеслись к подвижническому труду Секлюцкого и подсказали, что у некой Охотской находится вариант известной работы Ярошенко «Старый служивый», созданной в 1880-х годах. Но вот адрес точно не помнят, кажется, она проживала в Столешниковом переулке, и что дом находится напротив магазина «Подарки». Секлюцкий обошел несколько подъездов, расспрашивал жильцов. Безрезультатно. Обратился в местное отделение милиции, – и снова (в который раз!) рассказывал о том, кто он и зачем разыскивает Евгению Павловну Охотскую – так, оказывается, звали владелицу картины Ярошенко. Беседа в милиции затянулась на полтора часа. Пожалуй, никогда еще милиционеры не встречали столь интересного собеседника, который так увлеченно рассказывал о Ярошенко, о его творчестве, об истории музея и его находках. В конце вручили листок с адресом и сказали: «Адрес владелицы картины наши детективы

разыскали час назад, нам жаль было расставаться с вами, когда еще услышишь такое».

Переговоры с Евгенией Павловной Охотской закончились успешно: картина «Старый служивый» переселилась в Кисловодск. А ведь могла навечно остаться в Праге. Дело в том, что пражский коллекционер – родной брат Евгении Павловны. Он умер, завещав свое имущество родным, проживавшим в СССР. Меньший брат был на похоронах в Праге и эту работу привез оттуда...

В Кишиневе, куда Секлюцкий прилетел на переговоры об участии местной художественной галереи в юбилейной выставке, посвященной 15-летию музея Н.А. Ярошенко в Кисловодске, Владимир Вячеславович обратил внимание на картину «Итальянский пейзаж», авторство которой приписывалось неизвестному итальянскому мастеру.

– Но какой же это иноземец?! – воскликнул Секлюцкий. – Эту картину Ярошенко хранится в Кисловодске! Правда, он не подписан. Зато в Севастопольской картинной галерее экспонируется вариант этой якобы «итальянской» картины (называется она «Забытый храм»), но уже с несомненной подписью автора – Ярошенко.

Так было возвращено имя замечательного русского художника еще одной, ранее неизвестной его работе.

...С Секлюцким мы переходили от картины к картине. У каждой своя история. Десять лет ушло на поиски портрета скульптора Л.В. Позена. И еще три года на переговоры с владелицей картины. Сейчас это небольшое по размеру произведение Ярошенко в постоянной экспозиции музея. Дорого оно было Секлюцкому не только потому, что долгим и труд-

ным был поиск, а, прежде всего, его эстетической ценностью. Мог ли предположить Ярошенко, что, создавая портрет Позена, тот, в свою очередь, создаст скульптурный портрет Ярошенко. Но уже после смерти художника. Работа Позена установлена на могиле Ярошенко в Кисловодске.

Мы остановились у портрета М.П. Ярошенко, жены художника. Его Секлюцкий привез из небольшого села близ украинского города Пологи. Это в Запорожье. Владелица картины Людмила Алексеевна Близнюкова рассказала, что картину приобрел в Кисловодске в 1938 году ее покойный муж, врач по профессии, большой знаток и любитель живописи. На обратной стороне холста художник написал: «Принадлежит М.П. Ярошенко». И подпись: «Н. Ярошенко». На оформление документов много времени не потребовалось. Людмила Алексеевна вручила Секлюцкому портрет и сказала: «Берите и берегите». Всякий раз, когда Секлюцкий рассказывал об истории этого портрета, то испытывал особое чувство благодарности судьбе, возвратившей дому Ярошенко это произведение.

Секлюцкий мог долго рассказывать о находках. И каждая история похожа на приключение. Картина «Хор». Кстати, ее Ярошенко написал в Кисловодске в 1894 году. Картину приобрел академик Иван Петрович Павлов, впоследствии лауреат Нобелевской премии в области медицины и физиологии (1904). Она висела в его рабочем кабинете. После неоднократных попыток Секлюцкий попал в дом под номером 69/72 на Кировском проспекте в Ленинграде. Познакомился с Татьяной Николаевной, женой сына ученого. Владимир Вячеславович рассказал ей о своих поисках, находках, трудностях и переживаниях. Их

встреча состоялась, когда музей еще не был открыт. В беседе с Татьяной Николаевной Секлюцкой между прочим упомянул, что для получения юридического права на открытие музея необходимо по инструкции 80 процентов подлинных произведений Ярошенко и что один лишь «Хор» дает такое право. На семейном совете Павловы приняли решение передать музею картину «Хор» навечно...

Позже Секлюцкой скажет о Татьяне Николаевне: «Когда снимали картину со стены, Татьяна Николаевна села в кресло и, закрыв глаза, заплакала. Для нее это была не просто картина, но дорогая и близкая ей память о Павлове, она расставалась с ней, как с близким другом. Человек большой культуры и ума, она понимала значение этого художественного произведения для русского искусства, для народа».

Позднее, когда картина «Хор» уже находилась в постоянной экспозиции, в музей зачастил один пожилой человек. Это был житель Кисловодска Семен Антонович Подушинский. Он узнал себя в одном из малышей-певцов, изображенных на картине.

Секлюцкой записал рассказ Подушинского о том, как он шестилетним мальчиком позировал Ярошенко. Этот рассказ опубликован в книге В.В. Секлюцкого «Николай Александрович Ярошенко».

Вот небольшой фрагмент из этой трогательной истории: «Помню, первый раз, когда Николай Александрович повел меня рисовать, спросил: «А ты надел рубашку в клеточку?» Я расстегнул бешмет и показал ему свою красненькую вылинявшую рубашечку в клеточку (я ее очень любил), и мы пошли в сад к Николаю Александровичу. Он еще велел мне надеть башмаки и чулочки. Посадил он меня под деревом в саду, недалеко от дома, а чтобы я смиренно си-

дел, рядом поставил сапетку с яблоками, и стал писать. С меня была написана картина «Постреленок» (находится в Ашхабадском музее), а в картине «Хор» я написан среди группы детей в центре».

Владимир Вячеславович довольно часто читал лекции отдыхающим в санаториях Кисловодска о творчестве выдающегося русского живописца, рассказывал об истории находок его картин. Слушали его всегда внимательно, задавали вопросы. Однажды после лекции к нему подошла женщина и сказала, что в Москве у ее знакомой, ныне пенсионерки Анны Петровны Голевой, находится подлинная картина Ярошенко. И, передавая записку с адресом, пожелала Секлюцкому удачи на переговорах.

В Москве Владимир Вячеславович пришел по указанному адресу и... о, чудо! – увидел портрет Марии Кирилловны Жердевой, бабушки Анны Петровны Голевой, друга семьи Ярошенко. У М.К. Жердевой воспитывалась Надя Волжанская, которая позднее стала приемной дочерью художника и его жены. В тот вечер Анна Петровна много поведала Секлюцкому о Наде, с которой дружила в детстве, о бабушке, расспрашивала подробно о музее, о том, что удалось найти, как хранятся в нем произведения Ярошенко.

– Правда, – вспоминал Секлюцкий, – такие встречи не всегда заканчивались приобретением. Но в тот вечер мне несказанно повезло. К великой моей радости Анна Петровна Голева передала портрет кисти Ярошенко в дар музею.

Мемориальный музей-усадьба художника Н.А. Ярошенко (во времена В.В. Секлюцкого это был Кисловодский художественный музей Н.А. Ярошенко. – Н.Б.) – это не только история его создания, увлекательней-

ший поиск картин, лучшая коллекция одного из самых знаменитых художников России, это еще и история жизни и творчества его гениального создателя Владимира Вячеславовича Секлюцкого.

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 20 февраля 1969 года В.В. Секлюцкому было присвоено звание «Заслуженный работник культуры РСФСР». Никогда в своей жизни я не ощущал величие государственного документа, как в те дни, когда держал в руках Грамоту Верховного Совета РСФСР с именем В.В. Секлюцкого. За плечами этого человека была такая большая жизнь: кочегар, маляр, ученик Трудовой школы повышенного типа, учащийся Астраханского профессионального художественного училища, организатор Союза художников в Астрахани, красноармеец, участник обороны Сталинграда и Сталинградской битвы, спас баржу с вооружением для 101-го гвардейского истребительно-противотанкового артиллерийского полка и тяжело раненого комиссара полка Ф.В. Ковалева. В шестидесятых годах Федор Власович разыскал Владимира Вячеславовича и на страницах «Кавказской здравницы» рассказал о подвиге старшины, который вынес его на руках с подорванного на mine судна.

...Позднее Секлюцкий прислал мне письмо, датированное 12 апреля 1990 года, в котором выразил согласие на организацию выставки работ художников из его коллекции в Киеве (было время, когда я подрабатывал в кооперативе «Ренессанс». – Н.Б.). Астраханская областная газета «Волга» в те дни опубликовала очерк о В.В. Секлюцком «Так хочется в Астрахань». Так я узнал, какое место в его сердце занимал родной город. Он очень хотел съездить в Астрахань. Юношей в далеком 1918-м Секлюцкий

плавал кочегаром на буксирном пароходе. В маленькой убогой каюте у изголовья висела репродукция с картины Ярошенко «Кочегар». Еще тогда он проникся любовью и уважением к этому художнику, правдиво отобразившему всю тяжесть адского труда. Ярошенковский «Кочегар» – это первый образ рабочего в русской живописи.

«Жаль, что мне не разрешают выезд мои врачи, за пределы Кисловодска, а может быть», – написал Владимир Вячеславович и дважды подчеркнул слова «а может быть».

Мы больше не встречались. Летом 1990 года пришло печальное известие о скоропостижной кончине Владимира Вячеславовича. Остались его два автографа, письмо, открытка с изображением Кисловодского художественного музея Н.А. Ярошенко, написанная им книжка о Кисловодском художественном музее Н.А. Ярошенко. И мне трудно представить сегодня Кисловодск без Владимира Вячеславовича Секлюцкого.

...В город снова и снова будут приходить весны, и расцветать пролески, и будут идти дожди, а осенью в парке опадать листья – и только в залах музея всё останется по-прежнему: нежным и добрым взглядом художник Николай Александрович Ярошенко встречает посетителей. Встречает благодаря Владимиру Вячеславовичу Секлюцкому.

В МАРТЕ 45-го

1

В конце февраля Мария Худякова слегла. Каждый день газеты и радио кричали о победоносном шествии Красной Армии, рвавшей в логово фашистского зверя. До победы оставалось – рукой подать. Гитлеру «капут». В этом уже никто не сомневался. Те, кто получил похоронки или уведомления о «пропавшем без вести», еще надеялись на чудо.

У Марии не было вообще никаких вестей от мужа. Целых полгода! Ни слуху ни духу. А тут простуда, да еще какая-то чертовина ела ее изнутри. Мария исхудала – ничего почти не осталось от той бедовой, всегда веселой хохотушки. Не до смеха было: пацаны ее, Шурка и Юрка, совсем от рук отбились, ничего по дому не делают. Одно на уме – улица. Хорошо, что школу не бросили. Шурка в третьем, а Юрка во втором классах. И оба успевают, хотя усердия никакого. Сразу после школы – на улицу, как говорила Мария, гойдать, попросту – гулять. А

**АЛЕКСАНДР
МОСИЕНКО**

Проза

дома не убрано, коровка не поена не кормлена, ревет на все дворы, пока кто-нибудь из соседок не покормит. Сама же Мария ни дня ни ночи не знает – всё в колхозе, а толку-то: трудодней много, но ими сыт не будешь. Коровка в этот год не телилась, и молока всего два литра дает, да и то приходится сдавать государству. Власти не верят, что так мало – даже комиссию присылали. Убедились. И снизошли – поллитра разрешили детям оставлять.

А что с ним, этим поллитром, делать, когда ничего другого нет. Вот и пошла Мария на неубранное поле кукурузы, хотя это каралось тюрьмой. Будь что будет, не помирать же пацанам с голоду, да и сама в чем душа. Были февральские «окна». Мария чуть свет отправилась с подругой, у которой и того больше ртов: четверо детей, свекруха и собственная мать. Все на ее шее. Едва только рассвело, а они уже наполнили свои небольшие котомки и счастливые возвращались домой. Еще вчера они пронюхали, что объездчика не будет – в город уехал. Значит, их никто не арестует, не отберет кукурузку. Подруги не шли, – лети по степи со своими котомками и не заметишь, как испортилась погода.

Снега давно не было – стоял еще в январе. Хотя и холодновато. И вдруг пошел дождь, почти как летом, сильный, не прекращающийся, но холодный, переходящий в снег.

Промокшие до нитки подруги радовались: в такую погоду хороший хозяин собаки со двора не выгонит, а не то чтоб объездчик какой поехал оберегать гниущее социалистическое имущество.

Домой они пришли не по улице, а через сады-огороды, чтоб меньше видели, потому что обязательно

найдется добрая душа, которая подскажет объездчику или уполномоченному, как он промухал расхитителей.

На радостях Мария, у которой уже зуб на зуб не попадал от холода, не стала переодеваться в сухое, а стала рушить кукурузные кочаны, чтобы потом смолоть на самодельной мельнице-втулке и наварить детям мамалыги. Когда мамалыга была готова, Марию всю трясло, температура поднялась до сорока, и ее непослушные пацаны, Шурка и Юрка, уплетая вкусную мамалыгу, не сразу заметили, что Мария не села за стол, а, укрывшись тулупом, легла прямо на не разобранную постель.

– Мам, а что ж ты не ешь с нами? – спросил старший сын Юрка.

– Я, наверно, приболела, – ответила Мария. – Шурик, принеси, сынок, хину. На припечке порошок лежит. И водички. Шурка всё исполнил немедленно. Из-за стола вылез уже насытившийся Юрка, подошел к кровати.

– Мам, а хочешь я тебе мамалыги в кровать принесу?

Поешь, пока горячая.

– Спасибо тебе, мой золотой. Спасибо вам, мои хорошие, – ответила Мария, я – потом. Согреюсь и потом поем.

– Хорошо, мам. Я чугунок с мамалыгой накрою ту-журкой, чтоб не остыла. Ладно? – спросил Шурка.

Мария погладила его по головке и только потом благодарно кивнула. Шурка и Юрка стали убирать со стола, помыли черепяную чашку – тарелок в доме не было. И тогда Мария подозвала к себе Шурку:

– Шурик, ты же старший?

– На целый год старше Юрки.

– Вот я как к старшему и обращаюсь к тебе. Сходи в сарай и подложи Буренке сена. А потом, как съест, возьми ведерко и напои ее. Сам к колодцу не подходи, попроси тетю Полю или еще кого. Ладно?

– Ладно!

– Я на тебя надеюсь.

Мария думала, что ее простуда быстро пройдет. Согреется, и станет легче. Но ей становилось хуже. Скоро прибежала ее подруга Полина.

– Ты чего это, кума, расквасилась? Не имеешь права. У тебя вон какие орлы. Глядишь, и Петро с фронта скоро заявится. Не раскисай. Давай-ка разберем постель, раздевайся, я сейчас еще печку подтоплю, воды нагреею, ноги попарим. Не раскисай! Сейчас сбегая домой – у свекрухи где-то грамулька козьего жира есть – грудь натру, очень помогает.

– Не шебуршись, Польша. У меня малярия.

– Всё равно не смертельно.

Мария встала с постели. Разобрала кровать, разделась и залезла под одеяло. Полина еще сверху положила тот же тулуп. Потом сбегала домой, принесла пару кизяков, три-четыре щепки, растопила печь, тепло снова пошло. Время от времени Полина, сидя у изголовья Марии, поправляла одеяло, укрывала плечи, дала еще один порошок чудом сохранившейся хины. И когда увидела, что Марии стало немного лучше, заторопилась:

– Ну побегу, а то дома тоже надо управляться. А вечером я еще зайду.

2

Болезнь Марии затянулась. На работу она уже не ходила, хотя бригадирша не раз звала ее:

– К севу готовиться надо. После войны болеть будешь.

– Я бы рада, – тихим голосом отвечала Мария. И невооруженным глазом видно было, что ей еще лежать и лежать. Она с ужасом думала о том, что через неделю кончится кукуруза. Чем кормить детей? А сена почти не осталось – дня на три, не больше.

С отчаяния и чтобы не доводить до полного опустошения сарай, Мария всё с той же Полиной однажды ночью запрягла Буренку и съездила в поле. Набрали небольшой возок стеблей кукурузы, лабузы по-местному. Поделили поровну. У той тоже с кормом плохо. А коровы хорошо едят лабузу. Мария теперь снова вспоминала об этой удачной поездке и корме, который уже на прошлой неделе кончился, и пришлось давать понемногу сена, оставленного на самый крайний случай. При одном воспоминании об этом Марию снова трясло и поднималась температура. А тут еще горе: перед самым вечером безрукий почтальон, который полдня кружил вокруг двора Полины, наконец вручил ей похоронку на мужа. Неистовый крик Полины Мария слышала сквозь сон – на какое-то время она вздремнула, и вот слышит крик. Сразу поняла, что это подруга и что за беда настигла ее. Мария вскочила с кровати, и накинув на себя какую-то одежонку, побежала к подруге. А та до хрипоты кричала одно слово:

– Не-ет! Не-ет! Не-ет!

Мария обняла подругу, стала гладить ее по голове, по спине. Успокаивать.

– Да не надо, Поля. Может, ошиблись... Я сон видела, забыла рассказать. Хороший сон. Будто мы идем где-то в поле. Я, ты, мой Петя, твой Иван и наши дети, твои, мои. Такая ясная погода... успокой-

ся, Поля, день такой ясный. И поле. Всё в тюльпанах. Красных-красных. А я говорю:

Давай нарвем.

А ты говоришь: зачем же такую красоту портить. Пусть себе растет и всех радует.

И не сорвали. Ни ты, ни я... Такой сон только к добру. Не может быть, чтоб так вот. Иван живой. Вот увидишь.

– Не-ет! Не-ет! – снова закричала Полина.

– Поль, ну послушай меня. Это ошибка. Бывает такое. Сколько случаев. Я недавно в газетке читала... Да что там читала – вон у Надьки Тарасовой. Пришла похоронка, а вчерась – письмо с дороги. Домой едет. Вот увидишь, ошибка...

В дверь сильно застучали. Со двора пискливо кричали Шурка и Юрка

– Боже, что случилось? – испугалась Мария.

– Мам, скорей домой иди, папанька с фронта приехал!

– Вы чего там буровите? – ничего не понимая, взволнованно спросила Мария.

– Правда, скорей: он ждет!

Полина вытерла слезы, поправила волосы и говорит:

– Твой пришел, чего стоишь, Мария?! Иди же.

И Мария побежала. Не заходя во двор, перед калиткой, на костылях, без одной ноги, в выдавшей виды шинели, с вещмешком за плечами и патефоном в руке стоял ее Петя, Петр Кириллович Худяков. Мария бросилась на него, чуть не сбив на землю. Петр едва удержался на костылях и одной ноге, а Мария истерично закричала:

Петечка пришел! Прише-е-ел! Поля, мой Петя-а-а... и сама потеряла сознание. Полина, отключившись от своего горя, прибежала выручать подругу. Кто же

еще поможет ей? А безногий Петр Кириллович, бросив один костыль, опираясь на другой, неуклюже топтался вокруг и повторял:

«Маша, Маш, я ж с тобой!» Полина, дети, Петр и еще кто-то из оказавшихся здесь взрослых внесли Марию в хату. Кто-то нес, а кто-то вприпрыжку сзади двигался. Откуда-то нашелся нашатырный спирт. Дали понюхать, потеряли виски и через две-три минуты Мария очнулась.

– Напугала как, – улыбаясь, сказал Петр. – Так и думал, без жены останусь. Всю войну прошел – и дома такое...

– Ну здравствуй еще раз, моя хорошая. – И он стал целовать Марию, детей, заплаканную Полину. – Здравствуйте, все!

– Здравствуй, Петенька, – виновато радовалась Мария. – Пришел?

– Пришел, – отвечал Петр, сидя на табуретке. – А Ивана нет? Придет и Иван, – бодро, еще не зная о похоронке, сказал он Полине. Но та в слезы.

– Вот, сегодня принесли, – показала она похоронку, которую так и не выпускала из рук. Видя ее рыдания, чувствуя некую вину перед ней, он всё же успокаивал Полину:

– Пустая бумажка. Не такой Иван, чтоб в конце войны погибнуть. Придет. Еще немножко осталось. Надо просто подождать. Эт меня отпустили безногого. А здоровые добивают Гитлера. Добьют и придут, Полечка. Не надо так...

3

Было около трех часов пополудни. За столом сидела счастливая семья. Мария, Петр Кириллович, Шурка и Юрка. Гостей пока не приглашали. Петр до-

стал из вещмешка консервы, хлеб, колбасу, словом, сухой паек, и вот теперь изголодавшиеся дети, да и Мария, улыбаясь до ушей, ели. А Петр только наблюдал за ними. Мария подложила ему мамалыги.

– Вот какой у нас харч. Да и то слава Богу... Далее она стала хвалить детей, какие они у нее помощники, а Шурик прям отца заменил. И воды принесет, и за коровкой посмотрит, управится. И Петр радовался, то и дело щекой прижимался к жене, сыновей похлопывал по спине, слегка подергивал за вихры:

– Молодцы, так и надо.

Шурка и Юрка цвели от похвалы родителей и верили, что они такие и есть на самом деле. И вовсе никуда они на целый день не уходили, и коровку без пойки и корма не оставляли, и в хате раскордаш не устраивали, когда мама уходила в степь, в бригаду.

Но Петр уже знал, что корма корове осталось дня на три, а самим – на недельку, ну, мож, паек чуть продлит сытую жизнь. Он думал о том, что завтра пойдет в стансовет, в правление колхоза, куда угодно, но чтоб дали ему работу и тогда всё будет в порядке. Мужик он или кто? Хоть и безногий. Мария не могла наглядеться на мужа и поглядывала на часы: до ночи еще далеко. Оба они истосковались друг по дружке. Даже если б Петр Кириллович и без обеих ног пришел, она радовалась бы не меньше: живой! Сколько их не вернулось. В каждом дворе один–два, а кой у кого и по трое навсегда остались в полях или болотах, в России, Польше, Германии... А Петр пришел. Насытившись, дети еще некоторое время сидели за столом, любуясь папкиными орденами-медалями.

– А пластинки есть? – глядя на патефон, спросил Шурка.

– Есть, ответил отец.

Давай поставим! – хором выпалили Шурка и Юрка. Отец улыбнулся, раскрыл патефон, достал ключ, сделал несколько энергичных оборотов. Потом взял пластинку, поставил ее. На всю хату и даже на улицу разносился голос знаменитой певицы Лидии Руслановой:

*...По морозу босиком
К милому ходила.
Валенки, валенки,
Ох, не подшиты, стареньки...*

Счастливые Шурка и Юрка с наслаждением слушали певицу. Мария подошла к патефону и остановила пластинку.

– Потом, ребятки, потом. Неудобно. Вы же видите, что у тети Поли горе?

– Ладно. Завтра поставим. – А еще есть пластинки?

– Есть, есть, – ответил отец. И мальчики побежали на улицу хвастать наградами. А Петр и Мария жарко обнимались-целовались, предвкушая радость любовной игры без оглядки. Но удержаться до ночи они не смогли. Мария посмотрела в окно: Шурка и Юрка в окружении своих друзей очень энергично жестикулировали. Мария подошла к двери, закрыла ее на крючок и, забыв о своей малярии, быстро разобрала постель...

А события на улице развивались не менее стремительно. Проходившая мимо тетка Нюська Голубева упрекнула как бы невзначай счастливых мальчишек:

– Отец с фронта пришел, без ноги, а вы вместо того, чтоб по дому помогать, уже на улицу выскочили. Вон корова голодная ревет... Что ж это вы так, мужики?

И пошла себе дальше. А Шурка и Юрка сразу посерьезнели и вскоре ушли домой. Но дверь была заперта. Стучаться не стали. Шурка как старший внес предложение:

«Давай лабузы привезем? Запряжем Буренку в коляску и быстренько смотаемся в степь. Тут недалеко».

Сказано—сделано. Взяли серп, вывели из сарая корову. Она послушно вошла в оглобли небольшой тележки и (не впервой) дружененько побежала по дорожке. Шурка погонял, Юрка сидел рядом. Холодало. С неба посыпал снежок. Пока они доехали до края станицы, снег усилился. Кукурузное поле в двух километрах. Ерунда какая. Шурка вошел в роль возницы и уверенно покрикивал на Буренку, а она, словно понимая, что в поле ждет ее лафа, кукурузные стебли, да может, и кочанчик где попадет, торопилась вперед.

Вот и поле. Кочаны убраны, а стебли хорошие. Мальчишки заехали прямо в середину поля, остановили свою тележку, не распрягая Буренку, и стали жать лабузу, складывать ее в кучки, потом носить на телегу, складывать кучку в кучку.

А снег тем временем пошел такими большими хлопьями, что Буренку почти не было видно. Шурка и Юрка, увязав свой возок старой веревкой, решили ехать домой, но вдруг увидели, что кругом метет, и они не знают, в какую сторону ехать. Устроившись впереди возка, они было приказали Буренке идти. А она остановилась, не идет. Снег, а вместе с ним ветер усиливались. Уже закружило, закрутило, как говорят, зги божьей не видно. Как-то быстро наступила ночь, то есть это была еще не совсем ночь, но потемнело, и всё сливалось в едва различимой

круговерти. Шурка и Юрка только сейчас почувствовали, что у них промокли ноги, что вообще очень замерзли. Станицы не было видно, хотя если бы это было в погожее время, всё, даже церковь, с этого расстояния просматривалось хорошо. Шурка как старший слез с возка, подошел к Буренке и стал просить ее: «Буреночка, поехали!» Она вытянула шею и протяжно промычала: «Му-у-у-у!» Но с места не сдвинулась. Снег продолжал валить шапками. На длинных ресницах Буренки были уже комья мягкого снега. Она, жуя, моргала и сбрасывала эти комья, но проходило две-три минуты, и глаза снова залепляло снегом. Снегу уже было по пояс Шурке. Он, обнимая Буренку за шею, по-прежнему просил: «Ну Буреночка, поехали домой. А то мамка заругает. И папанька заждался...»

– Шугани ты ее хворостиной и быстро пойдет, – посоветовал Юрка с возка.

– А где ж я тебе хворостину эту возьму? – удивился Шурка. И вдруг его осенило: он залез на Буренку, как на коня, и, ударя ногами по бокам, стал кричать: «Поехали, Буренка, поехали!» И та стронула с места, метров сто прошла и снова остановилась. Шурка пискливо кричал: «Че стоишь, тебе же хуже будет – замерзнешь, дура!» Как бы поняв, о чем предупреждает ее наездник, Буренка сделала еще шагов сорок и остановилась как вкопанная. Ни уговоры, ни пинки в бока, ни пискливые приказы на нее не действовали. Шурка даже вспотел и забыл про свои мокрые ноги. Зато Юрка начал упрашивать брата: «Шур, я замерз, иди, погрей меня». «Отстань ты, мерзляка, – отвечал Шурка. – Ехать надо, пока нас тут совсем не замело. Ночь на дворе». И он снова стал бить Буренку своими окоченевшими ногами по бокам: «Поехали, Бу-

ренушка, поехали!» Буренка послушалась и на этот раз прошла метров двести. Ребята обрадовались. Но преждевременно: больше Буренка не сделала ни одного шага. Снега намело слишком много, а тележка была на железных колесах. Снег прилипал, колеса не крутились. Снег продолжал падать шапками. В темноте и в горячке наездник Шурка не заметил, как потерял один промокший ботинок. Дырявый носок быстро обледенел.

Шурка слез с Буренки и полез к Юрке.

«Нога замерзла, не могу. Может, сходишь посмотреть, где дорога, а я пока отогрею ногу?!»

– Я боюсь, – начал умолять Юрка.

– Чего ты боишься: станица рядом.

– Волков боюсь, – отговаривался Юрка.

– А они есть тут?

– В степи зимой всегда волки ходят.

Шурка подумал и ответил:

– Они на людей не нападают.

– А Буренка? Как с ней? Нас же мамка убьет за Буренку, если они съедят ее.

– Ладно. Давай помолчим и согреемся немножко. Закопавшись в лабузу на своем небольшом возке, мальчики прижались друг к другу и стали прислушиваться. Разыгралась сильная метель, пурга. Ветер свистел в ушах. Быстро темнело. Была сплошная белая тьма.

– О, слышишь, к вечерне звонят, – сказал Шурка. – Значит, еще не совсем ночь. – Слышишь?

– Слышу. Но к вечерне не так звонят, дюже часто. Может, нам сигнал подадут? – спросил Юрка.

– Слышишь – и звонят, и звонят. Как будто на пожар.

4

Шурка и Юрка не знали, что очнувшись от счастья отец и мать их вдруг вспомнили, что детей нет дома. Мария вышла на улицу. Не видал ли кто. Видали – они куда-то на телеге поехали. В оглоблях – Буренка. Мария, сама еще больная, стала ходить по дворам, с кем бы пойти на поиски. Полина правильно вычислила, что они недалеко, но метель и не видно. Надо подать какие-то сигналы. Нашлось человек десять–двенадцать, которые вышли на окраину станицы и стали стучать в разные железки, звать:

– Шура! Юра-а-а!

А Петр Кириллович догадался послать к старому глухому звонарю церкви, чтобы тот с колокольни звонил без перерыва. Это нужно и тем, кто пойдет на поиски, и может, ребята услышат, да поймут, в какую сторону им надо идти. Часа два люди ходили, ходили, стучали, кричали и разошлись по домам, потому как никто не знал, где искать, а степь большая. Тьма кромешная и метет, метет. У Марии снова поднялась температура. Она раза три теряла сознание и всё вырывалась на поиски. Петр Кириллович, не отходивший от нее, едва удерживал Марию и всё успокаивал ее: «Всё будет хорошо. Ребята смышленные. Сама ж говорила: взрослые, помощники. Значит просто далеко уехали. Бурю пересидят где-нибудь под скирдой и приедут вместе с Буренкой».

Но всё произошло иначе: прижавшись друг к другу, братья Худяковы, обессилев, стали замерзать. Ноги у обоих давно ничего не чувствовали. Едва-едва ощущалось тепло друг друга, но и оно постепенно уходило. Свистевший ветер всё выдувал. Шурка и Юрка сидели не разговаривая, ничего не боясь, так как уже не было никаких чувств, даже инстинкт са-

мосохранения не работал. Им отчего-то вдруг стало тепло, как дома, на русской печке. Оба они заснули. Юрка сразу, а Шурке снился приятный сон: лето, он с отцом, у которого обе ноги целы, на пруду. Нырять, а потом загорают на берегу. И отец всё рассказывает, рассказывает, как воевал, за что ордена-медали получил, как домой добирался, и обещает купить Шурке и Юрке по велосипеду.

Уже большие. Пора и на велике кататься. Шурка уже знает, кому даст покататься, а кому ни за что. Сеньке Коняеву, например. Он жадина-говядина, соленый огурец. Сон продолжался очень долго, а потом всё ушло с экрана памяти.

Их нашли утром, первого марта тысяча девятьсот сорок пятого года. Буря и метель утихли. Был ясный день. Выпал такой обильный снег. Все говорили: «К урожаю!» В этот день еще кто-то пришел с фронта. Да, Иван Федотов. Тоже инвалид. Руки-ноги целы, а на голове вмятина и тонкая пленка вместо кости. С детскую ладошку. Тоже радость вперемежку с горем. Но всё же радость. А тут прямо беда. Мальчики Худяковы, прижавшись друг к другу, окоченели, сидя в домашнем возке, закопавшись в лабузе.

Не распряженная Буренка, моргая длиннющими ресницами, стояла вся в снегу: возле возка и рядом с ней намело огромный сугробище. Только заиндевевшая голова с сосульками у бороды торчала из снега. В тот день еще двое инвалидов вернулись с войны, три матери получили похоронки на своих сыновей. А в семью Худяковых вслед за вчерашней радостью, – вернулся Петр Кириллович, – пришла самая большая беда, какая может постичь только двух людей, так преданно ждавших конца этой распроклятой войны.

НОВЫЕ ИМЕНА

Весна в конверте

1

Как всё же различны в красках и звуках осенние месяцы! Сколько неповторимых ощущений рождают они, освещенные светлой грустью и сокровенными воспоминаниями...

Сентябрь теплый, как август, только школьные заботы да белые гольфы на загорелых ногах и отличают его. Октябрь – это золотая осень, ясное синее небо. Воздух настолько прозрачен, что краски природы в октябре кажутся ярче, чем цветущим летом с его дождями, туманами и дымом от горящего сухостоя. Ноябрь – это что-то непонятное, серое, промозглое. Он тянется бесконечно. И близок по ощущениям с февралем. Такой же серый, но еще и холодный, ветренный. Небо в феврале низкое, белое. Горизонта не разберешь, и от этого кажется, что мир стал маленьким, тесным... А ведь я знаю людей, которые родились в эти месяцы. Мне всегда было жалко их, а они, ко-

ЮЛИЯ
НАУМЕНКО

Проза

нечно же, не понимали моих чувств. Родился в этом месяце – значит он хороший.

В тот год февраль был ненастным: холод сменялся теплом, подтаявшие за день остатки снега ночью леденели. Солнца не было, но и морозы сильные давно не пугали народ. Классические февральские метели с их пением, вьюгой, танцующей поземкой – и те не баловали жителей города.

– Еще чуть – и весна, вот уже и грачи прилетели, – обещали мамы своим малышам.

– Да какая весна, – ворчали бабульки, – еще в марте мерзнуть предстоит. Это в наши дни они улетали и прилетали, а теперь приспособились тут зимовать. Говорят же, что глобальное потепление.

Как-то утром мы с мужем ехали на машине по загородной дороге.

– Давай посмотрим, что в лесу, тает снег или еще лежит.

– Давай, – неохотно согласился он.

В лесу снег под деревьями еще лежал. Но был мокрый, испещренный каплей, ягодами боярышника. Вокруг дубовых листьев, упавших недавно поверх него, образовались небольшие лунки. Это значит, солнце уже грело хорошо, темный лист притягивал свет, и вокруг подтаивало.

– Пойдем на полянку, – предложил муж.

Но туда было не пробраться, снег был еще довольно глубоким.

Вблизи дороги темнел низкорослый редкий кустарник. Даже летом здесь не особенно густо. Тонкий песчаный слой покрывает плиты известняка и ракушечника. Травка растет низенькая, в основном различные виды очитка стелются по камням. Лишь яркие свечи неопалимой купены украшают полянки.

Они высокие, с ярко-розовыми соцветиями. Но запах такой тяжелый, что не позволяет долго любоваться этими диковинными цветами. Если приглядеться, то можно увидеть зыбкий ореол эфира возле каждого цветущего куста.

И вот близ кустарников дикого терна мы одновременно с мужем увидели подснежники, а точнее – галантусы. Они были небольшие, но уже цвели. Потом еще и еще, семейка за семейкой открывались цветущие подснежники нашему взору. «Какие нежные, почти прозрачные. Всегда холодные и хрупкие», – подумалось мне с легкой грустью..

– Как строчка стиха, – усмехнулась я.

– Юль, пора ехать, – напомнил муж.

Я сорвала пять цветочков, в машине поставили их в воду.

– Они долго не живут, эти лесные ангелы, но как хочется их сохранить, – вздохнула я и вдруг негаданно промелькнула мысль... – Попробую кое-что придумать!

– Зачем?

– Потом поймешь...

Но я уже точно знала, что нужно делать, и кто обрадуется. Я была воодушевлена. И вдруг стала примечать весну: снующих туда-сюда муравьев, сверкающие капли, а вот четыре божьих коровки вылезли из-под коры старого пня и греются.

И время пошло веселее.

2

Бывая в новых местах, на отдыхе или по работе я всегда привожу с собой небольшой гербарий: обычно это цветы, плоды ранее невиданных мною растений, редко – листья, кора деревьев. Например,

под эвкалиптами лежит больше коры, чем листьев. Это растение вечнозеленое, поэтому листья оно сбрасывает понемногу в течение всего года. Одно время я делала из привезенного материала закладки для книг – памятные цветочные закладки.

Началось это увлечение с Архыза. Очень уж манили меня розовые с подбелами метелки буквицы – невысокой горной лесной травки. Их я хотела засушить букетиком, но ножки под цветочками соцветия были тонюсенькие и ломались. Тогда я вспомнила про закладки с веточками растений, виденные мной прежде. Попробовала сделать. Буквица смотрелась очень даже мило.

В наших Ставропольских степях есть похожее растение – подбел. Так он назван из-за светлых ланцетовидных листьев. Эта белесость из-за обильного воскового налета. А сверху листочки зеленые, блестящие. Другое название подбела – андромеда. Цветет он, как и буквица, розоватыми цветами. Эти шарики величиной с горошину с крохотными треугольными лепестками снизу словно подвешены по несколько штук на длинных цветоножках. Поэтому, видимо, и название такое – андромеда – как маленькие искорки в созвездии.

Степи и луга – раздолье для таких ботаников-самоучек, как я. Глаза рады каждой травинке, не то, что цветику. Очень красивы душица и таволга. Но и более скромные растения смотрятся замечательно. Подойдет и раскидистая серебристая веточка луговика, и пушистый усик ковыля, и часть светло-лимонной кисти бузины с ее мелкими простыми цветочками, и одиночный желто-зеленый цветок липы. Можно и ландыш засушить, но его как-то жалко. Он уже никогда не будет таким жемчужно-

белым, пожелтеет. Да и, что за ландыш без его аромата?

В родных лесах и лугах множество мелко цветущих трав. Каждый отдельный малюсенький цветочек из всего соцветия очень красив, если его рассмотреть. Я брала приглянувшуюся мне веточку, сушила ее и приклеивала к картонной полоске, потом очень аккуратно прикладываю полоску скотча – и готово. Уже потом можно пробить дырочку и привесить красивую ленточку или кисточку. Сейчас можно купить дырокол, который делает отверстие в форме бабочки, звездочки, цветочка. Более сложный способ – вложить веточку между двумя полосками скотча. Обычно и первый, и второй «блин комом», а потом вдруг раз – и всё отлично, без перекосов и складок.

3

Вот такую закладку я и хотела подарить одной своей школьной подруге – ценительнице всего милого и оригинального. Живет Есения в Санкт-Петербурге. Там намного холоднее, а в это время года, в конце февраля, зима – зимой. Сеня – удивительно чистый человек. Про таких обычно говорят «талантливый во всем талантлив». Есения отлично училась в школе и в институте, с успехом пела на концертах самодеятельности, чудесно рисовала. За что бы ни бралась, всё с легкостью получалось, притом подруга моя совершенно проста и искренняя. Она охотно наслаждается природой, радуется всему живому. Одно меня до сих пор удивляет, что натуральная блондинка красится в черный цвет.

Мы пишем иногда друг другу письма. Это так приятно – получить весточку, с приподнятым

настроением распечатать конверт и – не спеша прочесть. В последнем письме Сеня прислала открытку из крафтовой бумаги. На ней пастелью нарисована замечательная сова. Цвета яркие и насыщенные. А на развороте – поздравление. В письме она сообщила, что решила вспомнить школьное увлечение живописью, поступила на курсы и теперь учится рисовать в различных техниках. Я в очередной раз порадовалась за подругу. Много раз потом эту совишку, вставленную в зеркало, рассматривала я, восхищаясь и вспоминая свою Сеню. Долго раздумывала, чем в ответ порадовать ее.

4

Из всех сорванных мной подснежников, высохнув, три выглядели очень красиво. Закладку я делала из скотча, без картона. Цветочки были выложены один под другим и аккуратно расправлены. Аккуратно наложен верхний слой скотча, – и, уф, всё получилось! Без перекосов, морщин и пузырьков воздуха. Я была по-детски счастлива!

Украшив закладку белым бантиком, приклеив по периметру декоративный шнурок и написав, что посылаю ей весну из родных Ставропольских земель, я, наконец, отправила письмо в Санкт-Петербург. По моим расчетам, оно должно было прийти к 8 марта.

Так всё и вышло. На праздник мы созвонились, Ксения была в восторге.

– Такой холод у нас, сугробы, ледяной ветрище, а тут такое чудо! Весенний привет от родной земли. Спасибо тебе за весну!

ОКСАНА КРИС

* * *

Как молчаливо спеет осень!
Как низок блеклый небосвод!
Лишь налитая зелень сосен,
Мне в грусти вязнуть не дает.
Природы чувствую доверье,
Тепло несуетной зари,
И даже, как в тени дерева,
Врачуют трещинки свои.
Примолкли птицы.

Ветер гонит
Чернильных туч размытый ряд.
И в тихом сумрачном затоне,
Рыбешки искристо пестрят.
Все говорит о том, что вскоре,
Придет пора студёных дней,
И будет вновь тревогой скован,
И лес, и вольный дух полей.

* * *

Всё только начинается у нас.
И будто прежде мы
 не замечали,
Как ночь тиха! И как
 в рассветный час
Кружатся в танце голуби
 над нами!
Всё только начинается у нас.
И вновь звезда дрожит
 на небосклоне.
Мы поняли с тобою лишь сейчас,
Чем взор ее таинственный
 наполнен...

ПОЭТИЧЕСКАЯ МОЗАИКА

Поэзия

* * *

Неизведанная осень!
Даже тем ты мне мила,
Что в мою тугую косу
Прядь белесую вплела.

Тем, что доброю хозяйкой
Всю округу обойдя,
Шлешь туманы без утайки
И мелодии дождя.

Вновь твоим причудам рада!
Я с тобой накоротке
В нежной песне листопада
И – в лирической строке...

АНДРЕЙ КРУПЕННИКОВ

Поклониться хочу

По безбрежной пшенице,
Золотистой, густой
Васильки, как зарницы,
Отдают синевою.

Запах летнего поля
И цветов аромат,
Голоса птиц веселых
Покоряют, манят.

Я колосьев касаюсь,
Ощущая их вес.
«Будем с хлебом!», – я знаю, –
Солнце вторит с небес.
Тучной нивой люблюсь,
Со слезами в сей час...
Низко ей поклонюсь я
До земли много раз.

Когда в руках твоих цветы, –
Я нежно юность вспоминаю.
Тот поцелуй, твои мечты
Я никогда не забываю.

Наши друзья

Друзья зеленые послушны,
Покорны и без слов всему.
Они душой великодушны,
Довольны месту одному.

Всю жизнь стоят, не уставая,
От них укоров не слышать.
Людей ветвями обнимая,
Даруют тень и благодать.

От топора деревьям больно!
Но и тогда они молчат.
Теплом – безропотно, достойно, –
Сгорая, жизнь благодарят.

АЛЕНА РЕЙМАН

В разлуке

Маме

Покрылись тоненькие прутья
Упругой пеною цветов,
Лучи раскинуты салютом,
Как астры, с белых облаков.

Проходит день. И – полночь снова.
Совой глазастой за окном
Глядит, загадочно сурова,
Луна в уютный, тихий дом.

Но постучит в окошко утро.
Синицы за окном поют, –
Стал мой балкон для них приютом!
Забавно всем от их причуд.

Вокруг весна! Живи! Влюбляйся
В мир, что надеждой озарен!
В травы холодную атласность,
В бутончики кленовых крон!

...Мне бы обнять тебя, родная!
Ходить по берегу реки:
Поля вокруг, трава шальная!
В руке – тепло твоей руки.

Вновь расскажу своим синицам
О людях, что в моей душе!
А им пусть в лунный час приснится
Моя панамка на меже...

Человек из прошлого
Шел навстречу мне,
Может быть к хорошему,
Но скорее – нет.
Шел он очень медленно,
Глядя мне в глаза.
Через столько времени –
Надо же, узнал.
Я к себе прислушалась:
Тяжело дышать...
Очень любит прошлое
За руку держать.
Не сбежишь, не скроешься
И прохожих нет.
Поднялось чудовище:
Десять
 Прошлых
 Лет.

Как невеста, ночь в цветах весенних
Тихой и торжественной была.
Старых слив раскидистые тени
Расплывались, словно от тепла.
Замирала светлая дорога,
Принимая мой бесшумный шаг,
И лучился месяц круторогий
В заливных таинственных лугах.
Над скамьями призрачно сутулясь,
С головами, точно пузыри,
Вдоль по узкой улице тянулись
До усадьбы старой фонари.

И чем ближе я к ней подходила,
Ощущая ночи этой власть,
Тем всё больше с радостью и силой
Слышала как будто чудный вальс.
Распушили церцисы короны
Над чугунной тяжестью ворот.
Поднимался куполом бездонным
Надо мною вечный небосвод.
И возникло странное виденье:
У калитки смутного двора,
В неподвижном воздухе весеннем, –
Женщина в плаще из серебра.
И пошла стремительно навстречу...
Страх меня внезапный охватил!
Стук, казалось, вырвется сердечный
Громовым ударом из груди.
Лик ее морщинистый и белый
Был подобен матовой луне.
Я заметить даже не успела,
Как она приблизилась ко мне.
Посмотрев в глаза, сказала строго:
«Ничего не бойся и прими
Всё на свете посланное Богом.
Внемли сердцу. И живи в любви».

ДЕТСТВА РАДУГА-ДУГА

*Размышления о взрослых
проблемах детской
литературы*

Детская литература в современности переживает не легкие времена. Корней Чуковский, Агния Барто и Самуил Маршак, безусловно, востребованы, но вот каковы успехи их последователей на поприще борьбы за детские души? Здесь сразу послышатся жалобы на то, что детей «отвоевывают» компьютеры, айфоны и Интернет, но не стоит спорить с тем, что по-настоящему талантливо написанная и соответствующим образом проиллюстрированная книга путь к сердцу маленького и от природы пытливого непоседы обязательно найдет.

Так, как находит антология «В краю веселых радуг», в которую вошли стихотворения 21 современного автора¹. Несомненно, изданию пора перешагнуть границы родного для этих поэтов Ставропольского края – созданная ими картина

**ТАМЕРЛАН
ТЕХОВ**

***Литературо-
ведение***

детства вызовет интерес в любом другом регионе страны.

В первую очередь, обращает на себя внимание количество авторов, на достойном уровне пишущих для детей здесь и сейчас. В книгу включены и произведения Татьяны Гонтарь, Александра Екимцева, Леонида Епанешникова, Ивана Кашпурова, Анатолия Линева, Михаила Маликова и Игоря Романова, увы, ушедших из жизни на рубеже веков. Однако их творчество, близкое и родное последователям, принадлежит и XXI веку тоже.

Составителями книги выступили Николай Ананьченко, Елена Иванова (она же осуществила общую редакцию и стала автором предисловия), Екатерина Полумискова и Любовь Шубная.

В предисловии-обращении к читателю отмечается, что главная из заповедей, оставленных Чуковским собратьям по перу, гласит: детский поэт должен быть счастлив, как и те, для кого он творит. В жизни, безусловно, бывает всякое, но всех авторов книги однозначно можно назвать счастливыми взрослыми, с удовольствием окунавшимися или окунающимися в первозданный мир детства. В то же время, по словам автора вступительной статьи, они никогда не забывали, что «стихи должны научать маленьких читателей чему-то, нести познания как о мире животных и растений, так и о самих ребятах, об их взаимоотношениях с друзьями и окружающими, исподволь давать правильные нравственно-этические установки, побуждать к оценке как чужих, так и своих поступков». Далее – просьба к родителям, бабушкам и дедушкам, чтобы они стали заинтересованными собеседниками и сопереживателями ребенка, прогуливающегося по стране с названием «Поэзия».

Непосредственно ему, юному другу поэтов, адресовано продолжение разговора: «Мы знаем, что тебе нравится, чтобы взрослые разделяли с тобой твои игры и забавы, занятия, увлечения. И вот к тебе пришли поэты. В своих стихах они зовут тебя вместе с ними побродить по земляничным полянам, получше рассмотреть пушистый одуванчик и понять, для чего нужны ему парашютики, пообщаться с нашими четвероногими друзьями, побывать в сказочной грибодеревушке, где живут грибочки с их мамами и папами. И как же хорошо вместе со взрослыми сначала убирать, а потом печь на костре картошку, забрасывать в реку удочку рядом с папой, любоваться прекрасными картинами природы!» Далее – надежда на то, что стихи так понравятся, что будут на память декламироваться на детском празднике, дне рождения, в кругу друзей и близких.

Как видим, книга располагает к семейному чтению, традиции которой, хотелось бы надеяться вместе с авторами, утеряны не безвозвратно. Ясно ведь, что самостоятельно читать ребенок, так или иначе, научится, но вот получать удовольствие от чтения – это вопрос другой. Для того чтобы получать удовольствие от любого процесса, надо, чтобы он был приятным и интересным. А чтение для ребенка на первых порах, по наблюдениям психологов, трудная работа. Станет ли оно удовольствием, зависит от взрослых и книг, вовремя предложенных ими. Касательно того, каких именно, в своем интервью журналу «Читаем вместе» директор издательства «Росмэн» Борис Кузнецов отметил: «Мы издаем и Носова, и Толстого, и Лагина. Но если еще пять лет назад книжки современных детских авторов были экзотами и терялись среди бесконечных переизданий «Золотого ключи-

ка» и «Незнайки и его друзей», то сегодня классики немного потеснились, освободили место на полках для новых книг и новых имен. Появились здесь и свои бестселлеры. <...> Маленький читатель, нравится это ему или нет, должен погрузиться в пейзажную лирику, внимательно прочитать обстоятельные рассказы о природе, восхититься Пришвиным и Бианки. А современные дети быстрее нас, у них другой юмор, другой язык. Им и темп развития сюжета нужен другой. Они плохо воспринимают лонгриды и бесконечные пейзажные отступления. <...> Чтобы интерес к чтению не «обнулится», стоит как минимум обращать внимание на современных авторов. Сейчас в России формируется «полка альтернативных книг», и оказывается, что чтение за пределами школьной программы может быть очень занимательным»². Ко всему прочему, специалисты отмечают, что в процессе чтения ребенок может не понять весь смысл прочитанного и не всегда он это может уточнить или осознать. Вот и получается, что он трудится, устает и не понимает всего смысла текста, теряет мысль, не всегда замечает смешные моменты, потому что всецело поглощен процессом чтения. И книга становится непонятной. Возьмет ли он ее в руки в другой раз с удовольствием? Применительно к современной литературе – возьмет, если это издание не ниже уровня «В краю веселых радуг», вполне достойное упомянутой «полки альтернативных книг». Тем более при возвращении благой традиции – в детстве и юности нынешнее старшее поколение читало вместе с родителями...

Для облегчения восприятия содержания юным другом творчество авторов систематизировано в виде говорящих о себе разделов: «Всё на свете надо

знать», «Подарите мне слона», «Первая пятерка», «В краю веселых радуг». То есть, сразу ясно, в каком из стихотворений превалируют стимулирование к познанию окружающего, показ внутреннего мира маленьких фантазеров, их жизни в школе и пребывание в объятиях природы. Важнейшие, надо сказать, темы для детской литературы, и подаются они оригинально, свежо, с парадоксальными наблюдениями и выводами, кажущимися таковыми только взрослым, не оставшимся немного детьми.

В полной мере эти слова относятся к творчеству одного из вдохновителей проекта, автора целого ряда книг для детей Николая Ананьченко. Взять хотя бы стихотворение «Завод для облаков», дающее сборнику общий настрой на позитив. Ребенок мечтает повзрослеть и пойти работать на завод, где выпускают моторы для облаков. Очень даже логично – раз «вата из воды» летает, должен быть и мотор. Привлекательно для ребенка? Вполне, ему даже захочется самому проиллюстрировать стихотворение. К слову, черно-белые иллюстрации в книге имеются, но специально к работе над ней художники не привлекались. Безусловно, для того, чтобы не удорожать проект, а так можно было бы привлечь самих детей – воспитанников тех же художественных школ. Следующий важный момент – поэт, как и ряд его коллег по перу, не обходит стороной тему привязанности детей к современным технологиям. В стихотворении «Чтоб от жизни не отстать» мальчик попал в «объятия» подаренного ему за отличную учебу планшета и... начинает получать в школе только двойки-тройки. Вопрос от него же: «Странно это! / Чтоб от жизни не отстать, / Подружиться с Интернетом, / Надо двоечником стать?» В то, что

мальчик в итоге спрятал планшет и избрал для обучения книги, маленький читатель может и не поверить, но пища для размышлений у него появится, а это уже большое дело. Иного плана стихотворение «Грибодеревушка» дает для воображения того же читателя еще большую волю. Всего в десяти строфах разыгрывается целое повествование, позволяющее изобразить большую и шумную семью грибочков с грибомамой, грибопапой, грибятами и так далее. Ну, а почему нет? Грибята – те же малыши, любящие играть в прятки, капризничающие, ссорящиеся. В общем, напоминающие неугомонных детей, ради которых создавал поэт деревушку, расширяющую свои границы сразу после грибодождя. Эх, взрослые, чаще бы вы водили детей в лесные походы, чтобы грибодед «рассказывал» им свои истории...

А знаете ли вы, что свои детки имеются и у одуванчика? Эту «тайну» в стихотворении «Для чего одуванчику парашюты» раскрывает поэтесса Елена Иванова. Мама-одуванчик, оказывается, раздаёт «сыночкам-дочкам» парашютики, чтобы они с дуновением ветра приземлялись неподалеку и подрастали. Думается, что этот образ заставит детей трепетно относиться к окружающей среде, дорожить красотой, даруемой цветами. В свою очередь, ящерка из одноименного стихотворения должна вызвать не только жалость. Непонятно, как она оказалась в темном подъезде многоэтажного дома и что спасет ее от гибели под ногами вечно спешащих куда-то людей. Вот и «всей душою узенькой / Она взывает к доброте». Услышит ли этот зов маленький человек? Должен, обязан услышать, иначе не вырастет отзывчивой и созидательной личностью. В своем зеркале показывает автор и отношения ребенка с сетью (сти-

хотворение «Интернету – «да» или «нет»?») Вот ее мнение: «Коль он доброе несет, / Рядом с нами пусть живет. / Если ж глупое и злое, / Пусть оставит нас в покое!» Явный воспитательный момент, являющийся выражением мнения всех родителей. И – намек на то, что детей надо водить в экскурсии по Интернету. Пусть они гуляют на его просторах в Храме Природы, играют в познавательные игры, черпают дополнительный материал для учебы. Скажете, иллюзия? Но ведь вполне осуществимая, если регулярно находить время для тесного общения со своими солнышками.

Свой особый мир для этих солнышек создает и Любовь Шубная, также очень хорошо знающая психологию детей, показывающая, как они, дети, нуждаются во внимании взрослых, вроде и недалеко находящихся, но не желающих снизойти до их забот и проблем. Для начала от них, взрослых, требуется то, чем сполна обладает дедушка Аркаша в стихотворении «Дедушкина каша». Чем вкусна эта незатейливая еда? «У меня секрет простой – / Я ведь кашу вместо масла / Заправляю добротой!» – признается он и тем самым еще раз напоминает о том, что каждый из нас может и должен делать мир чуточку добрее. Таковым его непременно сделают мальчишки, прототипом которых у поэтессы выступает наивный Федя (стихотворение «Генеральная уборка»). Генеральную уборку, затеянную мамой, он трактует по-своему: «К нам приедет генерал! / У меня ни разу в детской / Генерал не убирал!» Каламбур вызывает улыбку, в воображении детей же еще и необходимость помогать старшим по хозяйству. По-своему рисует поэтесса и пейзаж. К примеру, в стихотворении «После дождя» «солнце в каждой луже улыбается»,

березка в сарафан из бисера одета, радуга опирается о луга... Интересные, согласитесь, рисунки создали бы дети по подобным описаниям.

Продолжить обзор можно было бы, приводя примеры из творчества Екатерины Полумисковой, Натальи Окенчиц, Александра Мосиенко, Елены Гончаровой, Сергея Рыбалко, Татьяны Корниенко, Елены Кривецкой, Елены Крыловой, Тамары Сухоруковой, Надежды Хмелевой и Галины Шевченко. Продолжить и заключить: «Достойных авторов, имеющих ключ в страну детства, как на Ставрополье, так и в других регионах Северного Кавказа, немало». Но вот изданию антологий для детей, в том числе – на национальных языках, никакого внимания не уделяется. Подобные книги должны выходить благодаря не одноразовой инициативе большого руководителя или спонсора-мецената, а в виде неотъемлемой составной части государственной политики в области культуры и быть доступным своей аудитории, как в библиотеках, так и в книжных магазинах. Применительно, скажем, к Осетии, ныне для детей пишут Камал Ходов, Ахсар Кодзати, Гастан Агнаев, Тотрадз Кокайты, Римма Сотиева, Асиат Наниева, Асланбек Бритаев, Даур Кауров, Эльбрус Скодтаев, Станислав Кадзаев, Милуся Будаева, Земфира Бзыкова, другие писатели, по-новому раскрывающиеся в качестве знатоков детской души. Думается, минимум с десятков имен назовут и представители других регионов. Появятся антологии в них – сложится и антология или серия книг «Детские писатели Северного Кавказа», что станет основой для формирования единого литературного пространства и привлечения читателей, а также новых потенциальных авторов.

Именно во имя этого благого дела писательскому сообществу Северного Кавказа необходимо сказать свое веское слово и в деле улучшения положения газет и журналов для детей в стране в целом и своих регионах в частности. Оно столь удручающе, что Мурзилке – главному символу детской прессы еще с советских времен, впору обливаться горькими слезами. Ни законодательство, ни существующие реалии не располагают к тому, чтобы периодика подобного рода хоть ненамного отступила от края пропасти. Меж тем именно с газет и журналов начинается формирование действенной силы литературного вкуса, позволяющего подрастающему поколению приступать к чтению тех же антологий с произведениями писателей – по идее, постоянных авторов изданий первой ступени познания для маленьких почемучек. Необходимо предложить, чтобы государство поощряло и создавало все условия для мощной социальной рекламы, попадания основных детских периодических изданий в школьные библиотеки. Для того чтобы они стремительно не исчезали с поля зрения маленького читателя, его учителей и родителей, следует оздоровить и экономику детской прессы – возратить государственную субсидию на доставку подписных изданий населению и включить детские СМИ в программы субсидирования в рамках Государственной стратегии развития индустрии детских товаров. Как следует из открытых источников, реальным спасательным кругом для детских изданий стал бы и вывод подписки из сферы коммерческой деятельности «Почты России» и ее перевод в категорию универсальной почтовой услуги. Целесообразно и введение сертификата подписки на детские издания, по которому она будет

обходиться дешевле, а государство компенсирует почти затраты на доставку. Не помешали бы и создание специализированных киосков прессы для реализации детских СМИ и сопутствующих товаров вблизи школ и других детских учреждений. В крупных городах же традицией должна стать организация ярмарок выходного дня для детской прессы и литературы. Крайне важно, чтобы периодическая детская печать соответствующими государственными структурами была рекомендована в качестве внеклассного чтения. Инициатива способствовала бы утверждению и закреплению «полки альтернативных книг», где бы нашлось место и книгам лучших национальных авторов. При такой постановке вопроса от соответствующих региональных министерств в районы и школы придут рекомендации о применении этой нормы, в том числе – в виде организации подписки для детских, школьных и сельских библиотек. В реализации данных комплексных мер имелся бы и достойный вклад писателей, так как меры подразумевают еще и более активное участие во встречах с детьми в общеобразовательных учреждениях.

Означенные проблемы являются звеньями одной цепи-системы, позволяющей приобщить к чтению поколения, в чьих руках находится будущее страны, власти которой пока, увы, мало озабочены судьбой детской литературы, зачастую отданной еще и во власть издательств, трактующих ее как один из способов получения прибыли. Они делают ставку на раскрученные имена, чаще всего – зарубежных авторов, не имеющих понятия о нашей культуре, основах воспитания, нравственных ценностях и проповедующих западные идеалы. Детства радуга-дуга же

основывается только на таких книгах, как «В краю веселых радуг», призывающих детей, да и их родителей тоже, жить в родных просторах, дорожить ими, стимулирующих к познанию разной и удивительно прекрасной малой родины в объятиях большой России...

ЛИТЕРАТУРА

1. В краю веселых радуг (Антология). – Ставрополь: Печатный двор, 2018. – 168 с.

2. Сысоева Наталья. Старику Хоттабычу пора на пенсию? // Читаем вместе. – 2020. – № 6-7. – с. 18.

Подписано в печать 10.11.2020.
Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура «Georgia». Усл. печ. л. 10,0. Уч.-изд. л. 8,26.
Заказ № 211. Тираж 979 экз.
Дизайн и верстка: С.А. Крапоткина.
Корректор: И.Е. Еськова.
Отпечатано в типографии ООО «АЛЕКС ПРИНТ»:
394007, г. Воронеж, Ленинский проспект, д. 94, корпус 5, к. 52.
Тел. 8 (4732) 90-45-17.